

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Алексей Малашенко
Дмитрий Тренин

ВРЕМЯ ЮГА

Россия в Чечне,
Чечня в России

Гендальф • Москва • 2002

УДК 323(470+571)+355.48(470+571)“1992/...”
ББК 66.3(2Рос)31
М18

Рецензент профессор, доктор исторических наук В. В. Наумкин

Малашенко А., Тренин Д.
М18 **Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России / Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2002. — 267 с.**
ISBN 5-88044-145-8

Книга посвящена последствиям Чеченской войны для России. Авторы исследуют изменения в политической системе страны, в ее военной организации и внешней политике, причиной или катализатором которых стал конфликт на Северном Кавказе. Особое значение уделено эволюции «исламского фактора». В книге присутствует анализ развития ситуации в Чечне с 1991 г., но основное внимание сосредоточено на проблемах общероссийского значения. По убеждению авторов, для России наступило «время Юга», т. е. период, когда события на южном направлении (Кавказ и Центральная Азия) из периферийных превратились в центральные, а иногда — в определяющие для различных сфер российской политической и общественной жизни.

УДК 323(470+571)+355.48(470+571)“1992/...”
ББК 66.3(2Рос)31

The Time of the South: Russia in Chechnya, Chechnya in Russia.

Электронная версия: <http://pubs.carnegie.ru/books/2002/09am-dt>

Издание осуществляется на средства некоммерческой неправительственной исследовательской организации — Фонда Карнеги за Международный Мир при финансовой поддержке благотворительного фонда Carnegie Corporation of New York. В соответствии с условиями предоставления гранта издание распространяется бесплатно.

В книге отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

ISBN 5-88044-145-8

© Carnegie Endowment for International Peace, 2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	6
Глава I. ХРОНИКА НЕЗАВЕРШЕННОГО КОНФЛИКТА	13
Глава II. ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА И РОССИЙСКИЙ <i>МИР</i>	47
Глава III. ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР	69
Глава IV. ВОЙНА И ВОЕННЫЕ	113
Глава V. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	180
Глава VI. ЧЕЧНЯ И ЗАКОНЫ ВОЙНЫ (<i>Анатолий Ливен</i>)	230
Заключение	249
Указатель имен (<i>Сост. Д. А. Басистый</i>)	253
Summary	257
О Фонде Карнеги	266

CONTENTS

Foreword	5
Introduction	6
Chapter I. Chronicle of an Unfinished Conflict	13
Chapter II. The Chechen War and the Russian <i>World</i>	47
Chapter III. The Islamic Factor	69
Chapter IV. The War and the Military	113
Chapter V. The International Ramifications	180
Chapter VI. Chechnya and the Laws of War (<i>Anatol Lieven</i>)	230
Conclusion	249
Index	253
Summary (In English)	257
About the Carnegie Endowment	266

ПРЕДИСЛОВИЕ

У этой книги два автора, но своим появлением на свет она обязана гораздо большему кругу людей. Идея написания текста о *последствиях Чечни* для России и внешнего мира нашла немедленную поддержку у нашего коллеги Роберта Нурика, директора Московского Центра Карнеги, а также у Томаса Каразерса, вице-президента и руководителя исследовательской программы Фонда Карнеги за Международный Мир в Вашингтоне. В написание книги внес вклад Анатолий Ливен, эксперт Фонда Карнеги, специалист по проблемам конфликтов в Южной Евразии. Принадлежащая ему глава рассматривает проблему Чечни с точки зрения законов войны.

В процессе реализации проекта мы опирались на постоянную и высокопрофессиональную поддержку Наталии Кирпиковой, куратора всех публикаций МЦК, а также на помощь нашего бессменного «компьютерного царя» Дмитрия Басистого. Мы особо признательны Александру Иоффе за его неутомимый труд по редактированию рукописи и гармонизации столь отличающихся друг от друга стилей двух ее авторов. Кропотливую референтскую работу при подготовке издания к печати взял на себя координатор программы «Внешняя политика и безопасность» Сергей Псурцев, за что мы ему благодарны. Наконец (естественно, не по важности), мы говорим спасибо нашим женам, которые не только стойко терпели наши домашние писательские занятия, но и всячески укрепляли нас в необходимости и важности этой работы. Насколько удачным оказался наш проект, судить, естественно, читателю. За все ошибки и недостатки книги ответ держат исключительно сами авторы.

Алексей Малашенко, Дмитрий Тренин

Июнь 2002 г.

ВВЕДЕНИЕ

О Чеченской войне написано уже немало книг. Среди них хроники, научные исследования, мемуары политиков, военных, сотрудников спецслужб. Книга, которую мы предлагаем читателю, не о самой войне, а о ее последствиях. Как-то у одного из российских политиков в отчаянии вырвалась фраза: «У нас везде Чечня!». Несмотря на подзаголовок этой книги, мы не столь категоричны в оценках. Можно, однако, утверждать, что Чеченская война привела к заметным сдвигам в российской политической жизни, оказала серьезное влияние на межэтнические отношения, стала одним из важнейших стимулов, способствовавших переориентации внешней политики и, наконец, заставила российскую военную машину, все еще сосредоточенную по инерции на сюжетах противостояния с Западом, реагировать на новые вызовы безопасности, исходящие с Юга.

Действительно, первая кампания в Чечне «надломила» президентство Бориса Ельцина, а вторая стала политическим трамплином для Владимира Путина. Война стала также испытанием единства территории России в ее постсоветских границах.

Если первая кампания в Чечне была испытанием сепаратизмом, то ее исход явился толчком к радикализации ислама на Северном Кавказе и в России в целом. С тех пор исламский экстремизм развивается в стране параллельно с процессом исламского возрождения, иногда паразитируя на нем.

Война привела к появлению в России сотен тысяч вынужденных переселенцев и к возникновению напряженности между славянским большинством и мусульманским населением страны.

Война в Чечне превратила терроризм в факт постсоветской российской действительности.

Первоначально способствовавшая политической и дипломатической изоляции России на Западе, Чеченская война после 11 сентября 2001 г. стала фактором, содействовавшим повороту внешней политики Москвы в сторону сближения с США и НАТО.

Чеченская война является также символом выхода России из имперского состояния. Советский Союз был своеобразным продолжением Российской империи. Российская Федерация — уже не империя,

но и еще не демократическая федерация в полном смысле слова. Проблема Чечни лежит между двумя состояниями российской государственности. Успех перехода из одного в другое зависит от решения чеченского вопроса.

Чеченскую войну ее критики иногда сравнивают с войной в Алжире, который также считался не колонией, а неотъемлемой частью Французской Республики. Другое сравнение, которое приводят уже защитники российской политики, — с ситуацией в Северной Ирландии. Оба сопоставления крайне приблизительны и условны. Алжир отделен от Франции Средиземным морем, в то время как не имеющая выхода к морю Чечня расположена в самом центре российского Северного Кавказа. Простое решение — «уйти и забыть» — здесь невозможно. С другой стороны, Белфаст в отличие от Грозного не подвергался «сталинградским» разрушениям в результате бомбежек и артобстрелов, а его население не оказывалось почти целиком в положении беженцев.

Вторая чеченская кампания прошла под знаменем контртеррористической операции. После нападения террористов на США Чечню стали активно вписывать в контекст глобальной борьбы с терроризмом. Терроризм там, без сомнения, присутствует (достаточно назвать Хаттаба, Басаева и Радуева), но не как преобладающий элемент ситуации, а наряду с сепаратизмом и обыкновенным бандитизмом. Кроме того, борьба с терроризмом — не только в Чечне, но и повсюду в мире — ставит вопрос о методах этой борьбы. В ряде случаев усилия по «искоренению терроризма» приводят к прямо противоположным результатам.

В пылу борьбы обычно мало внимания уделяют проблеме последующего урегулирования. Между тем, как свидетельствует, в частности, опыт той же Северной Ирландии, борцы с терроризмом в конце концов вынуждены признавать своих противников в качестве партнеров по переговорам, а впоследствии и по выходу из конфликтного состояния.

Не только Чечня, но и глобальная антитеррористическая операция в целом по-новому поднимают проблему взаимоотношений между Севером и Югом. Благодаря сотрудничеству прежних антагонистов — Запада и бывшего Востока — формируется своего рода международный «северный альянс», в то время как большинство международных террористов и тех, кто им симпатизирует, — выходцы из различных регионов «Юга». Цивилизационные и стадийные различия между основными игроками приводят к тому, что, например, в Чечне в качестве противников федеральных властей выступают силы *традиционного общества* — притом что сама Россия является типичным государством *индустриальной эпохи*, а ее политика обсуждается (и часто осуждается) *постмодернистской* Западной Европой.

Трансформационные процессы в России уже привели к тому, что бывший советский Юг оказался выбит из привычной ниши. Условий, на которых республики Северного и Южного Кавказа, Центральной Азии были интегрированы в общее союзное и российское пространство, более не существует. Вслед за территориальным распадом имперско-советского государства встает проблема эрозии общности людей, сложившейся в пределах этого государства. В России складывается опасная ситуация: прежняя советская многонациональная общность уходит в историю, а российская гражданская нация еще не сложилась. Чеченская война, провоцирующая раскол между славянским большинством и «лицами кавказской национальности», сближающая понятия «ислам» и «терроризм», объективно является в этих условиях фактором раскола страны.

Мы назвали книгу «Время Юга». По нашему мнению, именно на южном направлении сегодня и в обозримой перспективе сосредоточены наиболее серьезные вызовы, с которыми сталкивается Россия. Речь в этой связи идет не только о затянувшейся Чеченской войне, но и о проблемах всего Северного Кавказа, а также других мусульманских анклавов в составе Федерации. За пределами российских границ серьезнейшей потенциальной проблемой для нашей страны является Казахстан, от стабильности межэтнических отношений в котором зависит безопасность России. Казахстан — безусловно, единственная страна Центральной Азии, где сосредоточены действительно жизненно важные интересы России. На положение в Казахстане, однако, непосредственное влияние оказывают процессы в Средней Азии, прежде всего в Ферганской долине. Разгром талибов в Афганистане не решает основных проблем стабильности постсоветских режимов региона, поскольку эти проблемы носят преимущественно внутренний характер. Узбекистан, Туркмения, Киргизия, Таджикистан продолжают оставаться внутренне неустойчивыми государствами. Они также уязвимы извне, поскольку примыкают к нестабильному региону Ближнего и Среднего Востока.

Нарастающая социальная и политическая напряженность на пространстве от Пакистана до Палестины сочетается с распространением здесь оружия массового уничтожения и ракетных технологий. Вследствие географической близости к этому району Россия особенно уязвима с точки зрения последствий применения государствами региона ядерного оружия. В 1999 г. и вновь в 2002 г. Индия и Пакистан привносили в свои отношения фактор ядерной угрозы. Это свидетельствует о кардинальных переменах в мире: в начавшемся веке проблема стратегической стабильности — это прежде всего вопрос поддержания баланса между «новыми ядерными государствами».

* * *

Итак, от правильного выбора «южной» стратегии и тактики действий зависят как безопасность самой России и характер ее отношений с другими государствами, так и природа самой российской государственности, качество общества. В этой связи требуется переосмыслить имеющийся исторический опыт.

На «южном» (строго говоря, южном и юго-восточном) направлении Российская Федерация получила противоречивое наследство. Начиная со взятия Казани войсками Ивана Грозного в 1552 г. и вплоть до конца XIX столетия (победы «белого генерала» Скобелева в Туркестане) постепенно, но неуклонно шел процесс подчинения тюркоязычного исламского Юга русским православно-христианским Севером. Четыре сотни лет продолжалось расширение российской державы от рубежей Волги и Оки вплоть до побережья Крыма и Каспия, гор Кавказа и пустынь Туркестана. Упразднились целые мусульманские государства, на месте которых создавались наместничества и губернии; местные элиты включались в состав имперского дворянства; присоединенные народы не истреблялись и не сгонялись с насиженных мест; наконец, несмотря на спорадические попытки христианизации некоторых мусульманских народов, преобладающей российской реальностью была государственная и общественная веротерпимость.

В советский период государственная политика неоднократно и круто менялась — от стимулирования революционного классового сознания «трудящихся мусульман Востока» к поддержке национального ренессанса, далее к жесткой унификации де-факто с созданием формальных институтов протогосударственности и, наконец, к стабилизации сложившихся национально-клановых структур на местах при все более формальном контроле со стороны дряхлевшего Центра.

На международной арене мусульманские и прежде всего многие арабские страны после Второй мировой войны превратились для Москвы в важный ресурс в глобальном противоборстве с Западом. Неудача сталинского проекта превращения Израиля в орудие борьбы с британским колониализмом заставила Москву переключить внимание на враждебное Израилю арабское окружение. В 1954 г. в арабский мир (в Египет) впервые стало поступать оружие из социалистического лагеря, а начиная с Суэцкого кризиса 1956 г. и вплоть до войны в Персидском заливе 1990—1991 гг. Москва была главным политическим и военным союзником арабских государств, особенно тех, где у власти находились леворадикальные режимы, — Египта, Сирии, Ирака, Ливии, Алжира, Йемена.

По иронии судьбы последняя попытка поддержать «нечаянную» леворадикальную революцию в мусульманской стране и заодно расширить зону безопасности Москвы почти до Персидского залива стала первым шагом на пути к распаду советской глобальной системы союзов, а затем и самого СССР. Не потерпев в Афганистане военного поражения в обычном смысле слова, Советский Союз слишком поздно осознал, что попал в капкан, выбираться из которого пришлось долго и ценой больших потерь. Исход из «Афгана», в свою очередь, стал катализатором фундаментальных перемен. Темп событий был стремителен. Советский Союз перестал существовать всего через 33 месяца после того, как его *непобежденная* армия благополучно переправилась на северный берег Амударьи.

Москва довольно спокойно «отпустила» Балтию, «ушла» из Закавказья, «отцепилась» от Центральной Азии. Принципиально важно, что во второй половине 90-х годов не только российская власть, но элиты и общество в целом свыклись с независимостью Украины и принадлежностью Крыма украинскому государству. Значение одного этого факта для безопасности Европы невозможно переоценить. Очевидно также, что несмотря на взятый Москвой курс на интеграцию Белоруссии в единое с Россией экономическое, да и правовое пространство, российское руководство проявляет все большую осторожность в реализации амбициозного и гораздо менее оправданного проекта — создания единого государства с Белоруссией.

На этом в целом позитивном фоне перехода от традиционной державы к современному государству чем дальше, тем серьезнее становится проблема отношений России с мусульманским миром — как внутри страны, так и по периферии ее южных границ, за которыми после распада Союза возникло шесть новых мусульманских государств: Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан. Их общее население превышает 60 млн, что составляет свыше двух пятых населения России. Еще важнее качественные изменения и их динамика.

Внутри самой Российской Федерации наблюдается быстрый рост самосознания национальных элит, в том числе в традиционно мусульманских республиках Поволжья и Северного Кавказа. В период распада СССР Татарстан и Башкирия объявили о своем государственном суверенитете, фактически претендуя на конфедеративный характер отношений с остальной Россией. Впоследствии эти претензии были приглушены и умерены, но окончательно не отброшены.

В России присутствует и развивается феномен исламского возрождения, частью которого стала неизбежная политизация ислама, воз-

никновение различных — на общероссийском и региональном уровнях — исламских партий и движений, сделавшихся (формально или нет) легитимными участниками политического процесса. Эти организации являются не только «инструментами общения» между различными мусульманскими анклавами, но и центрами координации их действий внутри *российского сегмента мусульманского мира* и, соответственно, проводниками интересов мусульманских сообществ.

Исламский фактор влияет на ситуацию внутри России, а также оказывает воздействие на ее внешнюю политику. Особое значение ему придает то обстоятельство, что в конце XX столетия усилилась политическая радикализация ислама. Чечня — не исключение. В странах Центральной Азии, на Кавказе, в Афганистане, на Ближнем Востоке, в других регионах мусульманского мира и особенно в мусульманском *пограничье* развиваются конфликты, в которых ислам является одним из важнейших мобилизационных рычагов, приводящих в движение значительные этнические и социальные массивы.

Эти конфликты, в свою очередь, накладывают отпечаток на военную политику соседних государств, в том числе России. На протяжении уже четверти века — с небольшими перерывами — сначала советские, затем российские войска ведут боевые действия исключительно с мусульманскими бойцами: Афганистан (1979—1989), Таджикистан (1992—1993), «первая» Чечня (1994—1996), Дагестан (1999), «вторая» Чечня (1999—?). Возглавляемая США международная антитеррористическая коалиция, в которую Россия вступила осенью 2001 г., также прежде всего нанесла удар по террористам и радикалам, вышедшим из исламского мира. Вооруженные силы США действуют на территории Афганистана, осуществляют операции в приграничных районах Пакистана; американские советники и инструкторы готовят правительственные войска Филиппин и Грузии для противодействия местным мусульманским террористам; целью наиболее масштабной военной операции США назван Ирак. Даже без упоминания в этом ряду Ирана, Палестины, Кашмира и Синьцзяна становится ясно, что ведущие государства, которым приходится иметь дело с вооруженными исламскими сепаратистами, террористами и прочими экстремистами, обязаны усилить *невоенное* измерение своей политики, чтобы не допустить перерастания отдельных конфликтов в *столкновение цивилизаций*.

* * *

Война в Чечне во многом стала знаковым событием, своего рода эмблемой постсоветской России. Хотя чеченская проблема возникла до распада СССР, а дудаевское руководство заявило о выходе из Россий-

ской Федерации еще в ноябре 1991 г., вплоть до самого начала первой кампании в конце 1994 г. Чечня оставалась на дальней периферии российской политической географии. Когда же война все-таки началась, она выглядела каким-то театром абсурда. Несмотря на все ужасы войны и муки ее многочисленных жертв, для многих как в столице России, так и в «глубинке» она продолжала оставаться далекой и чужой, в лучшем случае — бесконечным и жутким телевизионным сериалом. После хасавюртовского соглашения о перемирии (1996 г.) многие россияне предпочли вновь забыть о Чечне и поднятых ею проблемах.

Три года фактической независимости Чечни не принесли мира ни ей, ни Северному Кавказу, ни остальной России. В 1999 г. россиян захлестнула эмоциональная волна возмущения и гнева в связи с вторжением боевиков из Чечни в Дагестан и особенно в связи с взрывами жилых домов в Москве и других городах. Этот настрой отразился не только на характере и способе ведения второй чеченской кампании. Он сыграл огромную, возможно, решающую роль в ходе парламентских и президентских выборов зимы 1999 — весны 2000 г.

Ситуация на другом участке южного фланга России, в Средней Азии, развивалась параллельно, но импульсы из этого региона доходили в Россию слабее. Гражданская война в Таджикистане, острая фаза которой пришлось на 1990—1993 гг., осталась далеким и к концу десятилетия уже полузабытым эпизодом. Разгром российской пограничной заставы на Пяндже летом 1993 г. вначале воспринимался остро, но уже осенью был заслонен «малой гражданской войной» в Москве. Лишь постепенно зрело убеждение, что угрозы на южном направлении не только укладываются в тенденцию (на эту тему было сказано, пожалуй, слишком много), но что конфликты по обе стороны Каспия, на своей и чужой территории, постепенно меняют саму Россию.

Проблема Чечни перешла из XX в. в XXI. Интенсивность боевых действий снизилась, но обстрелы, диверсии и теракты не прекратились. Число жертв продолжает расти. Локальная по форме, война в Чечне является общероссийским фактором — в том числе из-за существующей всеобщей воинской обязанности и практики командирования на Северный Кавказ милиционеров со всей страны. Дальнейшее развитие событий на Кавказе и в Центральной Азии будет иметь существенное значение для последующей эволюции России. Речь идет о трансформации империи в качественно новое образование, причем одновременно в двух измерениях — внутреннем (Чечня, Северный Кавказ) и внешнем (Центральная Азия, отчасти Ближний и Средний Восток). «Процесс» идет трудно, но он идет.

ГЛАВА I

ХРОНИКА НЕЗАВЕРШЕННОГО КОНФЛИКТА

Чеченский конфликт не только непосредственно воздействовал на российское общество и государство, он стал лакмусовой бумажкой зрелости этого общества, его правящей верхушки. Отношение к Чеченской войне становилось свидетельством политической культуры людей, их терпимости, наконец, просто порядочности. Именно последняя бывает особенно востребована в переходные периоды, когда прежние идеологические и нравственные скрепы уже разрушены, а новые только формируются. В то же время Чеченская война вполне может рассматриваться и как частный эпизод обустройства постсоветской России — независимо от того, случился бы этот конфликт или нет, реформы в стране продолжались бы и в любом случае шли бы крайне трудно. Исследователь, таким образом, обязан проявить максимальную объективность, чтобы не гипертрофировать, но и не преуменьшить роль Чечни в ряду сложных, зачастую предсказуемых мизансцен, в течение десятилетия разыгрываемых на российских политических подмостках.

Прежде чем рассуждать на более широкие темы, необходимо разобраться в сути конфликта и даже еще более сузить вопрос — понять, что происходило и происходит в самой Чечне, напомнить причины конфликта, дать его краткую хронологию, представить основные векторы.

ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА В ЧЕЧНЕ

«Кто выдумал эту войну, чьи интересы в ней сойдутся?», — спрашивал в своих стихах чеченский поэт Хизар Ахмадов.

...Пожаров светятся огни...
Пока не завершится в Грозном
Пора разборок мафиозных —
Не будет мира у Чечни ¹.

Причины чеченского конфликта можно разделить на две группы — объективно неизбежных и субъективных. Первая группа обусловила неизбежность конфликта между чеченским обществом и Россией в постсоветский период, вторая явилась основой для его экстремальности, привела к войне. «Громадную роль, — писал политолог Дмитрий

Фурман, — здесь сыграли чисто субъективные и случайные факторы <...> существовало несколько глубоких факторов, которые делали такое развитие событий не неизбежным, но глубоко вероятным»².

Среди первой группы причин назовем особенности устройства традиционного чеченского общества и сознания чеченцев, в основе которых лежат эгалитаризм и приоритет, даже гипертрофия личной свободы. В результате у чеченцев не сложилась и не могла сложиться та устойчивая политическая иерархия, которая в той или иной степени сформировалась у других, в том числе соседних народов. Отсутствие структурированности в обществе затрудняло не только достижение внутреннего консенсуса, но и препятствовало диалогу с внешними «агентами», в том числе с Россией. В XIX в. дробность чеченского общества затрудняла возможность достижения примирения с Россией, поскольку не было силы, способной выступить от лица всех или даже большинства чеченцев.

Это обстоятельство, в свою очередь, способствовало ожесточенности сопротивления чеченцев российской экспансии, что и закрепилось в матрице их сознания. Незаконченность сопротивления чеченцев, нежелание смириться с поражением обусловило, в частности, и то, что после нападения Германии на Советский Союз в 1941 г. и приближения линии фронта к Северному Кавказу многие из них — хотя далеко не большинство — открыто выступили против советской власти. Коллаборационисты считали свое участие в войне на стороне вермахта продолжением освободительной борьбы XIX в. Москва отреагировала массовой депортацией *всех* чеченцев в феврале 1944 г.

В дальнейшем уже сама депортация стала тем «висящим на стене ружьем», которое впоследствии, в соответствии с законами политической драматургии, обязано было выстрелить. Депортация воспрепятствовала также формированию у чеченцев сплоченной и уверенной в себе советской элиты, которая могла бы обеспечить «ручное управление» ситуацией в период распада СССР.

Уместно напомнить, что чеченцы — наиболее крупный северокавказский этнос. С учетом проживающей в остальной части России диаспоры их численность составляет примерно 1 млн человек. Причем в отличие от большинства других северокавказских республик в постсоветский период Чечня после распада в 1991 г. Чечено-Ингушской Республики становилась все более моноэтничной, что способствовало ее относительной сплоченности в конфликте с Москвой.

Вторая группа причин конфликта связана с первой и ею обусловлена. Внешне она проявляется в форме логически не оправданных поступков, совершавшихся чеченскими лидерами и их московскими оп-

понентами, авантюрными амбициями обеих сторон, меркантильными расчетами «игроков» и многим другим. По сути чеченский конфликт — это не только, а может быть, и не столько война, но прежде всего клубок закулисных игр, тайных контактов, соглашений и пр. В основе всех этих акций стоят не столько государственные и национальные, сколько личные и групповые корыстные интересы. В ходе конфликта решались и решаются вопросы принадлежности чеченской нефти, контроля за финансовыми потоками и т. п. В связи с этим многие эксперты именуют чеченский конфликт «коммерческой войной».

Наконец, причиной того, что конфликт не удалось вовремя предотвратить, а впоследствии избежать многочисленных жертв, является недостаток политического и военного профессионализма, который очень часто компенсировался взаимной жестокостью. В Москве «вопросами Чечни занимаются “кухарки” и “трактористы”», — так зло прокомментировал профессиональный уровень российских политиков генеральный представитель Чечни в России Майрбек Вачагаев³. Со стороны Чечни, однако, действовали люди часто малокультурные и не склонные к рациональной оценке ситуации, не сознававшие ответственности за судьбу своего народа, иными словами, в основном те же «трактористы» (кстати, по иронии судьбы один из самых жестоких чеченских полевых командиров носил кличку «Тракторист»).

ЭТАПЫ СОЗРЕВАНИЯ КРИЗИСА: 1990—1994 гг.

Начало обострения ситуации в Чечне можно датировать ноябрем 1990 г., когда первый Чеченский национальный съезд (ЧНС) избрал Исполнительный комитет, немедленно принявший решение о создании независимого чеченского государства. В течение нескольких месяцев ЧНС превратился во влиятельный, хотя и не признанный ни Москвой, ни Верховным советом Чечено-Ингушской Республики (ЧИР) субъект политической жизни. В июне 1991 г. ЧНС был преобразован в Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН). Глава исполкома ОКЧН, вышедший незадолго перед тем в отставку генерал-майор советских ВВС Джохар Дудаев стал инициатором провозглашения Чеченской Республики Нохчи-Чо.

События в Чечне являлись частью процесса распада Советского Союза. Еще 12 июня 1990 г. Верховный совет РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете Российской Федерации. Ровно год спустя был всенародно избран президент РСФСР. В Москве после этого стало два президента. Новая элита России сознательно шла на обострение отношений с раздираемым противоречиями и стремительно слабевшим союзным центром. На таком фоне провозглашение на Се-

верном Кавказе независимой экзотической республики прошло почти незамеченным.

В момент августовского мятежа 1991 г. в Москве ведомый Дудаевым ОКЧН безоговорочно поддержал президента России Бориса Ельцина, а после подавления путча энергично принялся добывать местную партийную и советскую номенклатуру. Однако несмотря на оказанную ОКЧН поддержку новой российской власти, последняя не испытывала к чеченскому Конгрессу особого доверия, видя в нем оплот сепаратистских сил. После визита в Чечню вице-президента России Александра Руцкого и его встречи с Дудаевым Президиум Верховного совета РСФСР принял постановление «О политической ситуации в Чечено-Ингушской Республике». Российский парламент признавал «единственным законным органом государственной власти на территории ЧИР» Временный высший совет, образованный Верховным советом ЧИР (состоявшим из партноменклатуры). Таким образом, претензии «продемократического» ОКЧН на независимость получили немедленный отпор. Постановление было принято 8 октября, а уже 9 октября ОКЧН огласил встречное постановление, в котором назвал московский документ «провокационным, направленным на создание обстановки с непредсказуемыми последствиями и братоубийственным кровопролитием». Одновременно ОКЧН подтвердил независимость Чечни⁴. «Репликой» Москвы стало введение 9 ноября на территории ЧИР чрезвычайного положения.

Отношения между Грозным и Москвой становились все более напряженными. Нарастала полемика, временами переходившая во взаимные угрозы и оскорбления. В этот ряд можно поставить, например, провокационный ноябрьский «указ № 2» Дудаева, в котором содержался призыв «ко всем мусульманам, проживающим в Москве, превратить Москву в зону бедствия»⁵. Одновременно в Чечне осуществлялись практические мероприятия по подготовке к вооруженному противостоянию центральной власти. В этом ряду особое место занимает принятый Дудаевым в декабре 1991 г. указ «О праве граждан Чеченской Республики на приобретение и хранение личного огнестрельного оружия и ограничении права на его ношение», легализовавший вооружение коренного населения. В феврале 1992 г. начались массированные нападения на армейские части и подразделения внутренних войск с целью захвата оружия. Противостояние между Москвой и чеченскими сепаратистами начало приобретать вооруженный характер⁶.

1992 г. стал временем активного законотворчества первого чеченского президента, который стремился с помощью указов нормализовать жизнь в Чечне, доказать свою легитимность и во всяком случае создать

видимость нормальной работы возглавлявшейся им администрации⁷. Российское же руководство, занятое внутренними проблемами, в том числе разработкой модели федеративного устройства страны, продолжало относиться к чеченскому сепаратизму как к типичному для текущего момента явлению (с поправкой на кавказскую экспрессивность), стоящему в одном ряду с отношениями Москвы и других национальных субъектов Федерации. Заметим, что положение о государственном статусе в принятой в марте 1992 г. Конституции Чечни («самостоятельное и суверенное государство») почти тождественно аналогичному положению в принятой в том же году Конституции Республики Татарстан («суверенное демократическое государство»⁸).

Отношение в Кремле к Дудаеву и его сторонникам оставалось крайне негативным. В ноябре 1992 г. вице-премьер, председатель Государственного комитета по национальным отношениям Сергей Шахрай подписал распоряжение о приведении войск в районе административной границы с Чечней в состояние повышенной боеготовности. Формально это было связано с обострением в октябре — ноябре 1992 г. осетино-ингушского конфликта, однако в результате федеральные армейские части заняли позиции по периметру территории Чечни.

В целом, однако, в Москве не предвидели возможных последствий жесткой дискуссии с чеченскими сепаратистами. Перспективу затяжной войны никто не рассматривал всерьез. Многие московские политики пребывали в удивлении от действий мятежного генерала, надеясь, что он скоро одумается, осознав бесперспективность своих претензий. Они считали чеченский сепаратизм «детской болезнью» переходного периода, которая скорее всего пройдет сама собой по мере разрешения общих проблем федерального устройства страны. Адекватный подход к складывавшейся в Чечне нестандартной ситуации так и не был выработан. Но и сами чеченцы — как дудаевцы, так и их оппоненты — толком не знали, как правильно распорядиться своей властью и влиянием для достижения решительной победы.

В этот же период стала очевидна выгода от конфликта как средства незаконного обогащения чеченских и московских политиков и бизнесменов. На территории Чечни создавались огромные состояния. Постоянная конфликтность обеспечивала криминальному бизнесу успех и высокий уровень безнаказанности: достаточно вспомнить массовые случаи незаконного обналичивания чеченцами долговых расписок, так называемых «чеченских авизо». Обострение ситуации в республике и вокруг нее, по тактичному выражению авторов аналитического обзора «Чеченский кризис», «было спровоцировано неправильной национальной политикой российского руководства, преобладанием

частной (сиюминутной) стратегии над общей и значительным влиянием личностной мотивации участников конфликта, неготовностью к переговорам»⁹. Для «обострения ситуации» вполне хватило бы и одного из перечисленных факторов.

В отношении Дудаева Кремль проводил политику кнута и пряника, где роль последнего отводилась консультациям и переговорам с сепаратистами, а в качестве средства давления выступала поддержка антидудаевской оппозиции, которая возникла в Чечне практически одновременно с консолидацией группировки самого генерала. Оппозиция была разношерстной: в ней состояли и представители старой советской номенклатуры, и выходцы из вновь образованных национальных движений и партий, и те, кто выступал против чеченской независимости, и те, кто разделял идею создания национального государства, но не по дудаевскому сценарию. Конфигурация оппозиционного поля постоянно менялась. Дудаев был раздражающим фактором для нового поколения чеченских политиков, которые отличались завышенной самооценкой, неумным политическим честолюбием и отлично знали, что власть открывает дорогу не только к славе, но и к богатству. Сказывалось то обстоятельство, что политическая культура чеченцев в принципе отторгает идею властной монополии. Авторитаристские и даже диктаторские черты, появившиеся у Дудаева вскоре после его утверждения у власти, не нашли и не могли найти в чеченском обществе однозначной поддержки.

С выходом оппозиции на политическое поле (1 марта 1992 г. была предпринята первая попытка государственного переворота) чеченский конфликт приобрел характер не только внешнего, но и внутреннего противостояния. Угроза гражданской войны, спорадические внутренние столкновения делали ситуацию в Чечне еще более непредсказуемой. 1993 г. прошел под знаком острейшего внутреннего противостояния, подтвердившего раскол общества в том числе и в связи с провозглашением независимости Чечни. Оппозиция предлагала провести референдум по этому вопросу, обвиняя Дудаева в узурпации власти, в нарушении местной Конституции. В середине апреля 1993 г. оппозиционеры начали в Грозном бессрочный митинг, в мае Конституционный суд республики заявил о незаконном и даже преступном характере действий Дудаева. В ответ сторонники Дудаева захватили мэрию Грозного и объявили Конституционный суд распущенным.

В октябре того же года состоялась новая безрезультатная попытка свержения Дудаева. Она почти совпала с попыткой государственного переворота в Москве и не вызвала острой реакции у центральной власти. Очередная неудача антидудаевских сил должна была убедить Мо-

скую в невозможности разрешить конфликт, опираясь только на местную оппозицию. Ситуация заходила в тупик, российское руководство стало склоняться к ликвидации очага сепаратизма военными методами. После принятия в декабре 1993 г. Конституции России, по которой Чечня оставалась субъектом Федерации (иного никто и не ожидал), и решительных протестов дудаевцев в этой связи по решению Москвы 16 декабря был создан Временный совет Чеченской Республики, который возглавил Умар Автурханов — один из самых последовательных противников Дудаева, активный участник выступлений весной 1993 г. В тот же день президент Ельцин отдал распоряжение закрыть границы с Чечней и установить жесткий контроль над проходящими по ее территории железными дорогами.

Уже в январе 1994 г., однако, у Кремля вновь появились надежды на мирное разрешение явно затягивавшегося конфликта. В течение более чем полугода вплоть до августа велись постоянные политические консультации, встречи между политиками разного уровня. Для переговоров с Дудаевым готовилась целая делегация во главе с С. Шахраем (выбор неудачный, поскольку чеченский генерал испытывал к Шахраю личную неприязнь).

Летом 1994 г. в Кремле укрепилось мнение, что пророссийски настроенные чеченские деятели упрочили свои позиции и даже контролируют значительную часть территории республики. В начале июня под руководством У. Автурханова был создан Временный высший совет — правда, подвластная ему территория включала всего три района на севере Чечни. Одновременно возобновил деятельность, казалось, ушедший в небытие Верховный совет во главе с Юсупом Сослаббековым. 2 августа Автурханов выступил с заявлением об отстранении Дудаева от власти. В ответ Дудаев объявил своего противника «предателем Чечни».

По мнению чеченских оппонентов Дудаева, переговоры с сепаратистами были бесперспективны. С конца лета при поддержке федеральных властей они взяли курс на свержение режима Дудаева. В августе оппозиции удалось преодолеть внутренние противоречия и договориться об объединении вооруженных структур. Во главе последних встал бывший мэр Грозного Бислан Гантамиров. Оппозиция попыталась овладеть Грозным, что, по ее замыслу, должно было привести к падению дудаевского правительства. Фактически оппозиционеры выполняли заказ той части российского руководства, которая стремилась к скорейшему уничтожению сепаратизма. С тех пор Чечня фактически находилась в состоянии гражданской войны.

Характерно, что участники этой внутричеченской борьбы за власть, за право представлять все чеченское общество пытались сле-

довать местным традициям. Так, по свидетельству очевидцев, порой происходила заминка из-за того, кто раньше откроет огонь, ибо проливший кровь первым «терял поддержку и престиж»¹⁰, могла возникнуть проблема кровной мести, иногда по разные стороны баррикад оказывались близкие родственники и т. п. Участники столкновений рассказывают, что стычки между чеченцами за редкими исключениями не носили ожесточенного характера. Все это возрождало, пользуясь выражением кавказоведа Владимира Бобровникова, «традиционную культуру насилия кавказских народов» и, как ни странно звучит, на первых порах встраивалось в рамки нормативных отношений в обществе.

С другой стороны, в Чечне при отсутствии единой центральной власти резко возросла преступность. Члены банд, как связанные с противостоящими друг другу крупными структурами, так и независимые «отморозки», терроризировали мирное население — и чеченцев, и русских. Причем последние оказывались в особо тяжелом положении, поскольку, во-первых, не имели родственной поддержки, а во-вторых, ассоциировались с враждебной Чечне центральной властью. Возрождался институт абречества (своего рода «легитимного разбоя», заметно отличающегося от традиционной культуры насилия¹¹), который по мере развития конфликта между Москвой и Чечней приобретал все большее распространение.

ПЕРВАЯ ЧЕЧЕНСКАЯ КАМПАНИЯ (1994—1996 гг.)

26 ноября 1994 г. оппозиция при поддержке российских спецслужб и завербованных ими российских военнослужащих предприняла плохо подготовленную попытку захватить Грозный. Провал этой авантюры поставил перед Кремлем дилемму: отступить с позором или решительно вмешаться, не останавливаясь перед массированным применением военной силы. Одновременно с первыми бомбардировками Грозного российской авиацией Москва 29 ноября призвала конфликтующие стороны в Чечне прекратить огонь и распустить свои вооруженные формирования.

Была ли возможность у Кремля договориться с мятежниками? Можно ли было убедить Дудаева отказаться от независимости, удовлетворив честолюбие генерала и его окружения путем предоставления Чеченской Республике Ичкерия особого «сверхсуверенного» (но тем не менее в рамках Российской Федерации) статуса? Ясно одно: принципиально изменить статус Чечни, признав ее независимость и пригласив вступить в СНГ, значило бы создать опасный прецедент для других субъектов Федерации.

Вероятно, возможность компромисса была, но здесь сыграл значительную роль личностный фактор: Ельцин отказался от встречи с Дудаевым, добивавшимся именно прямого, «на равных», разговора с российским президентом. По мнению людей из дудаевского окружения, московских политтехнологов, если бы такая встреча состоялась (а возможности для нее существовали вплоть до занятия в январе 1995 г. федеральными войсками Грозного), удовлетворительное решение могло быть найдено, и борьба за суверенитет не обернулась бы войной.

Штурм российскими войсками Грозного в новогоднюю ночь 1995 г. стал реальным началом первой Чеченской войны, которая фактически не прекращалась до августа 1996 г. Военные действия сопровождались постоянными призывами Москвы к диалогу и даже объявлениями об одностороннем перемирии при условии отказа Дудаева от независимости, на что чеченский лидер пойти уже не мог. 9 мая 1995 г. Ельцин на встрече с канцлером Германии Гельмутом Колем сказал, что «классическая военная кампания в Чечне завершена». Это была первая из длинной серии кремлевских деклараций о «завершении военной стадии конфликта».

Действительно, к концу весны 1995 г. федеральные силы добились серьезных успехов, загнав противника в горы. Ситуацию радикально изменил террористический рейд боевиков во главе с Шамилем Басаевым, которые 14 июня захватили сотни заложников в больнице Буденновска, расположенного в Ставропольском крае в 200 км от границы с Чечней. Этот акт можно объяснить отчаянием сепаратистов, видевших, что они терпят поражение в чисто военной кампании. Его можно рассматривать и как реализацию тактики «переноса войны в российские города», о чем Дудаев заявил еще в мае 1995 г. Некоторые аналитики рассматривали действия Басаева и особенно его безнаказанность после теракта как явное свидетельство заинтересованности в продолжении войны определенных политических сил в Москве, волю которых он и исполнял (существует еще одна версия причины захвата больницы: отряд Басаева перемещался через Ставропольский край в Абхазию, был случайно остановлен местной милицией, что и повлекло за собой все последующие события). Скорее всего, мотивы рейда Басаева носили комбинированный характер и включали в себя элементы всех приведенных объяснений.

Как бы то ни было, захват больницы в Буденновске стал своего рода рубежом, после которого стало ясно, что победоносное завершение операции по «восстановлению конституционного порядка» (так именовались военные действия со стороны Москвы) откладывается на

неопределенный срок. Выяснилось также, что ни армия, ни спецслужбы России не готовы к подобного рода войне. Стало еще более очевидно и другое: в российских правящих кругах имелись политики и влиятельные бизнесмены, у которых сложились «неформальные» связи с чеченскими сепаратистами и которые фактически лоббировали их интересы в Москве. Среди последних чаще всего называли одного из крупнейших российских предпринимателей Бориса Березовского — человека, входившего в «ближний круг» президентской семьи, а впоследствии, уже при новом президенте Владимире Путине, перешедшего в оппозицию и оказавшегося в вынужденно-добровольном изгнании.

Парадоксальным образом позиция этой части российских политических кругов формально была созвучна позиции правозащитников, которые требовали от Москвы немедленного прекращения военных действий и переговоров с сепаратистами. Все это вместе взятое приводило к тому, что при разрешении конфликта Кремль не имел единого скоординированного плана, а это негативно сказывалось непосредственно на боевых действиях и мешало избрать четкую линию в переговорном процессе.

Одним из типичных проявлений военной и политической непоследовательности стали действия российских силовых структур и высших чиновников во время захвата заложников в Буденновске. Эта непоследовательность позволила Басаеву успешно завершить свою акцию, одновременно продемонстрировав неспособность властей эффективно бороться с боевиками. После того как Басаеву удалось довести до конца операцию и избежать пленения, началась серия взаимных упреков российских политиков и военных, раздавались обвинения в предательстве, в сотрудничестве с чеченскими сепаратистами, причем речь шла о генералах и чиновниках самого высокого ранга. Говорили о якобы существовавшем запрете на поимку Басаева (что в свете последующих событий вполне могло оказаться реальностью). Громкий политический скандал повлек за собой отставку двух «силовиков» — директора Федеральной службы контрразведки Сергея Степашина и министра внутренних дел Виктора Ерина, а также министра по делам национальной и региональной политики Николая Егорова.

После трагедии в Буденновске Москва предложила Дудаеву «нулевой вариант» решения конфликта, при котором генерал и его местные оппоненты должны были добровольно уйти в отставку. Дудаев, естественно, отказался, поскольку считал себя победителем и, постоянно поддерживая контакты со своими «лоббистами» в Кремле, сохранял инициативу в политической и военной областях. В самой Чечне он хотя и был вынужден считаться с ростом авторитета полевых командиров,

но не имел сколько-нибудь значимых конкурентов, тем более из числа политиков промосковской ориентации.

Боевые действия велись с переменным успехом. Однако победы боевиков в глазах общественного мнения, как чеченского, так и общероссийского, выглядели весомее. Взятие в середине декабря 1995 г. отрядами полевого командира Салмана Радуева Гудермеса, второго города Чечни, стало триумфом сепаратистов, в то время как его освобождение спустя десять дней федеральными войсками — своего рода рутинной.

К концу 1995 г. стало очевидно, что и без того неумело организованная ставка Москвы на антидудаевские силы окончательно провалилась. Наиболее авторитетные противники Дудаева Умар Автурханов и Саллаббек Хаджиев (бывший министр нефтяной промышленности СССР) ушли в отставку. Ведущим оппонентом генерала стал давно утративший авторитет в Чечне бывший первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС Доку Завгаев. «Трудно сказать, кому пришла в голову мысль сделать ставку на Завгаева», — писала политолог Лилия Шевцова. И заключала: «Очевидно, это произошло от безысходности»¹².

Неудачи в Чечне накладывали отпечаток на общероссийскую политическую картину. В декабре 1995 г. состоялись выборы в Госдуму, в ходе которых наибольшее количество мест (157) получила Коммунистическая партия Российской Федерации, решительно обогнавшая партию власти «Наш Дом — Россия» (55 мест). У неудачи пропрезидентских сил была в первую очередь экономическая подоплека, но полностью сбрасывать со счетов неудачное развитие чеченского конфликта ни в коем случае не следует. В рамках общероссийских выборов состоялось голосование и в самой Чечне. Одновременно там прошли выборы главы республики, на которых победителем был объявлен Завгаев, собравший, по официальным данным, около 93% голосов. Разумеется, говорить о полноценности чеченских выборов, в ходе которых имели место многочисленные фальсификации, не приходится. «Победа» Завгаева явилась свидетельством не его авторитета среди чеченцев, а марionеточного характера его власти. Голосование не только проходило под контролем российских войск; в качестве избирателей в нем приняли участие 40 тыс. военнослужащих. Лидеры чеченских сепаратистов заранее объявили о неучастии в выборах и сделали все возможное, чтобы они провалились.

Поддержка Москвой опереточной фигуры Завгаева, который практически не покидал своей «резиденции» в аэропорту «Северный» под охраной федеральных войск, еще более способствовала консолидации чеченского общества на антироссийской основе. Сопrotивление шло под лозунгом священной войны — газавата. Это объединяло чеченских

мусульман и давало определенные надежды на помощь со стороны зарубежных единоверцев. Война приобретала все более ожесточенный характер с обеих сторон. Средства массовой информации в зависимости от политической ориентации рассказывали о зверствах соответственно чеченских сепаратистов и федералов (преимущественно контрактников). Кремль же продолжал придерживаться в отношении Дудаева описанной выше политики кнута и пряника, причем весьма часто, по мнению военных, «пряник» демонстрировался именно тогда, когда следовало придерживаться более решительных силовых мер.

В январе 1996 г. боевики Радуева перенесли боевые действия за пределы Чечни и захватили около 2 тыс. заложников в дагестанском городе Кизляре. Одновременно сепаратисты провели дерзкие вылазки в самом Грозном. 15 января Борис Ельцин отдал приказ о начале «полномасштабных» военных действий против боевиков. Последнее выглядело двусмысленно, поскольку такие действия против сепаратистов к этому моменту велись уже на протяжении более года.

Перенос войны на территорию соседней республики был шагом по распространению конфликта, превращению его в региональный. (Показательно, что приблизительно в то же время члены организации «Внуки имама Шамиля» захватили в Черном море паром «Аврасия», что также было своего рода свидетельством выхода конфликта за пределы московско-чеченского противостояния.)

Активизация военной активности совпала с очередным витком миротворческой деятельности ряда российских политиков: лидера объединения «Яблоко» Григория Явлинского, депутатов Госдумы Владимира Лукина, Сергея Ковалева, Виктора Шейниса, Юлия Рыбакова, Рамазана Абдулатипова и др. В феврале 1996 г. Госдума проголосовала за амнистию находившихся в руках федеральных властей чеченских боевиков. Одновременно парламент призвал президента создать специальную государственную комиссию по урегулированию кризиса в Чечне.

В окружении Ельцина обсуждалось сразу семь (так по крайней мере официально заявляли) вариантов чеченского урегулирования. Большие надежды возлагались на дипломатические способности тогдашнего премьера Виктора Черномырдина, которому незадолго до того в ходе буденновского кризиса пришлось вести по телефону прямые переговоры с Басаевым. (Отрывки из этих телефонных разговоров транслировались по телевидению. Один из авторов этой книги хорошо помнит бессильное раздражение зрителей — дело происходило в холле кислотводской гостиницы, — направленное против обоих переговорщиков: против улыбающегося, уверенного в успехе Басаева, и против лишен-

ного возможности решительно действовать и потому бессильного Черномырдина.)

Все это, однако, происходило в обстановке не прекращавшихся ни на минуту боевых действий, под аккомпанемент обещаний военных покончить с «чеченскими бандитами». Все более популярным среди российских генералов и вообще в обществе становился тезис о том, что политики «украли у солдат окончательную победу». Это утверждение еще долго оставалось расхожим при объяснении поражений «федералов». Впоследствии, уже в разгар успешно начавшейся в августе — сентябре 1999 г. второй чеченской кампании российское командование порой объясняло свои достижения среди прочего тем, что армии не мешают воевать. Однако и в условиях «невмешательства» политиков непосредственно в ход военных действий окончательная победа так и не была одержана.

1996 г. стал переломным и одновременно завершающим в ходе первой чеченской кампании. Сложилась патовая ситуация: боевики не имели возможности закрепить свои временные успехи, достигнутые в результате внезапных набегов, а федеральные войска — разгромить их наиболее крупные формирования или хотя бы оттеснить в горы, чтобы затем, создав надежный кордон, образовать на удерживаемой части территории подобие *замиренной* республики. Не удалось уничтожить или пленить наиболее авторитетных полевых командиров, без чего любая победа выглядела неполноценной, если вообще могла считаться таковой.

Для сепаратистов «ничья» фактически означала победу, а для Москвы она столь же однозначно выглядела поражением. Готовившийся к президентским выборам Ельцин не мог не учитывать этого обстоятельства. Тем более что его личное приобщение к чеченским событиям выглядело беспомощным и часто носило гротескный характер. Во время захвата заложников в Кизляре российский президент, выступая перед журналистами и обещая немедленное освобождение плененных, сообщил представителям СМИ, а через них и всему населению России, что «за боевиками следят 38 снайперов», при этом артистически изобразив одного из них. После этого эпизода рейтинг Ельцина, и без того катастрофически низкий, упал еще ниже¹³.

ТРИ ГОДА НЕЗАВИСИМОСТИ, ДЕГРАДИРОВАВШЕЙ В АНАРХИЮ (1996—1999 гг.)

Чеченский конфликт в целом «работал» на понижение ельцинского рейтинга, что могло существенным образом повлиять на исход президентских выборов, назначенных на июнь 1996 г. В условиях, когда по-

бедоносное военное решение полностью исключалось, Ельцину и его окружению оставалось сделать больший акцент на переговорный процесс. Этому способствовало и то, что между двумя турами выборов были отправлены в отставку настаивавшие на продолжении войны «силовики» — министр обороны Павел Грачев, «ближайшие» кремлевские генералы Александр Коржаков и Михаил Барсуков, секретарь Совета безопасности Олег Лобов.

На фоне падения авторитета Ельцина и его генералов в обществе резко возросла популярность отставного командующего 14-й армией в Приднестровье Александра Лебеда¹⁴. Лебедь неоднократно высказывался в пользу политического урегулирования конфликта, кроме того, он пользовался авторитетом среди чеченских политиков. 16 июня в первом туре президентских выборов Лебедь вышел на третье место (свыше 14,5% голосов), пропустив вперед только Ельцина и лидера КПРФ Геннадия Зюганова. Вслед за этим успехом он получил от Ельцина приглашение занять важный пост секретаря Совета безопасности. Таким шагом Ельцин существенно укрепил свои позиции перед вторым туром. Одновременно он переложил на плечи популярного в стране политика решение «нерешаемого» чеченского вопроса — тем самым в известном смысле отчасти выводя из-под удара себя.

После назначения «примиренца» Лебеда и отстранения от дел сторонников продолжения войны «до победного конца» армия оказалась деморализованной, у нее пропал стимул для продолжения активных действий. Этим не замедлили воспользоваться боевики, которые в августе вошли в Грозный, что стало формальным свидетельством и одновременно символом поражения федеральных войск. 22 августа 1996 г. в Хасавюрте (Дагестан) было подписано «Соглашение о неотложных мерах по прекращению огня и боевых действий в г. Грозном и на территории Чеченской Республики». Первая чеченская кампания завершилась.

Обе стороны надеялись извлечь выгоду из прекращения военных действий. Сепаратисты готовились воспользоваться плодами победы. Москва, не признавшая независимость Чеченской Республики Ичкерия, рассчитывала, что передышка изменит соотношение сил в ее пользу. Решение главной проблемы конфликта — вопроса о суверенитете Чечни — откладывалось на пять лет, до 31 декабря 2001 г.

Передышка продолжалась три года. За это время выступавшие за независимость чеченские политики пытались решить три равные по своей значимости задачи:

- заложить основы чеченской государственности и консолидировать общество;

- наладить отношения с Россией, в первую очередь получить от нее компенсацию за причиненные разрушения;
- добиться международного признания Чеченской Республики Ичкерия.

Ни одна из этих целей не была достигнута.

Именно три года квазинезависимости обнаружили неготовность чеченской элиты инициировать строительство национального государства, сплотить различные социальные слои и традиционные фракции, выработать эффективную модель управления государством, сколько-нибудь продвинуться в направлении модернизации политической культуры общества. Обнаружилась и крайняя раздробленность чеченской элиты, которая после гибели в апреле 1996 г. генерала Дудаева¹⁵ так и не смогла прийти к согласию, выдвинуть нового безусловного вождя, способного представлять чеченское общество.

В 1996—1997 гг. непреложным условием решения общественно-политических и экономических задач для чеченских сепаратистов была легитимация их власти. Это требовало проведения выборов, прежде всего президентских, утверждения во главе республики лидера, способного сплотить общество, вести продуктивный диалог со своим российским коллегой. Наиболее подходящей фигурой для этого был Аслан Масхадов, бывший полковник Советской армии, с 1994 г. занимавший пост начальника Главного штаба Вооруженных сил Чеченской Республики, а в октябре 1996 г. ставший премьер-министром коалиционного переходного правительства.

Масхадов всегда отличался умеренностью политических взглядов, готовностью к диалогу. Создавалось впечатление, что ему проще находить общий язык с федеральной властью, чем с собственными радикалами. Масхадов выступал против дудаевского сепаратизма, негативно относился и относится к созданию в Чечне исламского государства. В августе 1996 г. на переговорах с А. Лебедем он согласился с его вызывающей для чеченца формулировкой, что «Россия проживет без Чечни, а Чечня без России — нет»¹⁶. В жестокости конфликта Масхадов всегда обвинял обе участвовавшие в нем стороны.

Ко времени выхода на старт президентской гонки Масхадов успел подписать с председателем правительства России Черномырдиным «Соглашение о принципах взаимоотношений между федеральным центром и Чеченской Республикой». Оно отличалось непоследовательностью, но в случае его реализации все-таки могла открыться дорога к политическому согласию между Москвой и Грозным.

Хотя отношение чеченцев к Масхадову было неоднозначным, он пользовался среди них устойчивой симпатией именно по причине своей

умеренности, способности вести диалог с Москвой. Последнюю же вполне устраивало растущее влияние Масхадова, и потому в ходе чеченских выборов в январе 1997 г. Кремль почти в открытую поддерживал именно его кандидатуру. Правда, впоследствии дипломатичность Масхадова, его готовность идти на компромисс не были в должной мере оценены московскими политиками, что в значительной степени негативно повлияло на его авторитет в чеченском обществе.

Президентские выборы принесли Масхадову убедительную победу: он получил свыше 60% голосов, в то время как его основные соперники Шамиль Басаев и Зелимхан Яндарбиев получили соответственно 20% и 10%¹⁷. Выборы обнаружили желание большинства чеченцев избегать обострений и создавали предпосылки к устойчивому диалогу. С другой стороны, они подтвердили, что часть чеченского общества, прежде всего молодежь, по-прежнему разделяет радикальные настроения и поддерживает курс на исламизацию республики. Более 30% тех, кто не поддержал Масхадова, вскоре составили главную ударную силу его противников, ставших на путь обострения внутречеченской ситуации.

Неустойчивый компромисс, существовавший между Масхадовым и Басаевым, занявшим после президентских выборов пост исполняющего обязанности премьер-министра, сравнительно быстро исчерпал себя. Уже в середине 1997 г. Басаев, не удовлетворенный своей второстепенной ролью в руководстве республики, стал все энергичнее критиковать президента Масхадова и фактически отказался выполнять его указания. Басаев сблизился с чеченскими радикалами, именуемыми в российских СМИ «ваххабитами». В Чечне сформировалась внутренняя оппозиция президенту Масхадову, в которую кроме Басаева вошли бывший и. о. президента Чечни (апрель 1996 — январь 1997 г.) З. Яндарбиев, влиятельные полевые командиры и политики А. Бараев, А.-М. Меджиев, И. Халимов, М. Удугов, А. В. Хусаинов и др.

Раскол внутри чеченского сопротивления произошел, во-первых, по причине борьбы за власть, во-вторых, из-за отсутствия среди чеченцев единой позиции в отношении Москвы, в-третьих, ввиду различий во взглядах на будущее чеченского государства. Дополнительную остроту всем этим разногласиям придавало то, что раскол принял религиозный оттенок: чеченское руководство и общество оказались разделенными по вопросу об отношении к исламу.

РЕЛИГИОЗНЫЕ СПОРЫ (1997—1999 гг.)

Исламский фактор играл двойственную роль в чеченском конфликте. Дудаев, а затем и Масхадов выступали за светское государство. Оба прекрасно понимали, что, во-первых, только при этом условии они

могут рассчитывать на принятие Чечни в мировое сообщество, а во-вторых, в случае образования государства на религиозной основе они, светские политики, в конечном счете будут вынуждены уйти в тень, уступив место исламским радикалам. Наконец, получив светское образование и воспитание, эти бывшие советские офицеры и их окружение видели в провозглашении шариата верховным законом (а именно это и является главным признаком исламского государства) «возврат в средневековье».

Светски ориентированным политикам противостояла группа деятелей во главе с Яндарбиевым, уверенным, что создание независимого чеченского государства возможно только на исламской основе. Тарикатистский ислам с его мистическими представлениями, отсутствием жесткой привязки к шариату для этой цели не подходил. Естественно, выбор в этом случае делался в пользу фундаментализма, который представлялся более органичным для государственного строительства.

Обращение сепаратистских лидеров к исламу способствовало консолидации общества, играло мобилизующую роль. Лозунг джихада делал сопротивление чеченцев более бескомпромиссным. Будучи эффективной идеологией сопротивления внешнему противнику, ислам, однако, оказался несостоятельным как идеология национально-государственного строительства.

Идея «возврата к корням веры» вступала в противоречие с традиционным чеченским исламом суфийских тарикатов (братств), наиболее влиятельными среди которых являются *Накибандийя* и *Кадирийя*. Обусловленные тарикатскими представлениями культ святых, поклонение их могилам, сравнительно либеральное отношение к требованиям шариата, наконец, само существование тарикатов — все это было несовместимо с жесткими требованиями фундаментализма.

Противники фундаментализма всячески подчеркивали, что его трактовки ислама в принципе чужды чеченскому менталитету, что они ограничивают личную свободу чеченцев, лишают их возможности следовать своим традициям. Одним из главных аргументов противников фундаментализма было то, что, чуждый чеченцам по сути, он вообще был искусственно занесен извне иностранцами — арабами из Саудовской Аравии, стран Персидского залива, афганскими талибами, стремившимися к установлению контроля над чеченцами. Не случайно радикальный ислам в Чечне и в целом на Северном Кавказе получил наименование «ваххабизма» — идеологии Саудовской Аравии, что лишней раз должно было подчеркнуть отсутствие у него местных корней.

Противостояние между традиционным и фундаменталистским исламом проявилось еще в период военных действий. Одним из самых

заметных столкновений между последователями обоих направлений стала попытка фундаменталистов разрушить в 1995 г. могилу святой Хеди — матери одного из крупнейших мусульманских авторитетов XIX в. Кунта-Хаджи (Кишиева). Этот конфликт удалось уладить с большим трудом. Уже тогда вопрос о том, следует ли использовать ислам в ходе национально-государственного строительства, не сближал, а разделял чеченских политиков.

Попытка использовать ислам в качестве инструмента государственного строительства была предпринята осенью 1996 г. временным президентом Яндарбиевым, который издал указ о замене светских судов шариатскими. Одновременно в Чечне вступил в действие Уголовный кодекс-шариат, фактически представлявший собой перевод суданского Уголовного кодекса 1983 г. В 1997 г. чеченский парламент принял закон «О внесении изменений в Конституцию ЧРИ». Измененная ст. 4 Конституции провозгласила ислам государственной религией. Был создан Верховный шариатский суд. Эти и другие меры ставили под сомнение легитимность правления Масхадова, о чем вскоре заговорили Басаев и другие полевые командиры.

«Ваххабиты» взяли инициативу в свои руки. Их оппоненты, прежде всего сам Масхадов и муфтий Чечни Ахмад-хаджи Кадыров, не рисковали открыто выступать против идеи исламского государства. По большей части они критиковали его сторонников за преждевременность введения шариата, непрофессионализм членов шариатских судов, а главное — за «ваххабизм», который рассматривался ими как идеология терроризма.

В то же время Масхадов предпринимал меры, чтобы не допустить монополизации «ваххабитами» ислама как политического орудия. Так, в феврале 1999 г. он ввел в Чечне «полное шариатское правление» и издал указ о формировании Президентской шуры (исламского совета). Эти меры имели лишь ограниченный успех.

«Реисламизация» Чечни имеет несколько аспектов. Во-первых, ее можно рассматривать в контексте состоявшегося в постсоветской России религиозного ренессанса. Во-вторых, ей присуща инструментализация ислама, откровенное использование религии в качестве орудия политической борьбы. В-третьих, развитие радикальной исламской тенденции, кульминацией которой стала попытка создания исламского государства, вписывает Чечню в контекст общей радикализации ислама, возрастания активности исламских политических движений и организаций, стратегической целью которых является приход к власти с целью замены светской политической системы на религиозную. Иными словами, речь идет об одной из попыток реализации *исламского*

фундаменталистского проекта. Подробнее эта проблема рассматривается в гл. III.

Внутреннее противостояние в Чечне стало приобретать характер кровавых столкновений. Летом 1998 г. в Грозном по указанию Масхадова был разогнан организованный Радиевым палаточный городок, в ответ последовало убийство начальника Национальной службы безопасности Чечни Л. Хултыгова. Вскоре в Гудермесе произошло вооруженное столкновение между фундаменталистами и бойцами Национальной гвардии, за ним последовало покушение на Масхадова, которое можно рассматривать и как попытку исламских радикалов совершить государственный переворот. В конце 1998 г. Басаев, Ибрапилов, Радиев представили в чеченский парламент и шариатский суд предложение об импичменте Масхадова. Критикуя Масхадова, его оппоненты говорили, что «похлебку от России чеченцы променяли на свою свободу»¹⁸. Все эти события явились своеобразным рубежом, после которого единство между исламским и де-факто светским направлениями в сепаратистском движении стало еще более призрачным. Раскол в чеченском сопротивлении превратился в постоянно действующий фактор. Это способствовало его ослаблению, но зато осложняло позицию Москвы, точнее, той части столичных политиков, которые, выступая за переговоры с сепаратистами, не представляли, с кем конкретно их надо вести и будут ли они эффективны в случае участия в них только Масхадова.

Масхадов же по-прежнему держал себя таким образом, как будто он и только он полностью контролирует ситуацию на территории Чечни. Действия конкурентов он характеризовал как выпады против законной власти. В свою очередь, противники президента также выступали от имени чеченского государства, всячески демонстрируя свою легитимность. Фактически в Чечне сложилось своеобразное двоевластие, которое не просто затрудняло контакты с Москвой, но зачастую делало бессмысленным любой переговорный процесс.

ЧЕЧНЯ И ДАГЕСТАН: КОНФЛИКТ ПЕРЕСЕКАЕТ ГРАНИЦУ

Параллельно Масхадов, Басаев, Яндарбиев и другие деятели предпринимали все более энергичные усилия по утверждению своего влияния на Северном Кавказе, пытались получить поддержку самых разных сил — от правящих структур до оппозиции. Масхадов, будучи легитимным президентом, рассчитывал на понимание со стороны глав северокавказских республик, которые, осуждая сепаратизм, тем не менее признавали за чеченским коллегой право выступать от имени его народа.

Басаев же, Яндарбиев и их союзники предпочитали действовать помимо Масхадова и большой упор делали на местную оппозицию. Если

Масхадов призывал к солидарности с чеченским народом, рассчитывая, что авторитет на Северном Кавказе поможет ему в переговорах с Москвой, на которые он всегда делал ставку, то более радикально настроенные чеченские политики выступали за объединение Северного Кавказа на основе исламской идеологии и за отказ от переговоров с Москвой. Наибольшие надежды они возлагали на соседний Дагестан, где в конце 90-х годов сложилось несколько фундаменталистских анклавов, разделявших идею создания исламского государства и даже пытавшихся реализовать ее на отдельных территориях (например, в так называемой Кадарской зоне — селах Карамахи, Чабанмахи, Кадар). В 1997 (по приглашению Яндарбиева) и 1999 г. состоялась хиджра (переселение) крупнейшего фундаменталистского авторитета Дагестана, а возможно, и всего Северного Кавказа Багауддина Мухаммада и его сторонников в Чечню, где он принял самое деятельное участие в организации исламских государственных структур.

В июне 1998 г. состоялся Конгресс народов Чечни и Дагестана, который превратился в постоянно действующий орган. Его руководителем был избран Басаев. Идея объединения Чечни и Дагестана в единый исламский имамат получила «институциональное» оформление.

Приблизительно с этого времени Басаев и его сподвижники фактически утратили интерес к поддержанию стабильности в Чечне, отошли от дел, связанных с восстановлением хозяйства, и прекратили обсуждать с Москвой относящиеся к этому вопросы. Главной задачей исламских радикалов стало даже не закрепление чеченской независимости, но политическая и идейная экспансия в ближайшие с Чечней северокавказские республики, прежде всего в Дагестан и Ингушетию.

К середине 1999 г. наиболее боеспособные формирования чеченских сепаратистов уже находились вне контроля Масхадова. С другой стороны, Басаев и его союзники не были способны окончательно порвать с избранным президентом и тем более взять курс на его свержение, что неминуемо привело бы к гражданской войне.

Басаев избрал другой путь для утверждения своего влияния в Чечне — логичный, хотя и рискованный. Он попытался добиться стратегического успеха за пределами республики, в Дагестане. Вернувшись победителем из похода, он мог бы сравнительно легко отделаться от Масхадова и стать единоличным лидером. Этот замысел представляется вполне логичным, нужно всего лишь абстрагироваться от того непреложного факта, что всякий, кто захочет сделаться единственным правителем Чечни, вряд сумеет достичь абсолютной власти в силу традиций чеченского общества.

Басаевскому вторжению в Дагестан в августе 1999 г. еще предстоит стать предметом внимательного изучения историков. Имеющиеся сведения о нем — официальные материалы, публикации в СМИ, рассказы участников и очевидцев — часто противоречат друг другу. Тем не менее общий характер военных действий, завершившихся разгромом группировки Басаева, позволяет, как минимум, сделать вывод, что российские спецслужбы заранее были осведомлены об этой акции. Интересно отметить, что информация о предстоящей войне широко распространялась и среди населения Северного Кавказа. По словам основателя Исламской демократической партии Абдрашида Саидова, «в Грозном все, кто торговал на рынке с мая — июня 1999 г., строили свои планы с учетом предстоящей войны в Дагестане»¹⁹.

РЕЗУЛЬТАТЫ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Авантюра Басаева в Дагестане, обернувшаяся вступлением федеральных войск в Чечню 1 октября 1999 г., стала кульминационным моментом в развитии конфликта между Москвой и Грозным. К весне 2000 г. в ходе *контртеррористической операции* войскам российской объединенной группировки удалось утвердиться примерно на 80% территории Чечни, что, однако не означало установления там полного контроля.

Главным результатом второй чеченской кампании стало стремительное продвижение к президентскому креслу Владимира Путина, назначенного Ельциным 7 августа 1999 г. премьером, ставшего 31 декабря того же года исполняющим обязанности президента и избранного 26 марта 2000 г. вторым президентом России. Важным этапом на этом пути стал феноменальный успех на парламентских выборах наспех сколоченного пропутинского движения «Единство». Можно до бесконечности полемизировать с теми, кто считает, что Кремль просто-напросто умело использовал подвернувшуюся ситуацию, или с теми, кто уверен, что рейд Басаева в Дагестан «проплатила» Москва и что он был ничем иным, как «спецоперацией», но непреложным остается тот факт, что тактический успех Москвы в чеченском конфликте в любом случае имел в первую очередь инструментальное значение. Он способствовал росту авторитета в обществе нового российского лидера, создав ему трамплин для «прыжка» в президентское кресло.

В самой Чечне российские власти, полностью и демонстративно игнорируя вопрос о возможности предоставления республике независимости, предприняли достаточно решительные по сравнению с прошлым периодом шаги по созданию гражданской администрации. В июне 2000 г. президент Путин назначил главой администрации Чеченской Республики ее муфтия Ахмад-хаджи Кадырова. Само назначение

человека, объявленного А. Масхадовым «врагом чеченского народа», за голову которого Ш. Басаев назначил вознаграждение в 100 тыс. долл., свидетельствовало, что Москва не желает более говорить с сепаратистами-радикалами.

В Чечне назначение Кадырова было воспринято неоднозначно. Оно, по мнению эксперта по Северному Кавказу М. Юсупова, «явилось неожиданностью для чеченской общественности» и, более того, — «вызвало недовольство пророссийски настроенного чиновничества»²⁰. Это недовольство вполне объяснимо, поскольку Путин сделал выбор не в пользу кого-либо из тех, кто верой и правдой служил Кремлю в непростое для него время, а обратил свой взгляд на недавнего противника, к тому же в недалеком прошлом объявившего России джихад. Как оказалось, постоянная преданность Москве может иметь негативные последствия для карьеры. Назначение Кадырова можно рассматривать как шаг по пути раскола оппозиции, как возможность привлечения ее влиятельных представителей на сторону Москвы. Интересно, что российские СМИ, много рассказывавшие в то время о Кадырове, зачастую избегали писать о его недавнем «сепаратистском» прошлом.

Приход муфтия Кадырова (вскоре он отказался от духовного звания) на пост главы чеченской администрации показался многим сильным и эффективным ходом Москвы. Главная задача, которую предстояло решить новой администрации, — приступить к налаживанию мирной жизни. Изначально ее реализация находилась под сомнением, во-первых, потому, что влияние Кадырова ограничивалось северными и северо-восточными районами Чечни, в которых сепаратистские настроения всегда были слабее и которые надежнее контролировались федеральной группировкой. Во-вторых, Кадыров не пользовался поддержкой всего чеченского общества, возможно, даже его большинства. В-третьих, самостоятельность новой администрации была условной, поскольку зависела от действий российских «силовиков», которые в конечном счете и обеспечивали ее нормальное существование. В-четвертых, вскоре после назначения Кадырова у него возник конфликт с выпущенным федеральными властями из тюрьмы бывшим мэром Грозного Бисланом Гантамировым, который был назначен (без согласия Кадырова) на должность заместителя главы администрации и стал командиром чеченской милиции. Положение осложнялось тем, что если Кадырова поддерживал полномочный представитель президента России по Южному федеральному округу Виктор Казанцев, то Гантамиров считался человеком начальника Генштаба Вооруженных сил России Анатолия Квашнина и пользовался доверием МВД. Нако-

нец, в-пятых, Кадыров не был принят многими влиятельными фигурами чеченской диаспоры.

Особенно остро стоял вопрос о том, кто будет распоряжаться деньгами, в который уже раз выделенными Центром на восстановление Чечни и пострадавших от конфликта сопредельных регионов Дагестана. Большая часть этих средств неоднократно «исчезала» по дороге в Чечню или разворовывалась непосредственно на месте. Существует великое множество рассказов о том, как пропажу выделенных на восстановление денег объясняли тем, что работы были проведены, но объект оказался разрушен в ходе последующих военных действий или был взорван боевиками, о нецелевом использовании средств на восстановление экономики, о завышении количества электроэнергии, якобы направлявшейся в уже не существовавшие дома и кварталы и т. п.

В этой связи уместно напомнить, что еще в 1997 г. во время встречи с Масхадовым Ельцин жаловался, что у них разные сведения о поступлении финансовых средств в Чечню. Москва выделила 800 млрд руб. (неденоминированных), а в Национальном банке Чечни оказалось всего 129 млрд. «Эти деньги, черт возьми, куда-то утекают», — удивлялся российский президент ²¹ (примерно те же слова он произнес в 1999 г., узнав об «утечке» средств, предназначенных для восстановления Ботлихского района в Дагестане). Министерство финансов России подсчитало, что в предыдущие годы на восстановление Чечни было направлено примерно 10 млрд руб. (уже деноминированных) ²². В 1995 г. влиятельный политик и бизнес-лоббист Аркадий Вольский утверждал, что из выделенных тогда на восстановление 3 трлн руб. (недоминированных) было расхищено 700 млрд ²³. Приводятся и иные, возможно, завышенные цифры: депутат Госдумы Алексей Арбатов считает, что в период первой Чеченской войны «исчез» 1 млрд долл. ²⁴; журнал «Профиль» полагает, что только в 1995—1996 гг. «бесследно исчезло» 2 млрд долл., выделенных на восстановление Чечни ²⁵. Кстати, некоторые представители чеченской диаспоры считают, что для того, чтобы запустить мотор чеченской экономики, достаточно 700 млн долл.

После 1999 г. на контроль за использованием «чеченских» денег претендовали и военные, и гражданские структуры. Причем и те, и другие уверяли Москву, что именно они наилучшим образом сумеют гарантировать их сохранность. В январе 2001 г. российское правительство приняло Федеральную целевую программу восстановления экономики и социальной сферы Чечни, на которую было выделено 14,7 млрд руб. (по тогдашнему курсу примерно 500 млн долл.). Правда, уже в конце весны того же года спецпредставитель президента по обеспечению прав и свобод человека в Чеченской Республике Владимир Каламанов с воз-

мушением констатировал, что из этой суммы освоено всего 150 млн руб., «а где находятся остальные деньги — неизвестно»²⁶. Всего же потребности восстановления Чечни в 2002—2003 гг. были оценены в 40 млрд руб. (т. е. 1,4 млрд долл.), что более чем обременительно для российской экономики. Среди политиков и в обществе по-прежнему ведутся разговоры о том, что эти деньги, во всяком случае немалая их часть, будут использованы не по назначению, фактически разворованы. С учетом предыдущего опыта «реконструкции» Чечни это вполне можно допустить. Однако существует и другой, также очень непростой вопрос: кто в состоянии продуктивно освоить эти суммы, на самом деле обратить эти средства на пользу населению республики? Ответ на него может быть получен лишь непосредственно в ходе восстановления Чечни, которое происходит и будет происходить в условиях продолжения вооруженного конфликта.

СЕПАРАТИСТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ

Однако главной и неизбежной трудностью, с которой столкнулись Кадыров и его администрация, были отношения с сепаратистской оппозицией. С одной стороны, Кадыров твердо придерживался линии на уничтожение непримиримых, с другой — сознавал, что непременным условием существования его администрации были контакты с теми полевыми командирами, которые были готовы идти на компромисс. В этом Кадыров встречал понимание Москвы, которая также не оставляла усилий по расколу оппозиции и привлечению на свою сторону умеренных моджахедов. Так, в конце 2000 г. глава администрации попытался наладить отношения с влиятельным полевым командиром Русланом Гелаевым. По словам Кадырова, он «с этими людьми контактов не теряет», считая их «боевиками, а не бандитами, потому что на них нет криминальной крови», и они «пригодятся в мирной жизни»²⁷.

Тем не менее перелома в отношениях с боевиками так и не произошло. Во-первых, они рассматривали Кадырова как коллаборациониста и предпочитали встречам с ним контакты непосредственно с представителями Москвы. Во-вторых, они постоянно чувствовали за спиной «дыхание» непримиримой оппозиции. В-третьих, ни умеренные боевики, ни их визави с чеченско-московской стороны не представляли, каким образом бывшие полевые командиры и их подчиненные могут быть встроены в замиренную Чечню, не начнется ли впоследствии сведение с ними счетов за прошлые действия.

Не произошло решительных сдвигов и в направлении нормализации мирной жизни. К весне 2002 г. в Чечне не удалось создать даже подобия мирной экономики. В республике работают лишь несколько предпри-

ятий, большая часть детей не имеет возможности посещать школу (в результате стремительно растет число неграмотных), исключительные размеры приобрела безработица — в республике просто негде работать. Наконец, начиная с зимы 2000/2001 гг. сепаратисты стали физически уничтожать представителей кадыровской администрации (известно, что некоторые из тех, кому поступило предложение занять административный пост, испрашивали на это разрешение у Басаева).

Российские власти, в том числе президент Путин, рассчитывали, что Кадыров и его окружение — именно те люди, которые способны заложить основы мирной жизни в Чечне. Однако новая администрация оказалась всего лишь одной из чеченских политических групп интересов, не способной ни решить проблемы консолидации общества, ни приступить к широкомасштабному возрождению чеченской экономики. С этой точки зрения ее можно уподобить прежним промосковским группировкам, которые в свое время безуспешно пытались противостоять генералу Дудаеву.

В то же время у администрации Кадырова есть и отличия. Во-первых, она действует в принципиально иной ситуации: стала очевидна бесперспективность самой идеи сепаратизма; война за независимость трансформировалась в борьбу за выживание. И потому новые коллаборационисты имеют все основания утверждать, что, будучи ранее сторонниками суверенитета, они вынуждены признать невозможность его обретения, тем более любой ценой. Их цель — спасти чеченское общество от гибели, предотвратить геноцид. Следовательно, их сотрудничество с Москвой является не капитуляцией, а политической гибкостью.

Во-вторых, многие кадыровцы сами принимали участие в вооруженном сопротивлении федералам, и потому их нельзя обвинить в трусости.

Наконец, в-третьих, после назначения Кадырова на пост главы чеченской администрации Кремль — несмотря на неоднозначное отношение к бывшему муфтию со стороны ряда высших чиновников и военачальников — сохраняет его в этом качестве, демонстрируя тем самым, что курс на восстановление Чечни является стратегией, а не тактическим ходом. В отличие от Ельцина, который часто менял своих чеченских ставленников, Путин признал Кадырова и его сторонников в качестве постоянных партнеров Москвы.

ТРУДНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ

Вместе с тем федеральный Центр так и не выработал целостную модель управления Чечней в новых условиях. Более того, Москва фактически до сих пор не решила, можно ли считать войну — масштабные

военные действия с постоянным привлечением крупных воинских подразделений, применением бронетанковой техники и авиации — завершённой, если время от времени приходится прибегать к массированному применению военной силы. Отсюда — чехарда административных назначений, особенно в 2000—2001 гг., отсюда же — противоречивые заявления относительно перспектив продолжения или, напротив, завершения широкомасштабных боевых действий.

В январе 2001 г. была учреждена должность федерального министра по делам Чечни, которую занял Виктор Елагин, бывший губернатор Оренбургской области. В феврале того же года было создано правительство Чеченской Республики, которое возглавил Станислав Ильясов, прежде работавший председателем правительства Ставропольского края²⁸. В чеченском правительстве было образовано 34 министерства (у Ильясова семь заместителей), что само по себе выглядело достаточно комично, особенно если вспомнить, что даже имеющий мощную вооруженную охрану Кадыров, несмотря на трижды данное им обещание, только в середине 2001 г. рискнул перенести свою резиденцию из Гудермеса в формально контролируемый федеральными войсками Грозный. Каким образом и с кем будут работать вновь созданные три с лишним десятка министерских структур, сказать трудно. Предметом гордости нового руководства Чечни какое-то время оставался многонациональный характер правительства, в которое вошли представители пяти национальностей — чеченцы, русские, кореец, украинец, еврей. Однако интернационализм нового правительства мало повлиял на профессионализм его чиновников и масштабы коррупции.

Стремительное разрастание административного аппарата, создание «командиров без армий» не стало толчком к началу нормализации жизни в республике. Наибольшим весом там продолжали пользоваться силовые структуры. «Силовиков» раздражало увеличение числа недееспособных гражданских администраторов, которые обращались к ним за помощью, поскольку не имели возможности предпринять ни одного самостоятельного шага без опоры на военных. Таким образом, руководители силовых структур оказались в двойственном положении. С одной стороны, они выполняли свою профессиональную функцию — борьбу с вооруженными формированиями, с другой — им приходилось вмешиваться в проблемы, которые в нормальных условиях находятся в компетенции гражданской власти.

Начальственная чересполосица способствовала росту и без того колоссального хаоса, вызванного военными действиями. Кроме того, затягивание конфликта, отсутствие у центральной власти четкой перспективы его разрешения, ожесточенный характер боевых действий, отсут-

ствие строгого контроля за моральным состоянием войск (на февраль 2001 г. было возбуждено 700 уголовных дел по факту мародерства военнослужащих и незаконного применения ими огнестрельного оружия²⁹), которые к тому же далеко не всегда получали финансовое довольствие, коррупция в военном руководстве и некоторые другие обстоятельства способствовали тому, что в противостояние между Центром и сепаратистами оказалась втянутой большая часть чеченского общества. Это дало основание противникам Кремля рассматривать конфликт как «войну Москвы против чеченского народа».

Типичной чертой такого противостояния были массовые нарушения обеими сторонами прав человека. Привычными стали захваты заложников, которые возвращались похитителями за выкуп. Заложниками могли оказаться политики и журналисты, представители международных организаций, не говоря уже о российских военнослужащих и мирных жителях, как чеченцах, так и русских. В этой связи уместно процитировать печально-симптоматичное признание нынешнего муфтия Чечни Ахмед-хаджи Шамаева: «К русским жителям Чечни у нас всегда были теплые чувства, но в течение десяти лет они были утрачены»³⁰. При этом обе стороны уверяли, что подобные эксцессы совершаются только противником.

Одна из причин растущего ожесточения чеченцев — сохраняющееся в обществе чувство незащитности перед центральной властью, которая однажды (в 1944 г.) одним росчерком пера уже «решила» чеченский вопрос, сослав целый народ. Память о депортации служит постоянным стимулом к сопротивлению.

Наращение жестокости свидетельствовало о кризисе военного решения конфликта, о том, что прямое военное противостояние себя исчерпало. Действительно, федеральные войска сумели достичь относительного успеха — ликвидировать, точнее, рассеять наиболее крупные чеченские формирования. Вместе с тем федералы оказались не способны эффективно действовать в условиях партизанской войны. Будучи победителями в дневное время, они уступали противнику инициативу ночью. По сути после установления формального контроля Москвы над большей частью территории Чечни конфликт превратился в «поединок между слоном и китом», где каждый неизмеримо сильнее соперника в родной стихии. «Самое страшное, к сожалению, — считал командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковник Геннадий Трошев, — что сегодня живы, бродят еще и будоражат народ Басаев, Хаттаб, Масхадов, Гелаев, Бараев»³¹.

В этой ситуации Кремль зимой 2001 г. принял несколько неожиданное решение о передаче руководства операцией в Чечне от Миноборо-

ны Федеральной службе безопасности. Власть стремилась убедить мировую и российскую общественность (а в каком-то смысле и доказать самой себе), что «большая война» выиграна. Последнее чисто психологическое обстоятельство не следует игнорировать: московское руководство создавало себе некую виртуальную реальность, в которой могло чувствовать себя более комфортно.

Решение о передаче руководства чеченской «малой войной» в руки главы ФСБ генерала Николая Патрушева означало сокращение группировки (количественный состав военнослужащих всех силовых подразделений колебался в пределах 70—80 тыс. человек, из них примерно 60 тыс. непосредственно входили в состав федеральных сил) и вывод из Чечни так называемых избыточных войск. Поступали предложения сократить войска на 40%, вдвое или даже в четыре раза, что, по мнению чеченской администрации, было вполне реально с точки зрения поддержания порядка. Сам Кадыров полагал возможным сокращение федеральных войск до 15 тыс. человек³². Один из влиятельных чеченских политиков, депутат Госдумы Асламбек Аслаханов предлагал сократить группировку войск до 22—24 тыс. Вместе с тем тогдашний первый заместитель начальника Генштаба Валерий Манилов заявлял, что после всех сокращений она должна составить приблизительно 50 тыс.³³

О том, что вывод «избыточных войск» вызывал сомнения у специалистов, свидетельствовало и то, что он подкреплялся идеей создания некой сети «опорных пунктов», которые планировалось разместить в 162 населенных пунктах Чечни. Этот план был выдвинут российским Генштабом. По существу он воспроизводил практику XIX столетия, когда по всему Северному Кавказу была создана цепь небольших крепостей, предназначенных для обеспечения административного контроля над завоеванными территориями. В современных условиях подобная мера выглядела сомнительно. Прежде всего главной задачей такого рода гарнизонов и гарнизончиков фактически становится самооборона, поскольку им предстоит находиться в кольце враждебного окружения и быть в постоянной готовности отразить атаку. Возникает проблема материального, технического и продовольственного снабжения этих усовершенствованных блокпостов. Кроме того, между ними требовалось установить устойчивую связь и тесное взаимодействие при проведении различного рода операций. Все это вместе взятое вело не к снижению, а, напротив, к возрастанию трудностей российских войск, к распылению сил.

Кроме того, на территории мятежной республики на постоянной основе дислоцировались 42-я мотострелковая дивизия и бригада внут-

ренных войск, способные к ведению широкомасштабных боевых действий. Наконец, частичный вывод федеральных войск из Чечни предполагал также их ротацию, которая вообще могла служить подменой этого вывода. Таким образом, хотя публичные заявления об окончании «большой войны» и не были в чистом виде риторикой, они не вполне соответствовали реальной оперативной обстановке.

Неопределенность военных планов Москвы логически сочеталась с лапидарностью планов общего урегулирования чеченского конфликта. После прихода к власти Владимира Путина безальтернативный ответ был дан лишь на один, хотя и принципиально важный вопрос — о возможности предоставления Чечне независимости. Имевшие место при Ельцине некоторые колебания по этому поводу были сразу заменены аксиомой — Чечня остается в составе Федерации. При любом отношении к такому решению нельзя не признать, что оно внесло ясность в позиции конфликтующих сторон и, что не менее важно, позволило Москве более целенаправленно работать с международными организациями.

Вместе с тем сам по себе отказ предоставить независимость Чечне не решает вопроса, каким образом добиться компромисса с теми, кто продолжает за нее бороться. Совершенно неясно, как искомый компромисс может быть оформлен юридически. В начале 90-х годов речь шла о соглашении о разграничении полномочий по типу договора между Москвой и Татарстаном, существовала и идея еще более широкого делегирования Чечне полномочий. Однако с 2000 г., когда президент Путин выдвинул в качестве одной из важнейших задач укрепление «вертикали власти», вопрос о «внутрифедеральном суверенитете» утратил актуальность.

Различные российские политики предлагали собственные планы временного обустройства Чечни на период ее затянувшегося «замирения». Среди них — создание в Чечне восьмого федерального округа (в добавление к семи, учрежденным весной 2000 г.), разделение Чечни на «равнинную» и «горную» части — с тем, чтобы немедленно приступить к восстановлению первой и вести войну «до победного конца» на второй. Продолжилась дискуссия о том, должен ли нести ответственность за положение в Чечне единый федеральный орган или чеченские проблемы останутся «расфасованными» по различным ведомствам. В конце концов, по-прежнему неясно даже, кто несет главную ответственность за положение в Чечне и чье слово (не считая, разумеется, президентского) является в этом вопросе окончательным.

Антитеррористическая операция США в Афганистане стала предпосылкой начала на исходе 2001 г. переговоров между представителями

Масхадова и федеральных властей, причем инициатива исходила от чеченцев. Правда, интерес в обществе к встречам доверенного лица Масхадова Ахмеда Закаева и представителя президента России в Южном федеральном округе Виктора Казанцева был не очень высок. Да и с точки зрения освещения СМИ эти переговоры явно уступали афганской теме. Многие сразу вспомнили, что переговоры инициировались чеченцами каждую осень, поскольку воевать в горах зимой крайне сложно, и прекращались с наступлением весны, по мере появления спасительной для боевиков листвы на деревьях. Отношение к переговорам оставалось сдержанным, тем более что против них объединенным фронтом выступили все уже сотрудничавшие с Москвой чеченские политики, прежде всего глава чеченской администрации Ахмад Кадыров.

Быстрый военный успех американцев (который, однако, не привел и не мог привести к предотвращению дальнейших этнополитических междоусобиц) особенно подчеркнул несостоятельность действий российских войск в Чечне. Это, с одной стороны, способствовало новому витку борьбы за начало устойчивого переговорного процесса, с другой — стимулировало претензии военных на более значительное финансирование и прочую поддержку со стороны государства. А российское общество получило уникальную возможность сравнивать действия и мощь обеих некогда равноценных армий, одна из которых «навсегда» отстает от другой.

По аналогии с действиями американцев обозначился и другой подход к решению чеченской проблемы. Если США, стремясь к бескровной победе, выплатили талибам, в первую очередь их полевым командирам, сумму в несколько десятков, а то и сотен миллионов долларов (говорят даже о 600 млн долл.), то почему бы и России, вместо того чтобы приносить в жертву жизни своих солдат, не дать «отступного» чеченским сепаратистам? Мысль, конечно, спорная, однако если вспомнить, что Москва уже выкупала у чеченцев заложников на многие миллионы долларов, она не выглядит столь абсурдной.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Несмотря на незавершенность чеченского конфликта, существует достаточно оснований, чтобы подвести некоторые предварительные итоги и сделать ряд обобщений, которые могут иметь значение, выходящее за пределы Чечни и даже Кавказа. Они сводятся к следующему.

1. Сепаратизм угрожает стабильности России, но вместе с тем не является прямой угрозой ее распада. Даже наиболее ориентированная и исторически подготовленная к ведению борьбы за сецессию Чечня оказалась не способной добиться своей цели.

Несмотря на колоссальные издержки, связанные с чеченским конфликтом, Россия обнаружила в себе способность противостоять сепаратистским тенденциям. Цена, которую чеченское общество заплатило и продолжает платить за попытку выхода из состава Федерации, оказалась такой, что вряд ли какая-то другая российская «национальная республика» отважится повторить чеченский опыт. Показательно, что в начале XXI столетия ни одна из политических сил, претендующих на сколько-нибудь заметную роль на уровне российских республик, не провозглашает своей стратегической целью выход из состава Российской Федерации. Более того, поднимавшийся в начале десятилетия вопрос о конфедеративном устройстве России вообще изъят из политической дискуссии. Пункт Конституции Тувы о возможности ее выхода из состава России в 2001 г. выглядел неким экзотическим реликтом эпохи «парада суверенитетов».

2. Чеченским сепаратистам не удалось получить широкую поддержку мусульман России. Известны случаи выражения симпатии к чеченцам, психологической солидарности с ними (например, во время выступления чеченского певца на стадионе в столице Адыгеи Майкопе аудитория, состоявшая из представителей всех кавказских народов, приветствовала его стоя), однако никакого более или менее организованного движения российских мусульман в поддержку чеченцев не сложилось. Более того, сепаратистские настроения чеченцев зачастую вызывают раздражение кавказских мусульман, в том числе дагестанцев, на которых лидеры чеченских сепаратистов возлагали особые надежды. Чечня не сумела спровоцировать сепаратистское движение в рамках всего Северо-Кавказского региона.

3. Перспектива распада России — которая постоянно обсуждалась в стране и в мире на протяжении 90-х годов — является в современных условиях мифологемой и не должна более приниматься в расчет. Россия сумела пережить распад СССР и устояла в качестве государства с фиксированными границами. Чеченское движение за независимость сыграло здесь роль своего рода «антисепаратистской прививки».

Прямое сопоставление чеченского конфликта с ситуацией в бывшей Югославии страдает поверхностностью. Опыт Косово, не говоря уже об опыте Боснии и Македонии, вряд ли может быть всерьез востребован при решении проблемы отношений между Москвой и чеченскими инсургентами.

4. Внутри России фактор чеченского конфликта имеет разнонаправленное действие. Он, безусловно, негативно сказывается на экономике страны, отвлекая на войну и ликвидацию ее последствий значительные суммы из федерального бюджета. Он обостряет межэтнические и

межконфессиональные отношения, причем не только на Северном Кавказе, но и по России в целом. Война в Чечне способствует росту преступности, в которую оказываются вовлечены непосредственные участники конфликта как с чеченской, так и с федеральной стороны. В некотором смысле можно говорить о появлении «чеченского синдрома», оказывающего влияние на подрастающее поколение. Вместе с тем состояние войны делается настолько привычным для российского населения, что порождает в нем равнодушие к человеческим страданиям, снижает в глазах отдельных людей и общества в целом ценность человеческой жизни.

5. Чеченский конфликт, который в 90-е годы превратился в постоянный объект манипуляций со стороны российского политического истеблишмента, использовавшийся для общественной мобилизации и консолидации вокруг власти, теперь является однозначным свидетельством ее слабости, неспособности принимать ясные позитивные решения в сложных ситуациях. Сам факт его продолжения служит ослаблению авторитета второго российского президента и его окружения.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ *Ахмадов Х.* Кто выдумал эту войну?! — М., 1996. — С. 11.

² *Фурман Д.* Самый трудный народ для России // Чечня и Россия: общества и государства. — М., 1999. — С. 7—8.

³ «Я благодарен судьбе за этот урок» (интервью Майрбека Вачагаева) // Независимая газ. — 2000. — 19 февр.

⁴ Россия и Чечня (1990—1997 годы): Документы свидетельствуют. — М, 1997. — С. 19—20.

⁵ Сборник указов президента Чеченской Республики с ноября 1991 г. по 30 июня 1992 г. — Грозный, 1992. — С. 4.

⁶ О соглашении между Москвой и Грозным о передаче чеченцам части советского арсенала на территории республики см. гл. IV.

⁷ См.: Сборник указов президента Чеченской Республики с 1 июля 1992 г. по 31 декабря 1992 г. — Грозный, 1993.

⁸ Суверенный Татарстан: Документы. Материалы. Хроника. — М., 1998. — Т. 1. — С. 59.

⁹ Чеченский кризис / Центр комплекс. социал. исслед. — М., 1995. — Вып. 8. — С. 7.

¹⁰ *Ливен А.* Война в Чечне и упадок российского могущества // Чечня и Россия: общества и государства. — М., 1999. — С. 272.

¹¹ *Бобровников В.* Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестн. Евразии. — 2000. — № 1 (8). — С. 42.

¹² *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина / Моск. Центр Карнеги. — М., 1999. — С. 229—231.

¹³ Там же. — С. 240.

¹⁴ Александр Лебедь — одна из ключевых фигур российской политики середины 90-х годов. В 1992—1995 гг., будучи командующим 14-й армией, он сумел приостановить конфликт в Приднестровье. Вернувшись в Москву, зарекомендовал себя «государственником», заботящимся о восстановлении престижа России и особенно ее армии. Отличительной чертой его политического поведения стала неожиданная для многих гибкость, уважение к противнику, что, в частности, проявилось в его подходе к Чеченской войне.

¹⁵ Существуют различные версии гибели Дудаева: одни говорят о блестяще проведенной российскими спецслужбами операции, другие — о внутричеченских «разборках». Известно, однако, одно: после смерти Дудаева никто из сотрудников соответствующих российских структур не получил наград. Свидетельствует ли это об их непричастности к уходу чеченского президента? Среди самих чеченцев существует легенда, что Дудаев жив, что он парализован, передвигается в кресле и не хочет в таком виде показываться своим соратникам.

¹⁶ Крас. звезда. — 1996. — 14 авг.

¹⁷ Политический альманах России 1997 / Под ред. М. Макфола и Н. Петрова; Моск. Центр Карнеги. — М., 1998. — Т. 2: Социально-политические портреты регионов: Кн. 1. — С. 304.

¹⁸ *Акаев В.* Чечня: возможен ли афганский вариант? // Центр. Азия и Кавказ [Лулеа (Швеция)]. — 1999. — № 1 (2). — С. 148.

¹⁹ *Саидов А.* Тайна вторжения (о начале военных действий на Кавказе в августе-99). — Б. м., Б. г. — С. 80. — Рукопись.

²⁰ *Юсупов М.* Политическая неопределенность // Сеть этнологич. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюл. — 2000. — Сент.—окт. — С. 41.

²¹ Аслан Масхадов доволен результатами встречи с Борисом Ельциным // Независимая газ. — 1997. — 19 авг.

²² *Беккер А.* Чечня: восстановление non stop // Ведомсти. — 2001. — 25 янв.

²³ Вольский утверждал, что именно с пропажей денег было связано покушение на тогдашнего представителя президента России в Чечне Олега Лобова (Маршо [Урус-Мартан]. — 1995. — 6—15 окт.).

²⁴ *Арбатов А.* Деньги могут исчезнуть в «черной дыре» // Известия. — 2001. — 30 марта.

²⁵ *Змеющенко В.* Чечня эпохи возрождения // Профиль. — 2001. — 22 янв.

²⁶ *Батуев В.* В Чечне разгорается новый скандал // Время МН. — 2001. — 11 мая.

²⁷ «Я не уйду с этого поста, если меня не вынудят» // Коммерсантъ-Власть. — 2000. — 14 нояб. — С. 27.

²⁸ Существует мнение, что, занимая пост главы правительства Ставропольского края, Ильясов одновременно вел коммерческую деятельность на территории Чечни, за что и был смещен. Формально поводом для отставки послужила «неэффективная работа правительства. После этого он возглавил «Южэнерго», которое поставляет электричество в Чечню.

²⁹ *Баранец В.* Войска уходят из Чечни: что дальше? // Комсом. правда. — 2001. — 6 февр.

³⁰ Интервью муфтия Чечни Ахмед-хаджи Шамаева корр. Евгению Чубарову // Известия. — 2001. — 2 февр.

³¹ Сегодня армия в Чечне ушла на второй план, и это правильно // Рос. газ. — 2001. — 28 марта.

³² Gazeta.ru. — 2001. — 19 Jan.

³³ *Максаков И.* Множество планов для одной проблемы // НГ-регионы. — 2001. — 13 февр.

ГЛАВА II

ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА И РОССИЙСКИЙ МИР

Как повлиял чеченский конфликт на российское общество? Как ска- зался он на общественном сознании, на самооценке людей, на их от- ношении к государственной власти, как изменил политические при- страстия? Каковы будут долговременные последствия этого конфлик- та для россиян? Останется ли он в их сознании эпизодом или обратит- ся в устойчивый фактор, воздействующий на эволюцию общества?

На все эти вопросы нет односложных ответов. Оппозиция «да — нет» здесь непригодна. К тому же конфликт еще не закончен. Мы заверша- ем работу над книгой летом 2002 г., спустя два года после « официа- льного» окончания военной фазы контртеррористической операции. Ни один претендующий на объективность специалист, в том числе среди военных, не рискнет назвать дату реального окончания военного про- тивостояния в Чечне. С телеэкранов звучат слова российских офице- ров и солдат, которые, не боясь последствий, прямо говорят: здесь, в Чечне, идет настоящая война. Люди продолжают гибнуть каждый день. Не выдерживает техника. На рубеже января — февраля 2002 г. за не- сколько дней по техническим причинам на землю рухнуло пять (!) рос- сийских вертолетов, что не только привело к гибели более двух десят- ков военнослужащих, но стало трагическим свидетельством неспособ- ности российской армии вести продолжительную войну, символом об- реченности попыток решить конфликт на путях войны. В августе 2002 г. при падении вертолета Ми-26 под Ханкалой погибло около 100 человек.

ОТРАЖЕНИЕ ЧЕЧЕНСКОГО КОНФЛИКТА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

Социологи провели немало исследований, посвященных отноше- нию к конфликту российских граждан: считают они необходимым его разрешение военным путем или, напротив, выступают за переговоры с чеченскими сепаратистами? Мнение людей менялось как в зависимо- сти от развития событий непосредственно в Чечне, так и от общей си- туации в стране. Например, в конце 1995 г., после того, как федераль- ные силы не сумели добиться коренного перелома в военном противоб- орстве, за продолжение войны высказывались только 3,2% опрошен- ных, а за вывод войск — 51,1%. Спустя четыре года, в ноябре 1999 г.,

когда после разгрома группировки Басаева российские войска вступили в Чечню и достигли там определенного успеха при сравнительно небольших потерях, за продолжение войны выступали уже 62,5%, за прекращение операции и вывод войск — 13,2%¹.

Подтверждением этих данных является социологическое исследование «Россияне о судьбах России в XX в. и своих надеждах на XXI в.», проведенное по заказу немецкого Фонда Фридриха Эберта Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (Москва). Опрос проводился среди российских верующих. Первую чеченскую кампанию (1994—1996 гг.) большинство опрошенных рассматривало как «трагическое событие», что можно расценить как косвенное признание необходимости скорейшего прекращения войны. Напротив, начатая в 1999 г. вторая кампания, официально именуемая «контр-террористической операцией», получила одобрение 70% верующих².

В этой связи необходимо учитывать внутривнутриполитический контекст. В 1995 г. в обществе было распространено раздражение против Ельцина, на которого возлагали вину за экономические и политические неудачи. На нем же, по мнению людей, лежала ответственность за конфликт в Чечне. Действия «федералов» в первую Чеченскую войну не смогли добавить популярности ни президенту, ни его генералам. В общественном сознании неудачи в чеченском конфликте ассоциировались с именем президента, и было желание как можно быстрее избавиться и от первого, и от второго.

Напротив, в 1999 г. в стране появился энергичный лидер, не побоившийся взять на себя ответственность за войну и оказавшийся способным добиться перелома в противостоянии с сепаратистами. Охватившая общество осенью 1999 г. эйфория способствовала росту веры в возможность победы в Чечне. А успехи «федералов» на фронте поддерживали оптимистические ожидания в обществе.

Хотя с помощью опросов можно (пусть в самых общих чертах) уловить тенденции в отношении людей к чеченскому конфликту, окончательно судить по их результатам о его влиянии на состояние умов в российском обществе вряд ли возможно.

Одной из трудностей, неизбежно возникающих при оценке воздействия чеченского конфликта на россиян, является соблазн, с одной стороны, абсолютизировать «фактор Чечни», представив его едва ли не ключевым событием всего последнего десятилетия XX в., а с другой — умалить его значение, рассматривая как сугубо периферийное и локальное явление, современный аналог Кавказской войны XIX в.

Примером первой позиции стали многочисленные пророчества политиков и журналистов о том, что развал России начнется с Чечни, что

эта война «взорвет» Северный Кавказ, весь Юг России и приведет к полному коллапсу страны. Авторы предпринятого в 1995 г. «генерального проекта» под амбициозным названием «Россия в третьем тысячелетии» полагали, что «чеченский конфликт обострил общественно-политическую ситуацию в Российской Федерации и в случае его затягивания грозит вылиться в общероссийский»³. Известный российский либеральный политик и бизнесмен, бывший министр финансов и депутат Госдумы Борис Федоров в интервью «Известиям» меланхолически предупреждал: «если Россия не может решить достойно проблему Чечни, то ее судьба печальна». Беседа с Федоровым была опубликована под многозначительным и мрачным заголовком — «Чечня и развал российского государства»⁴.

Таким высказываниям были созвучны прогнозы о том, что чеченский конфликт позволит «темным силам» силам в Кремле блокировать процесс демократизации, привести к власти нового диктатора. В 1995 г. и еще раз в 1999 г. в околополитических кругах были распространены разговоры о пришествии российского Пиночета и даже Наполеона («Независимая газета» поместила коллаж, изображавший Владимира Путина в облике первого консула, а впоследствии французского императора). Хотя чеченский конфликт так и не вылился (и, по нашему убеждению, изначально не мог вылиться) в общероссийский, осенью 1999 г. он был эффективно использован в качестве инструмента для установления в стране более жесткого политического режима. Этому режиму удалось навязать обществу свою трактовку ситуации в Чечне. Уже в 2000 г. три четверти населения России считали, что федеральные войска воюют на Северном Кавказе против бандитов, а примерно половина опрошенных верила, что в этой войне идет борьба за предотвращение распада России⁵.

Сторонники же противоположной точки зрения (их было существенно меньше) высказывались в том духе, что чеченский конфликт — не более чем рутина российской политической жизни, мало отражается на бытии и образе мыслей россиян и вряд ли приведет к общероссийскому катаклизму. Действительно, для большинства людей, прямо не затронутых войной и озабоченных обеспечением собственного выживания (особенно в 1995—1996 гг.) Чечня находилась в каком-то другом мире, с которым у них отсутствовала непосредственная связь. Подобные взгляды, однако, не попадали в российскую печать. От публичных политиков и экспертного корпуса ждали громогласных заявлений, страшных подробностей войны. И порой те люди, которые с экранов пугали апокалипсисом, в кулуарах отмечали ограниченное воздействие чеченского конфликта.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГРУППОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ

В российском обществе, на наш взгляд, так и не сложилась общая, усредненная оценка влияния чеченского конфликта на общество и тем более не сформировался единый подход к тому, как его преодолеть. Выше были приведены сведения о том, как российскому обществу в целом виделся выход из кризиса во время первой и второй чеченских войн. Но у населения отдельных регионов, представителей разных социальных групп существуют различия во взглядах.

В целом чеченским конфликтом интересуются тем меньше, чем отдаленнее от него регион и чем меньше привлекались выходцы из него к военным действиям. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку в областях и городах, где насчитывается большее количество жертв, где участники войны создают собственные организации или примыкают к объединениям ветеранов-«афганцев», отношение к Чечне болезненнее.

Чувствительно относятся к чеченскому конфликту жители южных регионов — Ставропольского и Краснодарского краев, Ростовской, Астраханской, Волгоградской областей, примыкающих к району конфликта или расположенных вблизи от него. Здесь зачастую можно наблюдать полярные настроения — от войны «до победного конца» до закрытия границ с Чечней и ее полной изоляции от России. В качестве примера можно привести мнение депутата Госдумы Станислава Говорухина, слова которого тиражировались ставропольскими и краснодарскими газетами во время рейда Шамиля Басаева в Буденновск. В то время как местные и центральные власти проявляли растерянность, граничившую с паникой, Говорухин призывал «возвратиться к практике “защиты границы” цепью сел, когда соседские, а часто и родственные отношения являются щитом лучшим, чем любая колочая проволока и пограничная полоса»⁶. К защите «российских границ» от Чечни призывали и многие казачьи организации. Негативно, даже враждебно относилось казачество и к переселенцам с Кавказа⁷. Одновременно на Ставрополье выдвигались требования об изменении границ и передаче краю входящих в Чечню и населенных преимущественно русскими Наурского и Шелковского районов. Эти призывы публиковались в одних и тех же газетах, порой на той же полосе, что и призывы «покончить с чеченским сепаратизмом», физически уничтожить всех боевиков. Крайности, как известно, сходятся. И полностью отгородить Чечню от России «этническим забором» оказалось столь же невозможно, как уничтожить всех, кто лелеял мечту о ее независимости⁸.

Наивно звучало в середине 90-х годов и мнение Александра Солженицына, считавшего, что «русским надо уходить с Кавказа» (впослед-

ствии Солженицын высказался за введение смертной казни для боевиков, что дало повод вдове Дудаева Алле заявить, что он недостоин Нобелевской премии). Этот подход отражал точку зрения части россиян, полагавших, что Россия только выиграет, избавившись от иноэтнических и иноконфессиональных меньшинств, являющихся постоянным источником ее дестабилизации. Сторонников «исключения Чечни из России» не смущало то обстоятельство, что провести четкую и обоснованную границу между славянами и их соседями крайне сложно, если вообще возможно. Возражая Солженицыну, известный своими националистическими взглядами митрополит Ставропольский и Бакинский Гедеон вопрошал: «Куда уходить русским от своих храмов, от могил предков, с земли, на которой родились, от кого уходить и кто и где их ждет?».

Изоляционистский подход в отношении Чечни был в каком-то смысле сродни отношению после распада СССР в самом начале 90-х годов к бывшим советским республикам Центральной Азии и (в меньшей степени) Закавказья. Тогда были распространены два формально полярных, но диалектически близких мнения. Первое: от них надо избавляться, потому что они тянут Россию назад, мешая скорейшему проведению реформ. Второе: все равно им никуда от нас не деться, приползут на коленях обратно и примут все наши условия. Практика показала непродуманность, невыгодность и непригодность для России обоих этих мнений.

Призывы к «избавлению» от Чечни принимали и иной, более прагматичный характер. Например, авторитетный в середине 90-х годов умеренно-националистический политик Николай Гончар высказывал мнение, что Чечне следует «предоставить независимость от российского бюджета»⁹. Такого же мнения придерживался в то время и Александр Лебедь, звезда которого только восходила на российском политическом небосклоне. На деле это означало попытку преодоления чеченского сепаратизма не военным, а финансово-экономическим путем, что внешне выглядело привлекательно, но в реальности было столь же неосуществимо — хотя бы в силу того, что Чечня продолжала оставаться субъектом Федерации, а также по причине заинтересованности в финансовых связях с ней многих влиятельных московских политиков и «деловых людей».

После того как в конце 1994 г. стало очевидно, что в политической жизни России чеченский вопрос выходит по значимости на одно из первых мест и что на Северном Кавказе начинается самая настоящая война, региональные элиты уже не могли, как прежде, игнорировать конфликт, считая его делом Москвы. Реакция руководства большин-

ства регионов была достаточно осторожной, что вполне объяснимо, поскольку мало кто рисковал портить отношения с Кремлем. Губернаторы предпочитали отмалчиваться, а в некоторых областях и краях местные представительные органы принимали ничего не значащие резолюции относительно необходимости мирного урегулирования конфликта.

В отличие от глав преимущественно русских областей руководители «национальных» республик заняли более критическую позицию по отношению к действиям Москвы. Речь идет прежде всего о президенте решительно настаивавшего на своем особом статусе Татарстана, а также о главах Башкирии, Бурятии, Калмыкии, Тувы, Чувашии, Якутии. Надо иметь в виду, что у подавляющего большинства населения упомянутых республик чеченский сепаратизм не вызывал большой симпатии. Отношение к чеченцам в этих регионах было вполне сопоставимо с настроениями населения в Российской Федерации в целом. В то же время местные этнонациональные элиты рассматривали «чеченский фактор» как рычаг для давления на федеральный Центр, как возможность, с одной стороны, получить больший уровень автономии, а с другой — сделать свою лояльность в чеченском вопросе разменной монетой в торге с Москвой. И уж тем более никто из критиков Москвы не помышлял бросить Центру вызов, аналогичный чеченскому.

Конфликт между Москвой и Чечней осложнил отношения между Федерацией и ее субъектами, но тем не менее не ставил под сомнение целостность России. Чечня рассматривалась региональными лидерами, в том числе в «национальных» республиках, как некий специфический субъект Федерации, мятежный опыт которого сделает Центр более сговорчивым. Подобная двойственная позиция руководства республик раздражала Кремль, который был вынужден в отношениях с ними идти на некоторые уступки. В 1994—1997 гг. была подписана серия двусторонних договоров о разграничении полномочий между Федерацией и регионами. Особенно большие права получил Татарстан, что позволило казанским лидерам говорить о «конфедеративном» характере его отношений с Россией. В то же время неприятие «национальными лидерами» чеченской независимости развязывало руки Москве, которая получала возможность пренебрегать как исламской, так и тюркской солидарностью.

Оба вида солидарности носили на деле весьма ограниченный характер. Правда, в некоторых республиках в связи с Чеченской войной оживилась деятельность националистической и религиозной оппозиции. В наибольшей мере это проявилось в Татарстане, где особо эпатажные оппозиционеры, например, глава радикального движения «Иттифак»

Фаузия Байрамова, призывали действовать «по-чеченски» — решительно. В 1995 г. авторам этой книги довелось разговаривать с одним из лидеров татарской оппозиционной молодежной организации «Азатлык». Беседа была очень дипломатичной и корректной. Однако в самом конце разговора, уже на лестнице, молодой и интеллигентный собеседник не сдержался: «Если бы у нас, татар, были горы и чеченский характер, мы бы России тоже показали!».

В 1996 г. президент Татарстана Минтимер Шаймиев рассматривал идею своего посредничества в переговорах между Москвой и чеченскими сепаратистами. С его ведома некоторые татарстанские политики часто встречались с чеченцами. Эта позиция находила понимание у Джохара Дудаева, который выступал за любое посредничество в московско-чеченских контактах. Среди возможных посредников, кроме Шаймиева, он называл президентов Турции Сулеймана Демиреля и Казахстана Нурсултана Назарбаева.

Длительное время посредническую функцию выполнял Руслан Аушев. Его контакты с сепаратистами создавали видимость непрекращающегося переговорного процесса. Он негласно как бы играл двойственную роль — доверенного лица российского руководства и чеченцев, стремившихся разнообразить военные действия дипломатическим общением. У Аушева сложились неформальные отношения с Асланом Масхадовым, который время от времени перебирался в Ингушетию, где жил открыто и по мере сил пытался исполнять функции президента. В Кремле всегда пристально следили за чеченскими контактами Аушева, находя их излишне тесными. В конце концов, когда услуги Аушева Москве больше не понадобились, это явилось одной из причин, по которой он был вынужден в декабре 2001 г. сложить с себя полномочия президента.

Идеи посредничества не была реализована. А позже, уже во время второй чеченской кампании, когда Путин выстроил «вертикаль власти» и надежды на широкую «внутрифедеральную автономию» стремительно уходили в прошлое, Шаймиев от нее полностью отказался, заявив, что «у российских властей достаточно сил и возможностей, чтобы разрешить этот вопрос через своих официальных представителей... и дополнительных посредников здесь не требуется»¹⁰. Справедливость этого мнения подтверждается тем, что после 1999 г. у Москвы пропал интерес к задействованию в переговорном процессе Аушева.

Лидеры прочих национальных элит в республиках периодически вступали в контакты с Дудаевым (после его гибели эти контакты почти прекратились), под предлогом убедить его в необходимости вести переговоры направляли к нему своих представителей. Так поступил, на-

пример президент Чувашии Николая Федоров, в 1995 г. пославший к Дудаеву своих представителей, которые, как выяснилось впоследствии, не столько уговаривали чеченского лидера перейти «на мирные рельсы», сколько выражали ему свое восхищение.

Чеченский конфликт, несмотря на различия в его восприятии в зависимости от региона, социального слоя и т. д., стал источником распространения в России общих тенденций, которые в большей или меньшей степени характерны для всего общества и без которых сегодня (а возможно, и завтра) его уже невозможно представить. Между ними существует взаимная корреляция: позитивный момент оборачивается негативным, и наоборот. Вполне вероятно, что чеченский конфликт парадоксальным образом стал фактором консолидации общества перед угрозой распада России. Во вторую кампанию этот эффект был усилен присутствовавшим в Чечне — а также в Центральной Азии — элементом «внешней угрозы». Как известно, нет более действенного средства для сплочения нации, чем наличие внешней угрозы, тем более если угроза эта подрывает целостность государства.

СТРАННАЯ ВОЙНА

Поначалу чеченский конфликт подавался властями как казус, который можно устранить, высадив в Грозном несколько сотен десантников. Для общества, привыкшего верить в непобедимую мощь армии, это звучало правдоподобно. В этом смысле обещания министра обороны Грачева покончить с режимом Дудаева в конце 1994 г. силами одного полка были слепком с общего отношения к чеченскому сепаратизму.

На рубеже 1994—1995 гг. ни верхи, ни низы общества совершенно не представляли, чем может обернуться для страны «щелчок» по непокорным чеченцам. Суетливое начало первой Чеченской войны вызвало в стране оторопь. Мало кто понимал истинный смысл происходящего, но все ждали быстрого победного окончания военных действий.

Кремль в Дудаеве видел не более чем хулиганистого авантюриста, своим вызывающим поведением вынудившего власть пойти на крайние меры. В успехе предприятия никто из высших руководителей страны не сомневался (мнение специалистов, предостерегавших о вероятности длительных боевых действий, в расчет не принималось). В этих условиях ни о какой национально-государственной консолидации, столь необходимой в экстремальных условиях войны, не могло быть и речи. Власти, рассчитывавшие на «блицкриг», в такой консолидации не нуждались, а общественное мнение не было расположено к властям. Только после того, как первая чеченская кампания стала затягиваться,

после серии беспрецедентных терактов, поражений и потерь российских войск, бездарного проигрыша Кремлем информационной войны президент Ельцин и его окружение поняли, что чеченский конфликт стал устойчивым политическим фактором, воздействующим на расстановку сил внутри государства и притом *обращенным против правящей верхушки*.

ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИЯ ВОЙНЫ

Уже в ходе первой кампании чеченский конфликт стал приобретать *инструментальный характер*. Ельцин использовал свой первый и единственный визит в Чечню в мае 1996 г. для целей предвыборной президентской кампании. Он торжественно провозгласил российских солдат «победителями» и тут же «на броне» подписал указ о прекращении призыва на военную службу и переходе к контрактной армии в 2000 г. Пригласив во власть Александра Лебеда, Кремль его тут же «бросил на Чечню» — так в советское время «бросали на сельское хозяйство» некоторых чересчур активных и амбициозных членов Политбюро, что в конце концов остужало их пыл и уменьшало авторитет, поскольку решить аграрные проблемы СССР было невозможно. В этом смысле перманентный кризис в сельском хозяйстве в Советском Союзе вполне сопоставим с чеченским кризисом в Российской Федерации. В августе 1996 г. Ельцин санкционировал подписание Лебедем Хасавюртовских соглашений, чтобы успокоить страну окончанием непопулярной войны, а заодно создать чересчур энергичному генералу репутацию «пораженца». Неуживчивый Лебедь вскоре был удален, а Ельцин благополучно перенес операцию на сердце, в связи с подготовкой и проведением которой страна с конца лета 1996 г. по весну 1997 г. оставалась фактически без действующего главы государства.

Пройдет несколько лет, и те же Хасавюртовские соглашения вновь окажутся востребованы во внутривнутриполитической борьбе: они будут поставлены в вину ельцинскому окружению, а их непосредственного «подписанта» генерала Лебеда начнут именовать предателем...

Инструментальное использование чеченского конфликта Кремлем в 1999—2000 гг. было уже абсолютно очевидным. Результат на поле боя значил в этот период значительно меньше, чем обеспечение преемственности высшей власти в России. Одного закулисного компромисса между группировками, заинтересованными в передаче власти без последствий для себя, было мало. Антикоммунизм как фактор мобилизации, сыгравший основную роль в победе Ельцина в 1996 г., перестал действовать. Кремлевской «семье» впервые противостояла своего рода «альтернативная партия власти» во главе с опытными и авторитетны-

ми политиками и региональными лидерами — Е. Примаковым, Ю. Лужковым, М. Шаймиевым, В. Яковлевым.

Выбор Кремлем в этих условиях Владимира Путина в качестве потенциального преемника Ельцина был более удачным, чем могли себе представить те, кто этот выбор делал, — и одновременно гораздо *менее* удачным для некоторых из них лично, учитывая дальнейшее развитие событий. Выбор Кремля, однако, предстояло ратифицировать российским избирателям. Можно лишь гадать, состоялась ли бы эта «ратификация» без успешной военной кампании и какие ресурсы пришлось бы для этого задействовать. Что касается Путина, то в качестве премьера он продемонстрировал именно те качества, которые избиратели хотели видеть у главы государства и почти отчаялись найти у его конкурентов.

Речь идет не только о пресловутом обещании «мочить террористов в сортире», которое действительно произвело в нужный момент нужный эффект на российского обывателя. Гораздо больше значили военные успехи, от которых успели отвыкнуть, возрождение доверия к армии, престиж которой упал до самого низкого уровня за полвека и т. п. Символично, что решение Ельцина и его окружения отправить в отставку Сергея Степашина, известного своей политикой умиротворения «ваххабитов», и назначить премьером Путина совпало с вторжением боевиков Басаева в Дагестан.

Победная поступь федеральных войск осенью 1999 г. сопровождалась громкими терактами — взрывами домов в Москве и других городах, в ходе которых погибло около 300 человек. Теракты требовали немедленного отмщения, а главное — долгожданного сплочения нации во имя полной победы. Центром такого сплочения должна была стать долгожданная сильная личность. Энергичный и решительный, обаятельный в глазах многих Путин вполне подходил для этой роли. К тому же политическим объектом, вокруг которого возможно было сплочение, могла быть только «чеченская угроза», которая в официальной пропаганде обрела двойной характер: собственно внутренний и внешний — помощь сепаратистам со стороны зарубежных единомышленников-террористов.

Альтернативного средства для национального сплочения не было. У Путина в 1999 г. не имелось ни экономической, ни политической, ни какой-либо другой программы, и он пришел отнюдь не как сокрушитель прежнего коррумпированного режима. Но, как случалось не раз в истории, значительная часть россиян сплотилась не на основе совместной созидательной деятельности, а для борьбы против обидчика, у которого, как казалось большинству, пришло время взять реванш.

Успехи в начале второй чеченской кампании, беспрецедентно грязный «пиар» и жесткое давление на оппонентов обеспечили победу прокремлевскому объединению на парламентских выборах в декабре 1999 г., которые стали не репетицией, а по существу первым и главным туром выборов президентских. Реакцию общества на своего избранника почувствовал и оценил Ельцин, который досрочно ушел в отставку 31 декабря 1999 г., передав полномочия премьеру Путину. Сами выборы главы государства, состоявшиеся в марте 2000 г., принесли ожидавшуюся всеми победу человеку, которого за год до того мало кто в России знал.

Хотя первым актом Путина как и. о. президента было посещение войск в Чечне в новогоднюю ночь 2000 г., а впоследствии одним из эффективных пропагандистских ходов Путина-кандидата в период предвыборной кампании был прилет в Чечню в кабине истребителя ВВС, вскоре после передачи власти использование Чечни как средства для поддержания позитивного имиджа Кремля стало уменьшаться. Победивший Путин уже не нуждался в ежедневном поддержании своего рейтинга за счет успехов войск в Чечне, да и успехи эти постепенно пошли на убыль. Было вновь очевидно — и это признали среди прочих и российские генералы, — что ни через месяц, ни через полгода чеченский конфликт урегулировать невозможно. Становилось все более ясно, что путь к его разрешению лежит через каждодневную экономическую, социальную, дипломатическую рутинную работу, неизбежным аккомпанементом (и часто — помехой) которой будут оставаться вялотекущие военные действия. Было понятно, что никакой популярности и славы на Чечне заработать нельзя. Война перестала быть одним из рычагов консолидации общества как раз в тот момент, когда потрясающая по сложности, замыслу, режиссуре и исполнению операция под названием «передача высшей власти с ее последующей легитимацией» была завершена.

ИСЛАМОФОБИЯ И КАВКАЗОФОБИЯ

Со второй половины 90-х годов на фоне борьбы с чеченским сепаратизмом некоторые российские политики, публицисты и военные стали муссировать тезис об исламской угрозе, противостояние которой также требовало внутренней сплоченности. Тема исламской угрозы требует отдельного разговора. Здесь важно отметить, что на рубеже 2000 г. она использовалась, как и тема Чечни (хотя и с меньшей эффективностью), для поддержания имиджа нового президента России как хранителя стабильности и покоя уже не только в своей стране, но и как минимум на всем постсоветском пространстве.

Как было показано, в качестве средства консолидации общества вокруг новой власти чеченский конфликт имел ограниченное значение. Зато он стал одной из причин распространения в стране ксенофобских настроений, в частности этнофобии и исламофобии.

Эти фобии в латентном состоянии наличествовали и в Советском Союзе. Достаточно упомянуть антисемитские настроения, пренебрежительное отношение к попадавшим в Россию выходцам из Средней Азии, с Кавказа и пр. Нельзя, однако, не признать, что модернизация экономики, создание единой системы образования, массированная пропаганда интернационализма, наконец, Отечественная война 1941—1945 гг. способствовали если не сближению наций в рамках СССР, то во всяком случае постоянному общению между ними. Националистические настроения подавлялись как «буржуазные» или «феодалные», с 70-х годов им противопоставлялась концепция создания новой национальной общности — «советского народа».

Что касается религиозных фобий, то в Советском Союзе они отсутствовали хотя бы уже потому, что само атеистическое государство выступало гонителем всех религий, что не оставляло места их приверженцам для выяснения собственно межконфессиональных отношений.

В какой-то мере можно говорить, что маргинальность этнических фобий компенсировалась антифоренизмом и классовыми фобиями (впрочем, последние, хотя и в ограниченном виде, сохраняются и по сей день).

В постсоветской России этнофобия поменяла ориентацию. Теперь она развернута прежде всего против выходцев с Кавказа. Привычное для российского обывателя ругательство «жидовская морда» сменилось протокольно-милицейским выражением «лицо кавказской национальности». Причем под эту категорию зачастую попадают все, кто имеет смуглую кожу и темные курчавые волосы. Только этих чисто внешних признаков может оказаться вполне достаточно, чтобы быть задержанным сотрудниками милиции, которые, таким образом, на деле выполняют миссию контроля за соблюдением законности преимущественно людьми с неславянским типом лица.

Конечно, кавказофобия имело место и до чеченского конфликта. Можно согласиться с мнением иркутского профессора Виктора Дятлова, что «важнейшим источником напряженности в современной России являются сравнительно немногочисленные группы выходцев с Кавказа, рассеянные по всей стране»¹¹. О неприязни российского обывателя к выходцам с Кавказа написано много. Приходится признать, что эта неприязнь стала взаимной, каждая сторона предъявляет другой длинный ряд как обоснованных, так и надуманных претензий. В

условиях длящегося многие годы чеченского конфликта степень взаимной нетерпимости существенно повысилась, поскольку зависть к преуспевающим кавказским базарным торговцам, раздражение против их непривычной для европейской городской среды повышенной эмоциональности в бытовом поведении, обида на их презрительное отношение к русской женщине дополняются ощущением, что они вообще прибыли из вражеского стана, а их родственники и знакомые «где-то там на юге» убивают «наших», да к тому же хотят развала России.

Словом, часть россиян начинают относиться к кавказцам не просто как к вызывающим раздражающим чужакам, но и как к внешнему врагу. Известный этнолог Валерий Тишков приводит эпизод из игры московских детей в войну, когда один мальчишка говорил другому «ты будешь чеченец, а я русский»¹². С тем же самым столкнулся и один из авторов книги (А. М.) — в 1995 г. бегавший по квартире с пластмассовым автоматом пятилетний приятель его сына на вопрос «В кого стреляешь?» не задумываясь ответил: «В чеченцев».

Зачастую российский обыватель не проводит различий между грузинами, аварцами, осетинами и чеченцами. Во-первых, обыватель, как правило, не может различить их по внешности. А во-вторых, он исходит из «простой житейской мудрости»: «все они там хороши». Тем более, что, смотря телевидение, слушая радио или читая газеты «для масс», он все более убеждается, что «они там все заодно».

Последнее мнение подкрепляется, в частности, информацией о том, что после распада СССР на Северном Кавказе заметно ухудшилось положение русского населения, оттесненного титульными этносами с руководящих постов, лишённого возможности спокойно и стабильно жить. Здесь, по выражению В. Тишкова, «формируется периферийный национализм (национализм нерусских народов), который обретает крайние формы, вплоть до вооруженного сепаратизма»¹³. В некоторой степени положение русского населения в этом регионе стало сопоставимо с положением русской диаспоры в бывших советских республиках.

В канун первой чеченской кампании из республики шел поток сведений о преступлениях, совершаемых там против русского населения, о вытеснении русских с обжитых земель¹⁴. Впоследствии эта информация неоднократно тиражировалась различными средствами массовой информации. Авторы не ставят ее под сомнение. Обществу всегда было необходимо знать правду об истинном положении населения Чечни вне зависимости от его этнической принадлежности. Однако в данном контексте мы просто фиксируем тот непреложный факт, что знания о бедственном положении русских в Чечне служили дополни-

тельным стимулом для распространения антикавказских настроений в остальной России.

Интересно, что в некоторых средствах массовой информации кавказофобия стала именоваться «чеченским синдромом»¹⁵. Впрочем, чаще так, по аналогии с «вьетнамским синдромом» у американцев, именовалась проблема психологической реабилитации вернувшихся из Чечни военнослужащих. Их возвращение к нормальной жизни оказалось более чем непростым и сопровождается большим количеством эксцессов, в том числе уголовного характера¹⁶.

Кавказофобия связана с распространяющейся в России исламофобией. Неверно было бы утверждать, что именно чеченский конфликт является ее главным, тем более единственным источником. Отношение в российском обществе к исламу всегда было неоднозначным. В целом оно колебалось от индифферентности до отторжения и враждебности. В годы советской власти славянское население страны воспринимало исповедующие ислам народы прежде всего как представителей того или иного этноса и куда в меньшей степени как носителей определенной конфессии. Тем более что, как уже отмечалось, возможности для публичного выражения своей конфессиональной принадлежности у всех советских людей, в том числе и мусульман, были ограничены.

Исламофобия явилась, на наш взгляд, неизбежным спутником исламского ренессанса, когда жители России неожиданно для себя обнаружили разницу в форме своих вероисповеданий. Негативному отношению к исламу способствовали его политизация, проникновение в Россию радикальных, фундаменталистских идей из стран Ближнего и Среднего Востока, активность исламских радикалов уже в самой России. Наконец, свой вклад внесли провокационные публикации в российских СМИ, в которых ислам как конфессионально-культурная традиция фактически отождествлялся с его радикальным сегментом. Знак равенства между фундаментализмом и всем исламом стал более чем расхожим клише, которое прочно усвоила значительная часть российского общества.

Стоит отметить, что, признавая наличие исламофобии, мы тем самым фактически признаем возможность проявления у мусульманского меньшинства нетерпимости в отношении православия. Очевидно, эта тема также может стать предметом исследования. Здесь же нельзя не упомянуть, что российские военнослужащие все чаще используют религиозную атрибутику. По телевидению демонстрировались сюжеты, в которых на артиллерийских снарядах в канун главного христианского праздника солдаты писали чеченцам «поздравления с Рождеством». Известны случаи участия в боевых действиях православных свя-

шенников, освящения танков и т. д. Все это давало повод чеченским пропагандистам говорить, что конфликт является помимо всего прочего и «религиозной войной». Такой подход встречал понимание у части мусульман.

Некоторые российские политики и публицисты, со своей стороны, трактуют события в Чечне в духе концепции Сэмюэла Хантингтона о столкновении цивилизаций, т. е. как справедливую войну «христоролюбивого православного воинства» против «агрессивных мусульманских фанатиков-сепаратистов». Такой подход грозит превращением исламофобии в достаточно устойчивую тенденцию в российском массовом сознании. Образ «злого чечена» в представлении обывателей (и не только обывателей) выступает в качестве истинного образа ислама. Перед началом второй военной кампании население России все больше верило, что Чечня превратилась в вотчину исламских экстремистов, способных и в самом деле создать враждебное России исламское государство¹⁷. В фолианте «Эпоха Ельцина» в связи с Чечней написано: «В конечном счете зарубежные *исламские фундаменталисты* (выделено нами. — А. М., Д. Т.), преступные группировки, террористические центры подчинили себе Чечню»¹⁸. Уж если так всерьез полагали наиболее «продвинутые» российские интеллектуалы из числа кремлевских политсоветников, то чего ожидать от рядового гражданина, не слишком интересующегося политикой и воспринимающего ислам с броской подачи журналистов?

Уровень исламофобии в России возрос после террористических актов в США 11 сентября 2001 г. Официальная российская пропаганда сделала все возможное, чтобы представить исламский терроризм и чеченский сепаратизм единым феноменом или, как минимум, однопорядковыми взаимосвязанными явлениями. Российские руководители пытались убедить европейских и американских коллег, что условием борьбы с международным терроризмом являются успешные действия российских «федералов» против чеченских инсургентов. 24 сентября 2001 г. президент Путин выступил со специальным заявлением, в котором не просто связал международный терроризм с чеченским конфликтом, но фактически припугнул чеченцев тем, что помощь со стороны России американской акции возмездия в Афганистане против талибов будет состоять в массированном ударе по мятежной Чечне. Тогда же он выставил чеченским сепаратистам ультиматум с требованием в 72 часа сложить оружие.

Теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне стали для властей дополнительным оправданием чеченской кампании. Незадолго до этого в российском общественном мнении обострились сразу две противоположные

друг другу тенденции — антиамериканская (45% российских граждан считали, что удары по США стали следствием ненависти к американцам, а 50% заявили, что американцам «досталось поделом», что теракты явились реакцией на завышенные геополитические претензии Америки) и антиисламская («с этими мусульманами по-хорошему нельзя, они только силу уважают»¹⁹). После 11 сентября первая тенденция смягчилась, вторая, напротив, усилилась. Так, кровавые теракты в Москве были окончательно привязаны к войне на Северном Кавказе, а версия, будто они были организованы некими силами ради обеспечения консолидации общества вокруг Владимира Путина как преемника президента Ельцина, постепенно стерлись из общественного сознания. Этому отчасти способствовал начавшийся в 2001 г. (но затем приостановленный) судебный процесс против исполнителей взрывов в Москве.

Через Чечню уже прошли сотни тысяч солдат и офицеров, многие из которых в большей степени, чем остальное общество, являются носителями античеченских и, шире, антикавказских настроений. О специфической исламофобии и кавказофобии российских военных будет сказано в гл. IV.

КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

У каждого, кто пытается рассуждать о влиянии чеченского конфликта на состояние умов в современном российском обществе, вольно или невольно возникают ассоциации с отношением общества XIX в. к Кавказской войне. Это вполне естественно, хотя понятно, что проводить здесь параллели не всегда корректно. Одна из самых интересных работ на этот счет принадлежит историку и литератору Якову Гордину, который пишет, в частности, о влиянии на общественное отношение к войне на Кавказе ее непосредственных великих участников — Лермонтова и Толстого, а также очевидцев и современников — Пушкина, Грибоедова и других выдающихся деятелей российской культуры того времени.

В 1990-е годы в российском общественном мнении постепенно сформировался стереотип благородного русского воина XIX столетия — покорителя Кавказа, который-де внутренне симпатизировал кавказцам и воевал с ними как бы против воли. Этот в огромной степени искусственный облик разительно отличается от распространявшегося особенно в первую чеченскую кампанию образа современного бездумного, алчного и кровожадного федерала.

В поддержку тезиса о благородстве русских рыцарей-завоевателей прошлого современные авторы приводят выдержки из некоторых ге-

неральских мемуаров, а также цитаты из упоминавшихся классиков русской литературы. Иногда в ход идет даже знаменитое высказывание Льва Толстого (послужившее одним из поводов для отлучения его от церкви) о том, что для него «не может быть никакого сомнения и в том, что магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше православия» и что «всякий предпочтет магометанство с признаками одного догмата, единого Бога и Его пророка, вместо... сложного и непонятного богословия»²⁰. Все это, по мысли современных интерпретаторов, призвано служить свидетельством не только беспристрастия властителей дум, но их симпатий к благородному противнику.

Если, однако, внимательно прочесть соответствующие тексты классиков, то выяснится, что они относились в действиям российских войск вполне лояльно и в известном смысле даже поэтизировали их неизбежную в ходе военных действий жестокость. Тем более что многие писавшие о Кавказе были участниками военных действий или чувствовали глубокую с ними сопричастность. Они выполняли свой долг и даже получали от войны своего рода удовлетворение. «Я вошел во вкус войны и уверен, что для человека, который привык к сильным ощущениям этого банка, мало найдется удовольствий, которые бы не показались приторными», — писал Лермонтов в 1840 г. в письме к Алексею Лопухину²¹.

«В основе взгляда Пушкина и Лермонтова на кавказскую драму лежала уверенность в неизбежности включения Кавказа в общероссийский мир», — пишет Яков Гордин²². Эта уверенность в цивилизаторской миссии кавказской армии была глубоко укоренена в сознании всего мыслящего российского общества. И вряд ли это общество, в отсутствие в тот период средств действительно массовой информации, всерьез волновала проблема, какой ценой это «включение» будет достигнуто. Если бы тогда проводились опросы, вполне вероятно, что большая часть того же «мыслящего общества» безусловно высказалась бы за присоединение Кавказа к России. То было время российской экспансии, расширения Империи.

Нынешний конфликт на Кавказе протекает в иных исторических условиях. Россия, которая более не является ни империей, ни авторитарным (тоталитарным) государством, в 90-х годах пыталась консолидироваться на новой основе. В какой-то степени речь шла о ее самосохранении. Причем, судя по приводившимся в начале этой главы результатам опросов общественного мнения, немалая часть российских граждан в середине 90-х годов была готова отказаться — во имя общей стабильности и скорейшего окончания войны — от части Кавказа²³. Но общественное мнение подвижно и определяется прежде всего хо-

дом боевых действий — когда они успешны, рейтинг «войны до победного конца» возрастает, что и произошло на рубеже 1999—2000 гг.

ВОЙНА И РОССИЙСКИЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Что касается образа «благородного врага», то эту традицию, особенно во время первой чеченской кампании, развивали российские журналисты. В наибольшей степени такая установка была характерна для корреспондентов и ведущих независимого (до весны 2001 г.) телеканала НТВ. Самые яркие и запоминающиеся репортажи на этот счет делала съемочная группа Елены Масюк. Сочувствовавших чеченцам журналистов обвиняли в продажности, отсутствии патриотизма и т. п. На наш взгляд, главную роль здесь играли стремление профессионально самоутвердиться, оказать воздействие на государственную политику. У многих перед глазами стоял пример телекомпании CNN и ее военных корреспондентов, в первую очередь Кристиан Аманпур, реально повлиявших в 1992—1994 гг. на политику США в боснийском кризисе. Героизации чеченцев также способствовало несколько эпизодов, когда журналисты и политики предлагали себя в заложники боевикам в обмен на захваченным ими мирных жителей и вызывались сопровождать их, т. е. фактически служить живым щитом для террористов во время их ухода из Буденновска и Кизляра.

На сотворение «пейзажа с гордым абреком» была направлена и активная кампания чеченского пропагандиста Мовлади Удугова, который обыграл в информационной войне середины 90-х годов малоразворотливые и зачастую неуклюже действовавшие официальные российские средства массовой информации.

Тем не менее романтизировать чеченский сепаратизм, что намеренно или подсознательно пытались делать некоторые газеты и телеканалы, в конечном счете не удалось. Те же самые СМИ тиражировали и даже смаковали совершавшиеся в Чечне публичные казни, обстоятельно информировали о похищениях людей, о пытках и т. п. Далеко не по-джентельменски вели себя и чеченцы, захватившие в качестве заложников группу симпатизировавших им журналистов во главе с Еленой Масюк.

Образу «гордого абрека» противостоял «кровавый чеченский бандит» в исполнении близких к власти или националистически настроенных массмедиа. В наиболее яркой и в чем-то гротескной форме он был представлен журналистом и депутатом Госдумы Александром Невзоровым в появившемся в конце 90-х телефильме «Чистилище», целью которого было вызвать дополнительную неприязнь к чеченцам и одновременно оправдать жестокость действий федеральных сил. Од-

ним из наиболее распространенных доказательств жестокости чеченцев стали сюжеты в СМИ об их отношении к женщинам, применительно к которым в российской печати использовался термин «русские рабыни»²⁴.

Вместе с тем в ходе Чеченской войны не был создан, если можно так выразиться, «объективизированный» тип рядового чеченского мятежника-обывателя — человека, *волей ситуации* брошенного в войну, которая *перед тем* разрушила жизнь его и его близких. Такого рода борцы за независимость составляли значительную, если не большую часть повстанческих сил. В российском обществе сложился стереотип чеченца — профессионального ночного воина, для которого мирная жизнь в дневное время суток является своего рода паузой в основном занятии. Но ведь на данную ситуацию можно посмотреть и с противоположной стороны: пытающийся найти себе днем мирное занятие человек, который вечером берется или вынужден браться за оружие. Причиной же может послужить и желание отомстить за убитых, и страх перед «своим» полевым командиром, и элементарное желание заработать.

Такое объемное, а не плакатно-плоское представление об участниках чеченского сопротивления особенно важно по мере мучительно долгого возвращения боевиков к мирной жизни. Попутно здесь возникает вопрос, который еще не раз станут задавать: как будут относиться эти люди к своему боевому прошлому: как к нелепой трагедии или как к героической эпопее? Ведь от этого во многом зависит, как будут складываться отношения между чеченцами и остальным населением России.

Делать окончательные выводы о том, как повлияла чеченская трагедия на российское общество, преждевременно. Рано говорить и о будущих временных границах этого влияния. Тем не менее некоторые соображения в предварительном порядке можно изложить.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Война в Чечне привела к многотысячным жертвам, поглотила громадные материальные ресурсы, дестабилизировала положение в южных регионах, способствовала развитию этнических и религиозных фобий, что в полиэтнической и поликонфессиональной стране чревато самыми тяжелыми последствиями.

Нет сомнения и в том, что чеченский конфликт оказался на руку тем силам, которые требовали введения более жесткого управления страной, ограничения гражданских прав, в том числе (а может быть, и прежде всего) свободы слова, делавшей очевидной неудачи Москвы в Северокавказском регионе. Осенью 1999 — зимой 2000 г. сила власти в

России в значительной степени стала отождествляться с успешностью чеченской кампании.

Самой популярной сентенцией Владимира Путина как премьера, а затем и президента, неким символом твердости власти стало его обещание-угроза расправиться с террористами. Однако вскоре после выборов 2000 г. уже не чеченский конфликт стал определяющим моментом в оценке деятельности российского президента. После того, как стало ясно, что чеченская проблема не будет решена за обещанные в очередной раз несколько месяцев, Кремль перестал использовать ее в качестве козырной карты, увлекшись строительством «вертикали власти». Общественное мнение также вновь переключилось на иные, более житейские вопросы.

В российском обществе продолжали сохраняться и углубляться кавказская и исламская фобии, которые подпитывались чеченским конфликтом. В 2000—2001 гг. по стране включая столицу прокатились погромы на рынках, в ходе которых основной удар наносился по кавказцам, но пострадали и представители иных национальностей, в том числе индийцы, негры. Наглядным символом подобной неприязни стало появление в 2001 г. в Москве бара, куда кавказцам вход запрещен *официально*²⁵.

Процесс привыкания российского общества к Чеченской войне продолжается. В нем постепенно выработался иммунитет, который защищает людей-*зрителей* от болезненного восприятия гибели в Чечне российских солдат, бедственного положения гражданского населения и беженцев. Люди воспринимают все это как данность российского бытия. Обостренное внимание к Чечне связано лишь с их собственными проблемами, которые возникают, например, когда объявляется очередной призыв на военную службу. Причем зачастую раздражение возникает не против чеченских сепаратистов, а по отношению к российским военным и политикам, бессильным с ними справиться.

Власть с большим опозданием обнаружила свою неспособность решительно и профессионально пресекать сепаратизм. Чеченский кризис оказался хронической болезнью, эффективное средство против которой так и не было выработано. В свою очередь, российское общество также не оказалась готовым к адекватной оценке происходящего в Чечне. Даже в первую Чеченскую войну, когда правящая элита опасалась, что антивоенные настроения приведут к отстранению ее от власти, ей удалось погасить антивоенные настроения половинчатыми мерами, которые не могли привести к разрешению конфликта. Во вторую чеченскую кампанию общественное мнение вообще выглядело пассивным и никакого практического воздействия на развитие кризиса не оказывало.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По результатам опросов социологической службы Независимого исследовательского центра «Российское общественное мнение и исследование рынка» (РОМИР). Цит. по: Паин Э. Вторая чеченская война и ее последствия // Регионы России в 1999 г.: Ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / Под ред. Н. Петрова; Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2001. — С. 281.

² *Элбакян Е. Л., Медведко С. В.* Социальный портрет современного российского верующего: общие черты // Законодательство о свободе совести и правоприменительная практика в сфере его деятельности. — М., 2001. — С. 164—165.

³ Генеральный проект «Россия в третьем тысячелетии» / Центр комплекс. соц. исслед. и маркетинга. — М., 1995. — Вып. 8: Чеченский кризис. — С. 52.

⁴ Известия. — 1994. — 13 сент.

⁵ *Bashkirova E. I.* Russia's 1999—2000 elections in the light of public opinion // The Russian Presidential Election in 2000 / Yu. Fedorov and B. Nygren (eds.). — Stockholm, 2000. — P. 95.

⁶ Цит. по: Ставроп. губерн. ведомости. — 1995. — 6 июля.

⁷ Такой позиции придерживалось свыше 50% казачьего населения (*Таболina Т. В.* Казаки: драма возрождения. — М., 1999. — С. 143).

⁸ Погасить огонь вражды на Кавказе // Кавказ. здравница [Кисловодск]. — 1995. — 18 янв.

⁹ Чеченская трагедия. — М., 1995. — Вып. 2. — С. 111.

¹⁰ Региональные вожди возвращаются // Независимая газ. — 2001. — 28 нояб.

¹¹ *Дятлов В.* Кавказцы в Иркутске: конфликтотенная диаспора // Нетерпимость в России: Старые и новые фобии / Под ред. Г. Витковской, А. Малашенко; Моск. Центр Карнеги. — М., 1999. — С. 113.

¹² *Тишков В. А.* Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. — М.: Наука, 2001. — С. 180.

¹³ *Тишков В. А.* Итоги старого и перспективы нового десятилетия // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Ежегодный доклад 1999. — М., 2000. — С. 12.

¹⁴ С этой точки зрения впечатляют сборники: Криминальный режим: Чечня, 1991—1995 гг. — М., 1995; Комиссия Говорухина. — М., 1995 и др., которые, несмотря на проправительственную ангажированность, предоставляют убедительные свидетельства бедственного положения русского населения.

¹⁵ Например, так была названа статья журналиста А. Крутова, помещенная в «Московских новостях» (4—11 февраля 1996 г.) и посвященная происшедшему в Саратове столкновению между студентами-ингушами и курсантами местного ракетного училища.

¹⁶ СМИ рассказывают о многочисленных фактах нарушений законов и жестокости, чинимых прошедшими Чечню военнослужащими. Например, в опубликованном в еженедельнике «Криминальная хроника» (2001. — № 12. — Дек.) материале «Зачистка

села Степанцево» повествовалось о двух бывших солдатах, которые устроили резню в родной деревне во Владимирской области, отрезав уши односельчанину.

¹⁷ О роли ислама в чеченском конфликте см. гл. I.

¹⁸ Эпоха Ельцина. — М.: Вагриус, 2001. — С. 591.

¹⁹ Эти дословно процитированные и подобные им высказывания нам лично доводилось слышать на улицах Москвы в сентябре — октябре 2001 г.

²⁰ Цит. по: *Казиев Ш.* Имам Шамиль. — М., 2001. — С. 227—228.

²¹ *Лермонтов М. Ю.* Собр. соч. в 4-х т. — Л., 1981. — Т. 4. — С. 422.

²² *Гордин Я.* Кавказ: земля и горы // Звезда. — 2000. — С. 335.

²³ Здесь необходимо оговориться. Тот же Яков Гордин, полагающий, что «России и Кавказу никуда не деться друг от друга», замечает: «Чечня особая проблема, отнюдь не идентичная проблемам общекавказским» (*Гордин Я.* Указ. соч. — С. 344).

²⁴ См., например: *Турьялай С.* Русские рабыни для «воина ислама» // Комсомол. правда. — 2001. — 29 нояб.

²⁵ В объявлении перед входом в бар «Пузырь» говорится: «Во избежание конфликтных ситуаций лица кавказской национальности не обслуживаются» (<http://TOP.rbc.ru>. 29/11/2001).

ГЛАВА III

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР

Любую предлагаемую политиками и экспертами интерпретацию чеченского конфликта невозможно представить вне исламского фактора. Их взаимообусловленность, понятная специалистам, прочно утвердилась в общественном сознании — как российском, так и мировом. Символом чеченского сепаратизма, стереотипом чеченца стал бородатый мужчина с автоматом в руках и с зеленой повязкой вокруг головы. К терроризму намертво приклеилось определение «исламский».

Что такое *исламский фактор*? Его определение может быть и упрощенным, и достаточно пространным, имеющим описательный характер. В редуцированном виде оно означает воздействие исламской традиции на ситуацию, которая складывается в каждом мусульманском государстве и обществе, на уровне регионов, в целом мире. История, в том числе и последних десятилетий, свидетельствует, что ислам оказывает устойчивое влияние на политический процесс в мусульманском обществе, и его роль возрастает в конфликтных ситуациях — как внутри этого общества, так и при напряженности в отношениях между мусульманами и иноверцами.

Актуальность исламского фактора в политике обусловлена спецификой самого ислама, в котором нет деления на светское и духовное начала — в этом смысле ислам в самом деле представляется «тотальной религией». Ислам обращен на решение мирских, социальных проблем, в нем содержится последовательная проповедь социальной справедливости, достижимой лишь в условиях исламского государства. Прочность такого государства зиждется на единстве светской и духовной власти, против чего резко возражают мусульманские либералы. Наконец, только в исламе есть свод законов — шариат, который жестко регламентирует образ жизни и индивида и общины.

Подобно остальным религиям, ислам претендует на обладание абсолютной истиной. Однако в силу его обмирщенности эти претензии носят более конкретный, приземленный характер. Религиозная мотивация стимулирует и направляет амбиции политических сил, которые искренне (или спекулятивно) заявляют, что их действия санкционированы свыше и потому они имеют право применять методы (например, похищать заложников), выходящие за рамки моральных норм, установленных людьми.

«Исламский призыв» звучит особенно остро в силу того, что практически все мусульманские страны и народы прошли через период формальной зависимости от христианских государств или подчинения им. Мусульманское сообщество проигрывает экономическое, технологическое, военное состязание с Западом. Отсюда гипертрофированная потребность доказать свое право на обладание конечной истиной, стремление убедить себя и окружающих, что именно исламу и мусульманам в конечном счете принадлежит будущее. Вспомним в этой связи многочисленные рассуждения мусульманских идеологов и некоторых политиков относительно того, что XXI в. будет «веком ислама».

Все это имеет прямое отношение к чеченскому конфликту, к тому, в какой степени он вписывается в основные существующие в мусульманском мире политические и идеологические тенденции, в какой мере оказывает влияние на происходящие там процессы, а в какой является всего лишь их экстраполяцией на почве российского Кавказа. Каким образом происходящее в мусульманском мире влияет на ситуацию в Чечне и как Чечня воздействует на развитие событий у единоверцев, в том числе на Кавказе, в Центральной Азии, в самой России, а также по периметру постсоветского пространства? Это отнюдь не академическая проблема, поскольку она связана с вопросами практического взаимодействия (и взаимозависимости) политических сил, выступающих под исламскими лозунгами, прежде всего под знаменем джихада во всем мире.

Своей продолжительностью, остротой, количеством жертв чеченский конфликт выделяется даже на фоне прочих происходящих в мусульманском мире и на его рубежах коллизий. Он — яркое пятно и на постсоветском пространстве. Символично, что это единственный конфликт, отдельно выделенный Збигневом Бжезинским среди «ужасов и страданий», выпавших на долю России после распада СССР¹.

Другое обстоятельство, которое бросается в глаза, — то, что чеченские сепаратисты не просто провозгласили антироссийский джихад, но и объявили Ичкерия мусульманской республикой, претендуя на установление здесь исламского образа правления. Тем самым они создали прецедент образования в пределах бывшего СССР исламского государства, что становится стимулом для распространения такого эксперимента на другие регионы. Более того, Чечня — пусть и в ограниченном масштабе — стала «экспортером» исламского радикализма в мусульманские регионы России и СНГ. Именно в Чечне материализовалась «исламская угроза» для России, карта которой разыгрывается Москвой начиная с середины 90-х годов.

ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ РОЛИ ИСЛАМСКОГО ФАКТОРА В ЧЕЧЕНСКОМ КОНФЛИКТЕ

Исламский фактор чеченского конфликта, несмотря на великое множество публикаций как журналистов, так и политологов, не получил объективного и всестороннего освещения, поскольку большинство тех, кто писал на эту тему, в том числе и серьезные исследователи, подвергаются искушению занять пристрастную позицию. Это вполне понятно, ибо накал страстей вокруг Чечни не располагает к нейтральности (на которую сами авторы этой книги все же пытаются претендовать).

В анализе исламского фактора в чеченском конфликте прослеживается несколько подходов. В соответствии с *первым* ислам, хотя и не предстает причиной конфликта, во всяком случае рассматривается в качестве одного из основных мотивов его пролонгации, главной идеологемой. Конфликт, таким образом, представляется в терминах пресловутого столкновения цивилизаций. Подобный подход был первоначально распространен среди леворадикальных российских публицистов, а также военных. Постепенно он возобладал в московском правящем истеблишменте. Гипертрофированная исламская угроза стала одним из главных оправданий войны «до победного конца», необходимости сохранять предельно жесткую позицию во имя предупреждения экспансии религиозного экстремизма. При этом понятие исламской угрозы экстраполировалось на весь ислам, что не могло не вызывать недовольства мусульманской уммы России.

Второй подход заключается в том, что ислам является не более чем прикрытием для вполне земных прагматических целей, лежащих в сфере экономики и политики, а само обращение к религии носит конъюнктурно-инструментальный характер. При таком взгляде роль религии, с одной стороны, принижается, зато с другой — сам факт ее использования рассматривается в качестве одного из ключевых средств достижения сепаратистами их целей. Несмотря на различия в этих подходах, ассоциирующийся с «воинствующим фундаментализмом»² ислам выступает в них в роли негативной силы, создающей угрозу России.

В основе *третьего* подхода — взгляд на ислам как на сугубо религиозную систему, которая не должна вмешиваться в политические перипетии и может быть востребована лишь как миротворческая сила, способная помочь разрешению конфликтных ситуаций. Этот подход, который в значительной степени представляется искусственным, характерен для части мусульманского духовенства, а также вышедших из мусульманской среды светских политиков. В известной степени он

является вынужденно-конформистским, поскольку именно таким аполитичным хотели бы видеть ислам московские политики. Образ отключенного от политики ислама создает искаженную картину и не позволяет осознать истинную роль религии в мусульманском обществе.

Сторонники *четвертого* подхода исходят из того, что исламский фактор может и должен играть позитивную роль в формировании новой России, что он способен противостоять процессу глобализации, экспансии Запада, прежде всего США. Антивестернизм этого подхода сочетается с утверждением идеи (нео)евразийства, особой роли России, которая, используя исламский фактор, может и должна реализовать свое бинарное начало — принадлежность к Европе и Азии³. Последнее, заметим, часто увязывается с утверждением абсолютной «имперской сущности России». Исламский фактор представлялся уместным средством для укрепления позиций России. Сторонник и разработчик такого подхода, один из основателей Исламской партии возрождения, глава Исламского комитета России Гейдар Джемаль считает, что следует «в интересах России делать ставку именно на реальный исламский фактор на Кавказе»⁴.

Между этими четырьмя подходами располагается целая гамма оттенков и нюансов, и порой непросто обнаружить истинные, практические цели, преследуемые авторами и популяризаторами различных подходов к исламу и исламскому фактору. Тем не менее их объединяет одно: практически все сходятся на том, что в чеченском конфликте исламский фактор сыграл негативную роль. Явившаяся прямым следствием использования Москвой военной силы апелляция чеченцев к исламу ужесточила конфликт, способствовала дестабилизации ситуации на Северном Кавказе, вовлечению в него внешних сил. Признавая все это, мы хотели бы вновь напомнить, что использование ислама в качестве политического инструмента в значительной степени носило реактивный характер, было не причиной войны, но ее следствием. И здесь уместно напомнить высказывание первого чеченского президента Джохара Дудаева: «Россия... вынудила нас стать на путь ислама»⁵.

Итак, исламский фактор — постоянная составляющая чеченского конфликта, его цивилизационный фон, поскольку события разворачиваются в мусульманском обществе, на исламском (пусть и с заметной спецификой, но где ее нет!) цивилизационном ландшафте. Одновременно ислам используют самые разные силы, в том числе мало знакомые с исламской традицией. Ислам амбивалентен — к нему обращаются для подтверждения разнородных, порой взаимоисключающих идейно-политических взглядов.

Исламский фактор способствовал расширению чеченского конфликта, превратив его из противостояния между Центром и субъектом Федерации (по типу московско-казанского) в многосторонний региональный конфликт, выходящий за рамки внутренних дел России, в который оказались вовлечены некоторые соседние государства, а также национальные и международные мусульманские организации. Наконец, появились утверждения, что конфликт между Москвой и Чечней носит характер войны между Россией и остальным мусульманским миром, частью глобального столкновения мусульман и христиан.

ИСЛАМСКИЙ ПРОЕКТ В ЧЕЧНЕ

Признавая важность исламского фактора, крайне важно видеть и пределы его воздействия, различать его реальное влияние и спекуляции вокруг него. Говоря об ограниченной роли исламского фактора в чеченском конфликте, отметим, что, эффективно проявив себя в качестве средства мобилизации на войну против Центра, ислам впоследствии оказался не способен к консолидации населения вокруг единого местного центра власти, не смог стать базовым концептом государственного строительства. «Исламский национальный проект» в Чечне не состоялся, и виновата в этом не война против федеральных войск, а прежде всего то, что большая часть чеченского общества не поддерживала и не поддерживает создание исламского государства и введение шариатского законодательства, которое противоречит индивидуализму чеченского сознания.

Как это ни парадоксально, но в чеченском обществе, во всяком случае в его урбанизированной части, не говоря уже о чеченской диаспоре, постепенно формировались предпосылки к адекватному восприятию ценностей демократии. В начале 90-х годов исламская республика в Чечне казалась мифом. По оценке аналитиков газеты «Известия», «Дудаев категорически отказывал ей в праве на жизнь... хотя это и не означает, что завтра, к примеру, он не переменит свою позицию»⁶ (заметим: авторы этой цитаты, Е. Крутиков и П. Акопов, не исключали возможности эволюции Чечни по исламскому пути). На антиклерикальных позициях стоял и второй чеченский президент Масхадов, в силу обстоятельств под давлением исламских радикалов вынужденный признавать и вводить шариатские законы.

Исламский проект присутствует — и в Чечне, и в целом на Северном Кавказе — не только на национальном уровне. Имели место попытки более локальной его реализации (в Чечне — в Шатое, Урус-Мартане и др., в Дагестане — в Кадарской зоне, Цумадинском и некоторых других районах). Он существует на более высоких — субрегиональном

(объединение в общий имамат Чечни и Дагестана) и общерегиональном уровнях⁷. Близкую к этому стратификацию исламских проектов можно предложить не только для Северного Кавказа, но также для Центральной Азии, да и для остального мусульманского мира, где продолжают попытки устроения исламских анклавов, порой возникают государства, претендующие на звание исламских, где действуют наднациональные организации, ставящие целью сотворение исламского «мегагосударства» на основе радикальной исламской идеологии и повсеместного введения шариата.

Долгое время занимавшийся Афганистаном, а затем переключивший внимание на бывших советских мусульман французский исследователь Оливье Руа полагает, что исламские радикалы, стремившиеся к трансформации государственных структур из светских в религиозные в рамках государства-нации, потерпели крах. Тем более безнадежными представляются ему любые попытки реализации идеи панисламизма⁸. По мнению О. Руа, они терпят поражение. В принципе с этим можно согласиться. Однако делать вывод о крахе политического исламского движения, о том, что даже будучи вовлеченным в «светский» политический процесс, исламский радикализм полностью откажется от своей цели и «неофундаменталисты займут оборонительную позицию»⁹, преждевременно. Наиболее вероятно ожидать целенаправленной активности исламистов в конфликтогенных районах, население которых придерживается традиционного сознания и восприимчиво к социальным призывам в исламской упаковке.

С одной стороны, опыт мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока свидетельствует о невозможности создания «истинно исламского» государства с абсолютным доминированием шариата, изгнанием из экономики банковских принципов, установлением непреодолимого барьера на пути проникновения любого внешнего влияния. Возврат в «золотой век» ислама пока что не удался никому. С этой точки зрения даже такое государство, как Исламская Республика Иран, является свидетельством невозможности тотальной исламизации и реализации исламского проекта на национальном уровне. Не доказал возможность этого и режим талибов, давший самый бескомпромиссный пример приверженности исламской традиции как во внутренней жизни, так и в общении с мировым сообществом, но тем не менее не сумевший организовать мусульман на сопротивление американской акции.

В Иране налицо тенденция постепенной либерализации, отказа от чрезвычайного революционного ригоризма. Режим же талибов в силу присущего ему политического и идеологического экстремизма представляется вообще некой исторической мутацией, способной сохра-

няться лишь в условиях непрекращающейся гражданской войны. В нормальных же мирных условиях, когда ислам более не служит средством военно-политической мобилизации, а лозунг джихада утрачивает актуальность, размывание экстремистских установок практически неизбежно, что в конечном счете снижает интерес к созданию исламского государства.

Кстати, нечто подобное имело место и в Чечне после заключения Хасавюртовских соглашений, когда в условиях прекращения военных действий под лозунгами джихада обнаружилось, что стремление местных радикалов «разыграть карту» исламского государства наталкивается на неприятие этой идеи большинством общества.

С другой стороны, неудача национального исламского проекта, в частности и в Чечне, не свидетельствует о его провале. Борьба за его реализацию продолжается. И с этой точки зрения, как уже говорилось, Чечня является одним из типичных участков мусульманского мира, где действуют группировки со схожими идеологическими установками. Между ними существуют достаточно устойчивые связи, устанавливаются отношения взаимопомощи, в том числе военной (о чем будет подробнее сказано в последующих главах). Некоторая, относительно незначительная часть борцов за реализацию исламского проекта может перетекать из одного конфликта в другой, что опять-таки заметно на примере Чечни, а также Боснии, Таджикистана, Афганистана и др. Одним словом, борьба за обреченный исламский проект скорее всего на неопределенно длительное время останется фактором политической жизни, источником конфликтов в целом ряде частей мусульманского мира, не исключая и Чечню.

Борьба внутри чеченской политической верхушки за ислам не отражала весь спектр мнений относительно исламизации Чечни. У этой идеи были противники вне рамок элиты, которые открыто заявляли, что «мусульманский мир — это не только Саудовская Аравия и Пакистан, которых определенные силы в Чечне пытаются представить образцами»¹⁰. В такого рода высказываниях звучал намек на возможность создания в Чечне модели традиционного для конца XX в. мусульманского государства, де-факто функционирующего в соответствии со светскими принципами устройства. Думается, создание исламского государства в Чечне невозможно в принципе, и выбор модели обустройства этой республики — безразлично, в рамках России или вне ее границ — в конечном счете все-таки будет сделан на секулярной основе.

11 сентября 2001 г. показало, что объекты действий исламистов труднопредсказуемы. Террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне можно рассматривать как вызов остальному, прежде всего западному

миру. Но в то же время это признание экстремистами собственной несостоятельности, неспособности добиться своих стратегических целей. Взрывы в США свидетельствуют об их чудовищном комплексе неполноценности.

Несмотря на всю специфику чеченской коллизии, на «частность» чеченского случая для России, Чечня не является исключением из общих правил «исламской политической игры». Протагонисты этой игры прекрасно понимают невозможность достижения стратегической цели — создания исламской государственной системы, и потому фактически главным смыслом их игры становится сама игра. Иными словами, борьба за исламское государство как таковая составляет суть движения современных исламистов. И именно в этой вечной борьбе они, их последователи — нынешние и будущие — находят форму самореализации.

КОРНИ ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА

Можно пригасить чеченский сепаратизм, обладая политической волей, мужеством и дипломатическими способностями. Можно на время — в том числе и на длительный период — «задавить» его военными средствами. Однако полностью избавиться от исламского радикализма скорее всего нельзя. Это саморегенирирующийся феномен. Частные, пусть и систематические неудачи, крупные военные и политические поражения отнюдь не означают его полного краха. XXI в. действительно может оказаться веком высокой политической активности исламистов на самых разных уровнях — локальном, национальном, региональном, макрорегиональном, мировом.

Причины активности исламизма имеют разнородный характер. Внутренние социально-экономические *первопричины* состоят в неудовлетворенности мусульманского населения его материальным положением, разочарованием в правящих элитах, не способных предложить скорый и безболезненный выход из кризиса. Популярно и предельно честно такая ситуация разъяснялась в официозе Карачаево-Черкессии «День республики»: «Сегодня, *играя на нищете* (выделено нами. — А. М., Д. Т.), некоторые лидеры пытаются... расколоть ислам»¹¹. Экономический упадок зачастую связан с непродуманным осуществлением реформ, с коррупцией правящих режимов, стремительным разрывом уровня благосостояния между большинством общества и его верхушкой. К тому же эта верхушка склонна игнорировать пуританские заповеди ислама. В общественном сознании общий кризис постепенно начинает ассоциироваться с вероотступничеством, деградацией нравов среди верхов. Социальный протест обретает религиозную форму, осо-

бенно популярны становятся лозунги социальной справедливости и призывы к установлению «честной власти».

Второй причиной оживления исламизма может стать сопротивление внешнему давлению, которому мусульманские народы противостояли под знаменем священной войны. Чеченское сопротивление — наглядная тому иллюстрация. «В Чечне, — считает обозреватель Радио «Свобода» Вадим Белоцерковский, — ваххабизм появился после предыдущей войны, после истребления более чем ста тысяч чеченцев»¹². Можно поспорить с этим автором относительно времени появления «ваххабизма», самого этого термина и количества жертв, но нельзя не признать правоту его логики: исламский радикализм, джихад — в данном случае следствие, но не причина конфликта. Можно сколько угодно говорить о чеченском сепаратизме — это факт, но следует признать, что чеченский сепаратизм и в самом деле имеет определенные общие признаки с освободительным движением, например, в Алжире в 1954—1962 гг., которое также именовалось джихадом¹³. Джихадом называли и сопротивление ливийцев Италии, палестинцев Израилю... Наконец, стало уже трюизмом напоминание об антироссийском джихаде на Северном Кавказе, в Средней Азии в XIX в. и о сопротивлении большевикам в тех же регионах и под тем же лозунгом в 20—30-е годы XX столетия.

При этом, однако, следует учитывать то обстоятельство, что в XX в. джихад как идеология национального движения далеко не всегда эволюционировал в идею создания государства на религиозных началах. Это было характерно для движений XIX в., например, абд аль-Кадера в Алжире, Махди в Судане и, разумеется, имама Шамиля на Северном Кавказе. В наше время Чечня стала единственной территорией, где подобная — безуспешная — эволюция имела место. В некотором смысле сказанное относится и к движению «Талибан».

Третья причина активности под лозунгами радикального ислама — влияние извне. Речь идет о деятельности радикальных исламских организаций, как национальных, так и международных, которые пытаются распространить свое влияние за рубеж. Одним из объектов их экспансии стали страны и регионы бывшего СССР. Сначала их активность носила преимущественно религиозно-просветительский характер, однако по мере обострения политической ситуации, вовлеченности в нее мусульман, роста интереса к идеям радикального толка эти организации развернули пропагандистскую деятельность, стали оказывать финансовую помощь своим единомышленникам, а впоследствии — и содействие (пусть ограниченное) в подготовке боевых кадров и привлечении наемников.

Нельзя не сказать и том, что исламские радикалы могут взаимодействовать с криминальными структурами, в том числе занимающимися транспортировкой наркотиков. Такого рода отношения с наркодельцами сложились у них и на Кавказе, и в Средней Азии, тем более что плантации наркосодержащих растений, фабрики по их предварительной переработке, а также наркотрассы расположены на территориях, которые в той или иной степени контролируются исламистами (в конце 90-х годов только афганское исламское движение «Талибан» контролировало 97% территории, на которой выращивается главное сырье для производства героина — опиумный мак¹⁴). Можно согласиться с пафосом российского эксперта-журналиста Игоря Ротаря, когда он утверждает, что на Северном Кавказе «криминал идет к власти под зеленым знаменем»¹⁵. Непосредственно в Чечне, по свидетельству очевидцев, «каждый полевой командир в контролируемом им районе обязательно имеет свои плантации и заводы по производству наркотиков»¹⁶.

Вопрос вопросов, который обсуждается в связи с активностью и расширением зоны влияния радикального ислама, — какие причины, внешние или внутренние, являются главными. В России мнения на этот счет расходятся. Согласно официальной позиции, радикализация ислама есть прежде всего следствие внешнего влияния, без которого имеющая антироссийскую направленность идея создания на Северном Кавказе исламского государства вообще никогда бы не возникла. Внешним влиянием объясняется и облечение чеченского сепаратизма в религиозную форму. Следуя этой логике, «...всем пора уяснить: в Чечне Россия борется не просто с Басаевым и Хаттабом, у нее противник значительно более серьезный — исламский радикализм. Чечня — лишь часть его грандиозных планов по перекрашиванию политической карты мира, где предполагается преобладание зеленого цвета»¹⁷. Ежедневник деловых кругов «Коммерсантъ-Власть» публикует карту Ближнего Востока, Центральной Азии и Казахстана, на которой жирным пунктиром обозначены границы «империи ваххабитов». Карту сопровождает комментарий: «Разрозненные вроде события связаны между собой. Нити изо всех этих точек ведут на Ближний Восток, в арабские монархии Персидского залива»¹⁸.

Российские либералы видят в исламском радикализме вызов европейской цивилизации и непосредственную угрозу стабильности и даже целостности Российской Федерации. Националисты, коммунисты, а также некоторые государственники полагают, что исламский радикализм есть составная часть вселенского антироссийского *глобалистского заговора*, инициаторами которого являются Соединенные Штаты,

использующие исламистов как одно из средств достижения собственных политических целей. «В отличие от 1991—1996 годов, когда (направляемая Западом. — *А. М., Д. Т.*) антироссийская вооруженная деятельность в основном осуществлялась под флагом светского национализма, сегодня все большую роль начинают играть исламисты-ваххабиты», — утверждает коммунистическая «Правда». По ее мнению, «основные надежды на втягивание нас в изнурительную войну... на Западе и в ваххабитских кругах... возлагают на Чечню»¹⁹.

Такого рода рассуждениям созвучна идея о существовании антироссийского исламо-католического заговора, которая довольно часто обыгрывается левоконсервативными и близкими к ним по своим антифоренистским взглядам православными идеологами.

Новый импульс подобный ход мыслей получил в связи с американской антитеррористической операцией в Афганистане: осенью 2001 г. вся российская левая националистическая пресса буквально кричала о том, что США пытаются во что бы то ни стало столкнуть нашу страну с мусульманским миром.

В парадигму таких подходов «непринужденно» вписывается мысль о том, что чеченский кризис явился прежде всего результатом внешних происков самых различных внешних сил включая Соединенные Штаты, Украину, Иран, не говоря уже о странах Персидского залива, Афганистане, Турции и др. С этим тезисом созвучно мнение, распространенное в левонационалистических кругах, о единстве планов НАТО и исламистов по разрушению России, а следовательно, и о необходимости дать им общий отпор. «Именно в Дагестане (имеются в виду события 1999 г. — *А. М., Д. Т.*) было остановлено геополитическое отступление России под давлением НАТО и его сателлитов в арабском мире», — отмечалось, например, в «Дагестанской правде»²⁰. Конспирологический подход к исламскому радикализму объединяет прозападных либералов, левых радикалов и российских государственников, особенно тех из них, которым присущи квазиимперские националистические представления. Наиболее впечатляюще эта позиция представлена одним из самых незаурядных российских аналитиков²¹ «гением конспирологии» Сергеем Кургиняном.

Даже если согласиться с такими взглядами, все равно не уйти от признания, что базовые условия для подобной политической и идеологической экспансии были созданы внутренними силами, прежде всего теми, кто формировал политику новой России, находясь в Кремле. В известном смысле речь идет о реконструкции типичного советского подхода, когда последствия собственной бездарной политики, мздоимства и казнокрадства выдавались за «злые происки врагов».

Конечно, нельзя игнорировать тот факт, что исламский радикализм как феномен, его политические движения использовались и используются самыми различными неисламскими государствами. Примеров тому немало. Наиболее характерны отношения между Москвой и Тегераном после исламской революции 1979 г. или симпатии СССР к исламским радикалам на Ближнем Востоке, поддержка США и некоторыми другими западными государствами афганского сопротивления в 80-е годы. Напомним, что и Пакистан, пестуя будущее «исчадие ада» — движение «Талибан», делал это с одобрения Вашингтона.

(Склонный к гипертрофическому изыску, один из эпигонов евразийства Александр Дугин считает, что «есть ислам евразийский и ислам атлантический, прозападный и антизападный». Стратегия же Запада «однозначна» и заключается в том, чтобы поссорить Россию с потенциальным союзником — евразийским исламом, а также «поддержать все антироссийские подрывные действия всех сил атлантизма в исламском облиии». С точки зрения Дугина, наличествующие в Чечне «протогургская и протоваххабитская линии» — суть геополитические тенденции, которые вовлекают Чечню в цивилизационный контекст, не имеющих ни исторических, ни духовных корней²². Отметим, что обе отмеченные линии раньше или позже проникают в любое мусульманское общество, поскольку отражают имманентно присущие исламу тенденции — реформаторскую и фундаменталистскую. Вряд ли Чечне при всей ее этнокультурной специфике удастся избежать их распространения.)

Тем не менее в любом случае следует помнить, что даже при сотрудничестве западных спецслужб с исламскими радикалами, при попытках внешних сил манипулировать исламским радикализмом, в конечном счете исламисты всегда руководствовались собственными целями и поступали в соответствии со своей внутренней логикой. «Воинствующие мусульмане недоступны пониманию», — заявляет военный аналитик Сергей Мельков²³. Даже признавая поэтическую гиперболичность этого высказывания, приходится констатировать, что российский полковник недалек от истины. Растерянность американского истеблишмента после 11 сентября 2001 г. — наглядное тому подтверждение.

Определение первичности (или вторичности) внутренних и внешних факторов политической и военной активности под исламскими лозунгами в Чечне лежит именно в этом дискурсе. И здесь приходится вновь повторять, что «исламизация» конфликта в Чечне имела реактивный характер и что внешний фактор, при всем том, что с середины 90-х годов его роль стала сравнительно заметной, тем не менее был вторичен. Вовлеченность в Чечню внешних сил была следствием развития ситуации внутри. Более того, внешнее влияние играло на руку рос-

сийским политическим лидерам и особенно военным, ибо на него можно было списывать собственные просчеты, потери, а также неспособность — а возможно, и нежелание — добиться скорейшего разрешения конфликта. В результате сложно определить истинные масштабы влияния «мирового радикального ислама», которое завышается российскими спецслужбами и занижается чеченской стороной, всячески подчеркивающей свою военную и финансовую самостоятельность (конкретнее об этом будет сказано ниже).

Чеченская напряженность, безусловно, находит отклик в остальном мусульманском мире, однако влияние Чечни на этот мир ограничено и несопоставимо, например, с конфликтом на Ближнем Востоке или событиями в Афганистане и Центральной Азии.

Вместе с тем «частность» чеченского конфликта отнюдь не свидетельствует о его якобы «второрядности». Война в Чечне стимулировала не просто исламское возрождение в сопредельных регионах, но определила высокую степень политизированности исламского ренессанса, его конфронтационность. Она превратила исламский фактор в фактор дестабилизации Юга России, а также всего Кавказа. И здесь важно разобраться, насколько реальны распространение исламского радикализма на Северном Кавказе, рост его влияния на мусульманскую общину России и косвенно — на состояние ислама в мусульманской Европе (Боснии и Герцеговине, Албании, Македонии), а также среди мусульманской диаспоры от Швеции до Италии.

ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Облечение чеченского этнонационализма в религиозную форму, апелляция сепаратистов к лозунгу священной войны способствовали пробуждению как националистических, так и религиозных настроений среди других мусульманских этносов Северного Кавказа. Причем по мере продолжения и ожесточения конфликта, поражений российских войск у части людей, особенно среди северокавказской молодежи, возникла эйфория национального и религиозного самоутверждения посредством солидарности с чеченцами. Открытая поддержка чеченского сепаратизма становилась своего рода средством преодоления комплекса неполноценности, компенсацией за понижение социального статуса, за отношение к себе как к человеку второго сорта (кличка «лицо кавказской национальности» воспринималась все болезненнее), за невозможность найти благополучную нишу в постсоветском обществе.

Возможность непосредственного приобщения к чеченскому сопротивлению могла быть достигнута несколькими путями. Одним из наиболее распространенных в 90-х годах было участие в разного рода ис-

ламских кружках, учебных лагерях, финансировавшихся как из-за рубежа, так и на чеченские деньги, в которых религиозное обучение дополнялось изучением военного дела, приобретением навыков ведения боевых действий.

Вербовка и подготовка боевиков из северокавказской молодежи — одна из наиболее запутанных сторон чеченского конфликта, обросшая множеством легенд и откровенных небылиц. Объяснением тому служит парадоксальное на первый взгляд совпадение желаний российских спецслужб и чеченских сепаратистов, всячески старавшихся завысить степень поддержки мусульманскими этносами Северного Кавказа чеченского сепаратизма. Для чеченцев выпячивание этого обстоятельства служило подтверждением значимости их роли в регионе, изображением конфликта между Чечней и Москвой предтечей регионального конфликта, в котором им будет принадлежать главная роль. Российским чиновникам и особенно «силовикам» вовлеченность в чеченский конфликт представителей других мусульманских народов давала возможность еще более повысить свой статус борцов за сохранение целостности России. Кроме того, проникновение из Чечни поддерживаемого из-за рубежа исламского радикализма обыгрывалось местными правящими элитами, которые настойчиво выставляли себя в глазах московского начальства главными борцами против «ваххабизма».

Исследователь, который пытается объективно определить реальный уровень влияния радикального ислама на Северном Кавказе, сталкивается с огромным количеством трудностей и вынужден полагаться скорее на косвенные, чем на прямые свидетельства²⁴ и статистические данные (зачастую сознательно фальсифицируемые), а порой — на собственную интуицию.

Наиболее прочные связи чеченские исламские радикалы имели с единомышленниками в Дагестане. Однако сам по себе исламский радикализм как идеология, как движение — эклектичное и разрозненное, не имеющее единых организационных форм — складывался в этой республике вне зависимости от чеченских событий, а его лидеры не выдвигали сепаратистских лозунгов. В Дагестане у исламского радикализма были социальные причины. Изначально местное «исламское поле» было свободно от конфронтационных идей джихада. Действовавшие в Дагестане исламские политики и идеологи, в том числе такие влиятельные, как один из основателей Исламской партии освобождения Ахмед-кади Ахтаев, наиболее авторитетный на Северном Кавказе проповедник фундаменталистского ислама Багауддин Мухаммад, не ставили целью отделение от России мусульманских анклавов. Их задачи лежали в религиозно-просветительской и социальной сферах.

До середины 90-х годов позиция исламских радикалов Дагестана в отношении чеченского сепаратизма носила двойственный характер. Признавая за чеченцами право самим определять, оставаться в составе Федерации или добиваться полной независимости, и сотрудничая с чеченским сопротивлением, дагестанские исламисты не стремились к распространению ирредентистских идей по всему Северному Кавказу. Правда, на состоявшемся в середине 90-х годов совещании руководители дагестанских *джаммаатов* (исламских общин) допускалась возможность вооруженного конфликта с Россией, но только если Москва первая предпримет в отношении них действия, аналогичные тем, на которые она пошла в Чечне. Исламские радикалы отдавали себе отчет, что в Дагестане сепаратистские настроения неизбежно нарушат этническое равновесие, что приведет к гражданской войне. К тому же они составляли в республике меньшинство.

Дагестанским мусульманам присущи четыре уровня идентичности — этническая, дагестанская, мусульманская и российская. Ощущение ими принадлежности к России служит базой стабильности в обществе. Показательно, что и последователи радикального ислама, и их оппоненты из числа традиционалистов и институционального духовенства считают Россию своей родиной и возражают, когда их пытаются представить инородным элементом. Для иллюстрации приведем высказывание бывшего в середине 90-х годов главой Союза мусульман России депутата Госдумы склонного к радикализму Надиришаха Хачилаева: «Мусульмане не должны чувствовать себя пасынками в своем отечестве»²⁵ и слова противника «ваххабитов» председателя Духовного управления мусульман Дагестана Сайид-Мухаммада Абубакарова, который с сожалением констатировал: «...понимание того, что последователи исламской религии тоже полноценные россияне и такие же хозяева государства, а не пасынки, еще не скоро будет осознано в отдельных государственных структурах, а особенно... в средствах массовой информации»²⁶.

Вопрос о том, насколько чеченские сепаратисты на самом деле рассчитывали опереться на дагестанских единомышленников и надеялись на создание общего, вне пределов России, чечено-дагестанского государства, не столь прост, как представляли в конце 90-х годов некоторые комментаторы. Действительно, в Чечне велось немало разговоров о создании такого государства. В апреле 1998 г. в Грозном был созван Конгресс народов Чечни и Дагестана, руководство которого, прежде всего его лидер Басаев, неоднократно заявляло о необходимости и неизбежности слияния Дагестана и Чечни. «Победа ислама на Кавказе, — сказал в своем выступлении на Конгрессе глава чеченского «министер-

ства иностранных дел» Мовлади Удугов, — неизбежна, если народы Чечни и Дагестана окажутся свободными от влияния Москвы и ее прислужников в Махачкале». Соглашаясь с Удуговым, председатель исполнительного комитета Союза аварских джамаатов М. Гусейнов говорил, что «у Дагестана появился исторический шанс стать независимым и свободным, и для его реализации необходимо объединение с Ичкерией, и это объединение должно происходить под знаменем ислама»²⁷.

Другое дело, как воспринималась эта идея в Дагестане — среди его этнических элит и в различных этнических сообществах. Их реакция на чеченские призывы была скорее осторожно-негативной, чем благоприятной. Элиты прекрасно понимали, что создание единого имамата фактически означает перераспределение политической и экономической власти в Дагестане в пользу амбициозных чеченцев, лидеры которых лелеяли идею выхода к Каспийскому морю. Это не только обеспечило бы им контроль над проходящим по Дагестану нефтепроводу, доступ к рыбным ресурсам, но и давало Чечне реальный выход во внешний мир (80-километровая граница с Грузией труднодоступна и ненадежна), что в глазах сепаратистов означало укрепление чеченского суверенитета. Это не устраивало дагестанцев, не говоря уже о том, что чечено-дагестанское слияние на исламской почве неизбежно вызвало бы крайне негативную реакцию Москвы. Чеченская инициатива создания единого государства по сути втягивала Дагестан в жесткое противостояние с федеральным Центром, при любом исходе которого положение в республике дестабилизировалось бы.

Однако, повторяем, полного единства мнений относительно «ваххабитов» в республике не существовало. Во-первых, часть местного руководства по разным причинам — «на всякий случай», в силу родственных отношений и т. д. — сохраняла с ними контакты, во-вторых, в Дагестане сформировалась религиозно-политическая контрэлита, которая рассчитывала с помощью чеченцев укрепить свое влияние. Взаимодействие исламистов Дагестана и чеченцев продолжало развиваться. Басаев, Хаттаб рассматривали дагестанских исламистов как своего рода мост между Чечней и Дагестаном. Кроме того, они надеялись, что сотрудничество с дагестанскими духовными лидерами укрепит их авторитет в глазах собственных приверженцев в Чечне и на всем Северном Кавказе.

В свою очередь, преследуемые властью исламские радикалы Дагестана также нуждались в поддержке — пропагандистской, политической и даже силовой. В 1996 г. состоялась знаменитая *хиджра*²⁸ — переезд Багауддина Мухаммада и сотен его сторонников в Чечню, где они фактически получили политическое убежище и откуда могли продол-

жать оказывать влияние на положение дел внутри Дагестана. Чеченский и дагестанский исламизм, хотя и имели разные внутренние корни (в первом случае основой были сепаратистские устремления, во втором — социальные проблемы), подпитывали друг друга. С другой стороны, союзнические отношения чеченских и дагестанских исламистов сужали базу последних, что стало особенно очевидно после вторжения в 1999 г. Басаева в Дагестан, когда большая часть дагестанцев выступила против этого. Кроме того, надо иметь в виду, что в составе «армии вторжения» было большое число дагестанских «мухаджиров», в свое время вынужденных мигрировать в Чечню и рассчитывавших взять реванш за былые притеснения.

РЕЛИГИОЗНАЯ ОСНОВА ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА

Среди большинства российских политиков, в средствах массовой информации утвердилось мнение об опасности экспорта исламского радикализма из Чечни в остальные мусульманские республики Северного Кавказа, что в конечном счете неизбежно ведет к дальнейшей дестабилизации обстановки в регионе, обострению межэтнических и межконфессиональных отношений.

С этой точки зрения важно понимание того, насколько идеи радикального ислама сочетаемы с менталитетом мусульманских народов Северного Кавказа, какова социальная и этническая основа его распространения, а также каковы силы, ему противостоящие. Собственно религиозной основой исламского радикализма является *салафийя*, т. е. идеология возврата к ценностным установкам раннего ислама эпохи пророка Мухаммада и праведных халифов. Богослово-юридической основой салафийи является отрицание различий между четырьмя основными *мазхабами* (богословско-юридическими школами) ислама. В VIII—IX вв. в исламе сформировались четыре мазхаба — ханбалитский, маликитский, шафиитский, ханафитский. На Северном Кавказе получили распространение шафиизм и ханафизм — самые либеральные (особенно ханафизм) толки среди российских мусульман. Наиболее жесткий мазхаб, ханбалитский, оказал влияние на формирование ваххабизма. Салафиты исходят из единства исламского вероучения, в основе которого лежат принципы, заложенные в Коране и шариате. Они занимают бескомпромиссные позиции в отношении внешних заимствований, неисламских, собственно этнических традиций, которые привносят в ислам элементы синкретизма. Салафийя жестко оппонирует местной исламской традиции Северного Кавказа, в основе которой лежит синтез «классического» ислама с местными этнокультурными традициями. Салафиты требуют утверждения норм бытового пове-

дения, соответствующих исламским принципам, и выступают с критикой тех, кто, по их мнению, придерживается более либеральных представлений в общественной и личной жизни.

В восточной части Северного Кавказа — в Чечне, Дагестане, Ингушетии — главным оппонентом салафитскому влиянию является разновидность исламского суфизма — мюридизм. На западе региона особую роль в противодействии салафии играет собственно этническая (не обязательно религиозная) культурная традиция.

В сфере социально-политических отношений салафиты выступают за исламское государство, построенное и функционирующее на основе шариатского законодательства. Это требует кардинальной перестройки сложившейся системы власти, что трудно совершить, не прибегая к методам революционного насилия, по сути к гражданской войне, которая отвергается большинством северокавказских мусульман.

В отношении салафитов, именуемых на Северном Кавказе «ваххабитами», местные мусульмане испытывают противоречивые чувства. С одной стороны, большинству действительно претит салафитский ригоризм, отрицание «народного ислама» и призывы к решительным действиям против местной власти. Люди опасаются чеченского варианта развития событий, при котором борьба за исламское государство обернется сепаратизмом.

С другой стороны, неудовлетворенность отсутствием результатов реформ, точнее, отсутствием их позитивных результатов, ухудшение материального положения, безработица, распад и деформация прежних идейных и нравственных ориентиров — все это толкает часть общества на поиски выхода в координатах религиозного мышления и действия. Особенно это характерно для молодежи, которая вопреки «убойной» официальной пропаганде видит радикальный ислам в некоем романтическом ореоле борьбы за справедливость.

Ко всему этому следует присовокупить сохраняющуюся в регионе политическую неопределенность, связанную с продолжением борьбы за передел власти. Это относится в том числе и к Карачаево-Черкесии, и к Кабардино-Балкарии. Исламские радикалы не оставляли попыток вмешаться в политические интриги в этих республиках, хотя и не афишировали своих претензий. С другой стороны, в самих республиках сложилось мнение, что и светские политики, в том числе те, кто публично осуждает радикализм, при необходимости сами готовы прибегнуть к исламу как к средству достижения своих целей. Особенно это касалось бывшего президента Ингушетии (1992—2001 гг.) Руслана Аушева, который неоднократно говорил о возрождении исламских норм поведения в быту и даже о введении многоженства (женский вопрос

является своего рода лакмусовой бумажкой приверженности исламу светского политика), в Дагестане — влиятельнейшего мэра Махачкалы Саида Амирова, бывшего секретаря республиканского Совета национальной безопасности, Героя России Магомеда Толбоева и др. Бывает и так, что в склонности к использованию ислама как политического оружия подозревают людей, не имеющих к этому никакого отношения. Например, в конце 1998 г. в связи с обострением ситуации в Карачаево-Черкесии подобные обвинения прозвучали в адрес ее будущего президента карачаевца генерала армии Владимира Семенова (бывшего главнокомандующего Сухопутными войсками России), на самом деле отнесившегося к «политическому исламу» чрезвычайно настороженно²⁹.

СКОЛЬКО ВСЕГО ИСЛАМИСТОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

Никто из экспертов, политиков, сотрудников спецслужб не может назвать ни точного числа исламистов на Северном Кавказе, ни их доли среди мусульманского населения. Оценки колеблются от 5% до 20%. В абсолютных цифрах счет порой идет на сотни тысяч. Не проще, а, пожалуй, сложнее определить количество вооруженных исламистов. Скорее всего, их число колеблется в пределах нескольких тысяч, их группы рассредоточены по отдельным районам. Разные источники дают цифры от 2 до 10 тыс. потенциальных и действующих «бойцов».

Имеющаяся статистика нуждается в дополнительной перепроверке. Довольно сложно определить критерии принадлежности к салафизму, последователи которого именуются себя просто мусульманами. Тем не менее приведем некоторые данные, которые помогут определить хотя бы порядок численности исламских радикалов. Сотрудник Северо-Кавказской академии государственной службы Игорь Добаев писал, что в Дагестане существует «до 5 тыс. ваххабитов, которые именуют себя “исламистами”»³⁰. Обозреватель «Известий» Юрий Снегирев писал, что в республике насчитывается 3 тыс. боевиков-ваххабитов³¹. Обращает внимание, что в отдельных районах численность «ваххабитов» указывается порой с точностью до одного человека. В Дагестане, по свидетельству искушенного и обычно хорошо информированного эксперта «Независимой газеты» Ильи Максакова, в 1998 г. общее количество ваххабитов составило 2795 человек³².

Число «ваххабитов» в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее, не говоря уже о Северной Осетии (где большинство населения христиане), невелико и исчисляется сотнями. Например, министр внутренних дел Кабардино-Балкарии генерал Хачим Шогенов заявил, что, «осуществляя оперативный контроль за лицами, вынашивающими экстремистские и националистические идеи», его службы сформиро-

ровали банк данных на 300 человек³³. 300 «ваххабитов» насчитали в Карачаево-Черкесии и авторы публикации в «Вестнике Российской академии наук»³⁴. Заметнее их присутствие в Ингушетии, где сложилась особая ситуация, связанная с активным проникновением на ее территорию чеченцев. Здесь по разным данным их может быть до тысячи человек. Но сколько из них ингушей, а сколько чеченцев, сказать очень трудно.

Однако влияние радикального ислама на Северном Кавказе вряд ли исчерпывается несколькими сотнями воспитанников «ваххабитских лагерей». В самых разных точках региона отмечается стремление следовать исламским нормам поведения, соблюдать исламские каноны, в том числе шариатские запреты в бытовой жизни. В средствах массовой информации появляются сообщения об «образцовых» молодых людях, которые всячески, подчас вызывающе, подчеркивают свою исламскую ориентированность в противовес распространенной в обществе религиозной индифферентности, забвению норм религиозной морали. Одна из северокавказских газет опубликовала материал о том, как в общеобразовательной школе столицы Кабардино-Балкарии Нальчика группа старшеклассников-мусульман стала противопоставлять себя остальным школьникам, исходя из превосходства ислама над остальными религиями, а также ввиду собственной к нему принадлежности. Показателен заголовок статьи — «Новые мусульмане»³⁵. На наш взгляд, этот пример по-своему символичен. Ведь речь идет о спокойной, в целом негативно настроенной в отношении салафизма республике, о ее вполне европеизированной столице...

Давно стало общим местом, что повсеместно на Северном Кавказе растет тяга молодежи 14—17 лет к исламу (что, заметим, сочетается с интересом к западной культуре). Речь при этом идет не о традиционном «исламе предков», но об исламе политизированном, влияющем на ход событий, в котором доминируют такие понятия, как шариат, исламское государство, джихад и даже уже подзабытое за последние годы словосочетание «исламская революция».

Феномен «новых мусульман» не ограничивается только молодежной средой. Есть основания полагать, что симпатии к исламским радикалам в мусульманской среде Северного Кавказа довольно устойчивы. Например, в Дагестане на протяжении 1998 г. число мусульман, отрицательно оценивавших «ваххабизм», снизилось с 74% до 63%, в то время как количество тех, кто оценивал его позитивно, возросло с 3% до 5%³⁶. Разумеется, непосредственно после вторжения в Дагестан отрядов Басаева и Хаттаба отношение к исламским радикалам ухудшилось. Однако спустя год появились сведения, что между радикалами и ос-

тальным обществом установился некий консенсус, и, более того, крайне жесткие методы подавления «ваххабизма» властями привели к тому, что к его представителям стали испытывать своего рода сочувствие.

Сторонники исламского радикализма сохраняют устойчивое влияние на территории всех республик Северного Кавказа за исключением Северной Осетии³⁷. До последнего времени наименее заметен исламский радикализм был в Адыгее. Зато его присутствие стало ощущаться в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Уже упоминавшийся генерал Шогенов отметил сразу восемь районов последней (Хасанье, Кенже, Белая Речка, Терский, Чегемский, Баксанский, Эльбрусский, Черекский), а также столицу республики Нальчик, где «ваххабиты проявляют активность»³⁸. Росту исламского радикализма в Кабардино-Балкарии способствует периодически усиливающаяся межэтническая напряженность между кабардинцами и балкарцами. Радикально настроенные балкарцы, на взгляд некоторых экспертов, могут использовать апелляцию к исламским лозунгам. Известно, что они уже направляли обращения в стоящую на позициях исламского радикализма прореченскую Кавказскую конфедерацию³⁹.

Исламский радикализм распространяется в Ингушетии, что, по мнению Руслана Аушева, «является серьезной угрозой стабильности общества»⁴⁰. В Ингушетии радикализм подпитывается сразу из трех источников — «чеченского», социального, а также неурегулированного осетино-ингушского конфликта. Очевидно, последнее обстоятельство не следует преувеличивать, хотя нельзя его и игнорировать полностью. Так, по мнению, политолога Эдуарда Скакунова, «осетино-ингушский конфликт является на более глубинном уровне “конфликтом ценностей”, в котором каждая из сторон... оценивает себя и друг друга по собственной, а главное — не приемлемой для оппонента шкале социокультурных ценностей»⁴¹. Известно также, что чеченские полевые командиры не раз говорили «о готовности оказать содействие Республике Ингушетия в возвращении исконных исторических территорий»⁴².

Вторая чеченская кампания высветила то обстоятельство, что исламский радикализм существует на Северном Кавказе помимо Чечни. Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, использование чеченскими сепаратистами исламских лозунгов, одержанная ими победа в джихаде 1994—1996 гг., безусловно, дали импульс росту исламского радикализма на Северном Кавказе, но при этом они же выявили пределы этого роста. Провал попытки создания исламского государства в самой Чечне, где против него выступила большая часть населения, форсированное и жестокое навязывание форм исламского правления в значительной степени дискредитировали исламистов в глазах

северокавказских мусульман. В этом смысле Чечню можно уподобить Таджикистану: там вылившееся в гражданскую войну противостояние между исламистами и их противниками предотвратило «исламские взрывы» в других странах Центральной Азии, поскольку слишком силен был для сопредельных стран демонстрационный эффект внутри-таджикского конфликта. Однако, продолжая аналогии (которые могут кому-то показаться натянутыми), нельзя не отметить, что конфликт в Таджикистане удалось урегулировать только благодаря признанию исламистов легитимными участниками политического процесса.

ЧЕЧНЯ И МУСУЛЬМАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ

После распада СССР Чечня, как и весь Северный Кавказ, уже не являются более «закрытым» пространством, наглухо отгороженным от великой мусульманской ойкумены. Развитие событий в регионе немислимо вне контекста событий в других мусульманских странах и регионах. Мусульманский мир можно сравнить с океаном, где возникшие у одного берега цунами когда-нибудь достигнут противоположного побережья⁴³. Однако, пожалуй, будет правильнее сравнить мусульманский мир с системой — причем весьма замысловатой — сообщающихся сосудов, каждый из которых есть мусульманское общество, государство или целый регион. Любое происходящее там значимое событие эхом отражается в мусульманском мире.

В этом плане события в Чечне не просто подтверждают это обстоятельство, но наглядно свидетельствуют: отзвук чеченского эха — пусть не столь громкого — слышится в мусульманском мире России.

Здесь уместно порассуждать о том, как отразился конфликт в Чечне на состоянии дел в мусульманской общине России, каким образом реагировали на него российские мусульмане. Изначально этот конфликт не имел религиозной окраски, да и чеченские сепаратисты не прилагали больших усилий, чтобы заручиться солидарностью своих российских единомышленников.

Известно, что у татаро-башкирского населения России не сложилось устойчивых связей с единомышленниками с Северного Кавказа, оно не имело там и материальных интересов. Попытки же мусульманских политиков и духовенства России создать единые организации не принесли значительного успеха. Между возникшими в середине 90-х годов Союзом мусульман России и движением «Нур» взаимная координация была чисто номинальной и осложнялась амбициозностью мусульманских лидеров. И если с точки зрения устройства организационных основ «всероссийской мусульманской общины» работа была проделана

немалая, и пропасть «между кавказцами и татарами» все же несколько уменьшилась, приверженцы ислама в России по-прежнему разделены на два массива — северокавказский и собственно российский. Мусульмане Северного Кавказа представляют приблизительно пятую часть почти двадцатимиллионного мусульманского меньшинства Российской Федерации.

Этнокультурная, экономическая, политическая обособленность двух мусульманских анклавов преобладает над религиозной общностью. В чеченском конфликте роль исламской солидарности выглядит противоречивой и откровенно слабой. Ее можно представить на трех уровнях. На первом — правящие в мусульманских регионах местные элиты занимают двойственную позицию: с одной стороны, они осуждают сепаратизм и связанный с ним исламский радикализм. Однако демонстрируя лояльность центральной власти, они вместе с тем недовольны действиями Москвы в Чечне и стремятся изобразить позицию равноудаленности от противостоящих сторон. На втором уровне — сотрудничающих с властью исламских движений и организаций — нота протеста звучит отчетливее. Их лидеры солидаризируются с мусульманами Чечни и видят в негативном отношении Москвы к чеченцам элемент исламофобии. С таких позиций в середине 90-х годов выступали Союз мусульман России, Исламский культурный центр, многие российские муфтии. Так поступало и возникшее в 1999 г. как оплот мусульманской поддержки Путина движение «Рефах». Власть подвергается критике за неадекватные ситуации действия, за отказ вести переговоры с Масхадовым и людьми из его окружения. Но и от чеченцев требуется более уступчивая политика.

Однозначная поддержка чеченского сепаратизма с религиозных позиций имеет место лишь на третьем уровне — откровенной исламской оппозиции, которая заявляет об исламской солидарности с чеченцами и одновременно считает оправданным их стремление к исламскому государству. Известная своим радикализмом лидер Татарского национального движения Фаузия Байрамова уверена, что исламский фактор будет востребован для борьбы за национальную независимость живущих в России мусульманских народов. К тому же, по ее мнению, использование ислама в этой борьбе есть реакция на «православный фундаментализм», который стремится стать единственной государственной религией России⁴⁴. Проявления конфессиональной солидарности с Чечней отмечались в некоторых российских мечетях, особенно в тех, где имамами работают молодые люди, получившие образование за рубежом. Последнее обстоятельство не ускользнуло ни от институционального духовенства, ни от соответствующих государственных служб.

Наиболее «непослушным» мусульманским проповедникам делались внушения. Там же, где идеи исламского радикализма вкупе с солидарностью с Чечней не поддавались «корректировке», власти действовали еще более жестко. Так в Набережных Челнах в 2000 г. была закрыта медресе «Йалдуз», 13 *шакирдов* (учеников) которой, по сведениям спецслужб, отправились сражаться в Чечню на стороне сепаратистов.

Чеченский конфликт стимулировал радикализацию ислама не только на Северном Кавказе, но и по всей России. Он способствовал внутреннему размежеванию российских мусульман. Среди них, по мнению институционального духовенства, «появились течения, дальнейшее развитие которых может привести к конфронтации среди самих мусульман, между последователями ислама и других религий, может стать угрозой стабильности и миру в отдельных регионах»⁴⁵.

Чеченские политики явно были не удовлетворены степенью поддержки, которую они получили от мусульман России. Масхадов всерьез рассчитывал добиться сочувствия, особенно в Татарстане, в том числе от президента Минтимера Шаймиева. Однако Шаймиев, который испытывает некоторое беспокойство от татарского «неформального» ислама, всегда был далек от поддержки чеченцев. Его советники неоднократно встречались с чеченскими политиками, в том числе с Масхадовым. Казань критиковала Москву за излишнее использование силовых методов в ущерб переговорному процессу. В 1999 г. Государственный совет республики даже принял постановление «О приостановлении на территории Республики Татарстан призыва граждан на военную службу», чтобы мусульмане — уроженцы Татарстана не встречались в открытом бою с единоверцами. Однако этим исламская солидарность Татарстана практически и ограничилась. В 1999 г. Шаймиев и другие ведущие мусульманские политики, в том числе президент Башкирии Муртаза Рахимов и ингушский лидер Аушев, поддержали созданную в Москве Юрием Лужковым и Евгением Примаковым и противостоящую путинскому движению «Единство» коалицию «Отечество — Вся Россия», которая какое-то время всерьез претендовала на то, чтобы стать ведущей политической силой России. А в этих условиях любая солидарность с сепаратистами выглядела более чем неуместной.

Впоследствии мусульманская элита полностью поддержала действия в Чечне нового президента Путина, и вопрос о ее солидарности с чеченцами отпал сам по себе.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ИСЛАМСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Двойственное впечатление остается от поддержки, оказанной «внешним» исламским миром чеченским сепаратистам.

Вообще воздействие Чечни на мусульманский мир и, напротив, внешнее исламское влияние на Чечню стало объектом ряда мистификаций. Главная из них — гипертрофия международного исламского присутствия на Северном Кавказе. Официальная российская пропаганда пытается представить чеченский конфликт как следствие международного «исламского заговора».

Чтобы представить истинные масштабы внешнего влияния на Чечню, следует, во-первых, избавиться от искусственно навязываемой гиперболизации этого влияния, во-вторых, максимально объективно оценить присутствующие в СМИ и иных источниках фактические материалы — прежде всего касающиеся объема финансовой помощи, а также реального числа сражающихся на Северном Кавказе мусульманских моджахедов из-за рубежа.

Чеченский конфликт «вписался» в общую тенденцию радикализации ислама, превращения его в средство политической борьбы различных исламистских организаций и движений. Этот конфликт одновременно и внутриисламский, и один из происходящих в так называемом исламо-христианском пограничье (мы абстрагируемся от его собственно политической подоплеки). Он занимает определенное геополитическое место, которое обуславливает его привязку к событиям как в мусульманском мире, так и на постсоветском политическом пространстве. Его гипотетическое окончательное разрешение, конечно, не станет поворотным пунктом в развитии мусульманского мира, даже на постсоветском пространстве. Зато обострение, которое нельзя исключить, отразится на безопасности России, на ее отношениях с мусульманскими странами. Эти проблемы рассмотрены в главе V.

Основную нагрузку в поддержке чеченского сопротивления несут исламские международные и национальные организации. Возникает вопрос, насколько их действия самостоятельны, а насколько одобрены или даже инициированы соответствующими правительствами. Константин Поляков, давно изучающий присутствие на территории России различных исламских организаций, признает: несмотря на то, что деятельность наиболее влиятельных и богатых из них — Всемирной исламской лиги, Международной исламской организации спасения «аль-Игаса», Всемирного высшего совета по делам мечетей — осуществляется из штаб-квартир, расположенных на территории Саудовской Аравии и при финансовой поддержке Эр-Рияда, они, «тем не менее, не всегда следуют рекомендациям саудовского правительства»⁴⁶. Степень автономии этих организаций достаточно велика, тем более что ими руководят весьма влиятельные местные политики. С другой стороны, ввиду именно этого обстоятельства правящий режим имеет достаточ-

ные рычаги для ограничения их «самодеятельности», что он иногда и делал, стремясь уйти от прямой конфронтации с Москвой.

Кроме перечисленных организаций можно назвать ряд других центров и фондов, также пытающихся развивать свою активность в России, в том числе и на Кавказе. Среди них наиболее заметны Международная ассоциация благотворительной помощи «Тайба», фонд Ибрагим аль-Ибрахим, международная Ассоциация исламского призыва, базирующаяся в Судане Всемирная лига исламского призыва и многие другие. Они оказывают помощь в подготовке кадров мусульманского духовенства, предоставляют средства для открытия медресе и религиозных институтов, проводят разного рода научные и религиозные мероприятия. На Северном Кавказе богатые мусульманские организации оказывают помощь беженцам. Некоторые из них, например, созданная в Великобритании «Исламская помощь», всячески подчеркивают неполитический, наднациональный характер своей деятельности⁴⁷. Известны случаи сотрудничества занимающихся благотворительностью исламских организаций и российских государственных структур. Так, в марте 1999 г. Международная исламская организация спасения совместно с Министерством по чрезвычайным ситуациям Дагестана организовала раздачу продуктов и одежды в Кизляре, Кумторкалинском, Кизилюртовском и других районах Дагестана, пострадавших в ходе боев с отрядами Басаева.

Расширение внешних контактов российских мусульман является столь же объективно неизбежной данностью, как и увлечение россиян ценностями западного мира. «Железный занавес» был поднят одновременно и на Западе, и на Востоке (в данном случае, строго говоря, на Юге). Проникновение из-за рубежа религиозных представлений, не свойственных утвердившемуся на российской почве (включая Северный Кавказ) исламу, очевидно, следует рассматривать в контексте диалога культур, неизбежного в условиях общества, претендующего на открытость. Тем более что в досоветский период, когда ислам в России не был столь изолирован, как в советское время, от ислама зарубежного, здесь развивались тенденции, схожие с теми, которые наблюдались на Ближнем Востоке, в мусульманской Индии и т. д. Даже разнообразие этнических культур, принадлежность к различным мазхабам не является непреодолимой стеной для взаимодействия различных религиозных идей.

Деятельность приходящих с Ближнего Востока исламских организаций способствует знакомству с не характерными для мусульман Северного Кавказа этическими, идеологическими установками и собственно религиозными трактовками. Эмиссары этих организаций выпол-

няют функцию миссионеров, что способствует возникновению у мусульман внутреннего дискомфорта, приводит к психологической напряженности. Проникновение извне ослабляет позиции местного духовенства, у которого появился серьезный соперник в лице неофитов, выпускников нероссийских религиозных учебных заведений, последователей «чужого», зато более «чистого», нонконформистского ислама, который оказывается в оппозиции к нынешней власти, несущей долю вины за экономические трудности, политическую нестабильность, особенно рельефно заметные на фоне забвения норм традиционной, в том числе религиозной морали.

На протяжении 90-х годов некоторые мусульманские страны, прежде всего Саудовская Аравия, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, приложили немало усилий по распространению своей версии ислама. Миссионерская деятельность осуществлялась непосредственно через мечети, получавшие внешнее финансирование религиозные учебные заведения, а также путем формирования так называемых летних лагерей, участники которых знакомились с нетрадиционными для российских мусульман интерпретациями ислама, изучали арабский литературный язык. Наставниками в этих лагерях выступали проповедники из самого королевства, а также из Судана, Иордании, Египта, некоторых других государств.

Российские спецслужбы утверждали, что именно в этих лагерях осуществлялась вербовка боевиков для отрядов Хаттаба. Те же источники сообщали о создании в 1996—1997 гг. целой сети для переправки людей в Чечню для участия в военных действиях против федеральных войск. Однако, с другой стороны, каждый, кто захочет попасть в Чечню, может это легко сделать помимо специально созданных для этого партизанских троп: порой для этого достаточно воспользоваться обычным рейсовым автобусом или автомобилем.

Активность зависимых от внешних источников мусульманских центров и медресе действительно выросла. Наставники из арабских стран действуют не только в больших, пятничных, но и квартальных сельских мечетях. Например, в селе Учкене в Карачаево-Черкесии действует медресе с 30 учениками, которым руководит глава местной «вахабитской» общины.

Противостоять новому исламскому миссионерству непросто. Во-первых, оно притягательно своей внешней честностью и бескомпромиссностью, сами миссионеры обладают большим по сравнению с отечественным духовенством запасом религиозных знаний, владеют навыками ведения пропаганды. Наконец, приславшие их организации имеют немалые финансовые возможности, обеспечивающие совме-

ние религиозной проповеди с благотворительной деятельностью — в том числе такой, как бесплатная раздача продуктов, одеял и русских переводов Корана.

Религиозно-культурные «новации» ложатся на благодатную почву социальной фрустрации, в обстановке которой они легче прививаются части местных мусульман. Разумеется, экспансия «другого ислама» не носит всеобъемлющего характера. Выше мы постарались показать, что большинство мусульман настороженно относятся к внешнему влиянию, а его радикальные проявления, прежде всего «ваххабизм», постоянно демонизируются официальными духовными структурами и властью. Тем не менее у религиозного миссионерства есть немалые перспективы, обусловленные в первую очередь материальными трудностями мусульман. Таким образом, известная эволюция религиозного сознания российских мусульман, в том числе его радикализация, вполне возможна.

Повторим еще раз, что сама по себе такого рода деятельность не является противозаконной и вполне укладывается в форму диалога, внутримусульманского общения. С другой стороны, далеко не всегда просто определить, где проходит граница между собственно религиозной миссией и скрытым или явным вмешательством в общественную и политическую жизнь. Известны случаи, когда под прикрытием миссионерства велась самая различная, в том числе коммерческая деятельность с привлечением криминальных структур. Власти Северного Кавказа, которые относятся к религиозному миссионерству, не говоря уже о сопутствующих ему явлениях, негативно, действуют запретительными методами. Только в 1999 г. на основании судебных постановлений ими была приостановлена деятельность более 200 такого рода организаций (всего в регионе насчитывалось примерно 2 тыс. религиозных организаций)⁴⁸. Работа в этом направлении продолжается, тем более что в северокавказских республиках приняты специальные законы, запрещающие «ваххабизм», религиозный экстремизм и т. п. После 11 сентября «антиваххабитские» акции стали еще более целенаправленными. Это вынудило радикалов уйти в глубокое подполье, что не помешало им продолжать пропагандистскую деятельность. Более того, осенью 2001 г. интерес к ним даже возрос.

Насколько религиозная активность зарубежных исламских организаций связана с помощью, которую получают из-за рубежа исламские радикалы, выступающие под лозунгами сепаратизма, создания исламского государства? Такая связь, конечно, есть. Было бы нелепо утверждать, что миссионеры с Ближнего Востока полностью игнорируют тех, кто публично провозглашает своей целью создание исламского госу-

дарства, выставляя себя борцами за истинную веру. С другой стороны, очевидно, что оказание прямой поддержки исламистской оппозиции ограничивает сроки пребывания иностранных миссионеров на российской территории, в конечном счете сужает масштабы их деятельности вплоть до высылки из страны. А в стратегическом плане постоянство их присутствия на Северном Кавказе (и вообще в России) может принести им впоследствии бóльшую пользу, чем непосредственная поддержка экстремистов, которая сама по себе компрометирует их усилия по возрождению ислама. Одним словом, если миссионеры хотят остаться надолго, они обязаны быть предельно осторожны и не провоцировать власти на запретительные меры.

Однако такого рода сдержанность и дипломатичность проявляли отнюдь не все исламские организации. Часть из них взяла курс на поддержку исламских радикалов, не считаясь с тем, что это может привести к печальным последствиям. Среди тех, кто все-таки оказывает финансовую поддержку противостоящим Москве исламским радикалам и сепаратистам, чаще всего называются организации «аль-Игаса», «Тайба», «Саар фаундейшн» (со штаб-квартирами в Саудовской Аравии), «Братья мусульмане», палестинское движение ХАМАС, кувейтское «Общество социальных реформ», Благотворительное общество Катара, алжирская «аль-Джамаа аль-мусалляха» («Вооруженная община») и др.

Наиболее влиятельными и активными среди них являются возглавляемый Усамой бен Ладеном Мировой фронт «Джихада» и созданная им же в 1988 г. «аль-Каида», объединяющая ветеранов войны против советских войск в Афганистане. И «аль-Каида», и «Джихад» публично заявляли, что поддерживают чеченских сепаратистов и «поставляют боевиков в Чечню»⁴⁹.

Эта глава была в основном закончена до 11 сентября 2001 г. Естественно, при подготовке к публикации потребовалось значительное обновление текста, иными словами, его корректировка в связи терактами в США. Тем не менее авторам показалось интересным сохранить нижеследующие абзацы именно в том виде, в каком они были подготовлены до американской трагедии.

Дьявольский образ всемогущего бен Ладена, персонифицирующего угрозу со стороны исламского радикализма (который все чаще ассоциируется с исламом вообще), эксплуатируется и на Западе, прежде всего в США, и в России. Для Вашингтона это дополнительная аргументация в пользу перемен в оборонительной стратегии, поскольку там полагают, что исламский радикализм может стать одним из каналов распространения ядерного «мини»-оружия. Российские спецслужбы сообщали коллегам в США о

попытках бен Ладена получить через чеченцев радиоактивные материалы⁵⁰. Все это повод для установления бдительного надзора над регионами, в которых исламские радикалы могут угрожать интересам США и их союзникам.

«Исламский терроризм» и в самом деле стал трансграничным явлением, и его эксцессы могут иметь место где угодно включая западное полушарие. Следовательно, речь идет о внутренней безопасности США. Что касается России, то ее политикам, ведущим многолетнюю войну на Северном Кавказе, намного проще объяснять ее затяжной характер, собственные неудачи присутствием мощного внешнего фактора в лице финансируемого бен Ладеном и К* «мирового исламского терроризма». Поток финансовой помощи и «полчища» иностранных боевиков — наемников и фанатиков выдаются официальной пропагандой Москвы за главную причину нерешенности чеченского кризиса и нестабильности на Северном Кавказе.

Читатель сам вправе судить, насколько адекватны нынешней ситуации были взгляды авторов за несколько недель до терактов в США.

Так или иначе, информация о воздействии внешних исламских сил на ситуацию на Северном Кавказе сильнейшим образом мифологизирована российской пропагандой. Приводимые там сведения о суммах, получаемых Басаевым, Хаттабом и прочими из-за рубежа, равно как и о количестве наемников-моджахедов вызывают понятное недоверие. К тому же невольно напрашивается сравнение с официальными материалами о положении в Чечне и ходе там военных действий (в какие-то моменты эти сообщения напоминали сводки Совинформбюро лета 1941 г.). Об истинных же масштабах «внешнего фактора» можно судить скорее по косвенным данным.

Надо постоянно учитывать, что зарубежные исламские лидеры иногда преувеличивают свое участие во внутрироссийской мусульманской жизни. В частных беседах, а то и публично некоторые зарубежные гости из мусульманских стран настаивали, что без их активности и материальной помощи в России не возникло бы ни одной мусульманской организации — политической или сугубо просветительской. Так, некий Мухаммед Тахан, генеральный секретарь Международного союза исламских студенческих организаций, утверждал, что именно этому союзу принадлежит инициатива создания в 1990 г. всесоюзной Исламской партии возрождения (ИПВ). «Мы, — пишет он, — посоветовались с нашими братьями в Москве, Узбекистане, Таджикистане и др. и назначили дату проведения учредительного съезда ИПВ в Астрахани на 9 июня 1990 г.»⁵¹ (сами учредители ИПВ придерживались на этот счет иного мнения). Такой подход вполне устраивал российские спецслужбы, которые стремились представить ИПВ как мощный распад-

ник «ваххабизма». На самом же деле в российском масштабе ИПВ как влиятельная организация не состоялась. В этой связи явной ложью выглядит появившаяся в 1992 г. информация о том, что филиалу ИПВ в Дагестане Саудовская Аравия якобы выделила 17 млн долл.⁵² Один из лидеров ИПВ Гейдар Джемаль считает политический провал партии «упущенной возможностью на закате советской истории» сделать так, чтобы «СССР мог стать “Восточным Союзом России”»⁵³. На Северном же Кавказе ведомая своим лидером Ахмед-кади Ахтаевым ИПВ занимала умеренные позиции, призывала к диалогу, но так и не сумела оказать существенного влияния на развитие событий.

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИНАНСОВАЯ ПОМОЩЬ ЧЕЧЕНСКИМ СЕПАРАТИСТАМ

Существуют разные варианты получения помощи. Это происходит, в частности, через подставные фирмы или через посредников, находящихся как в России, так и за рубежом. Порой передача денег обставлена как в криминальных фильмах: наличными из рук зарубежных эмиссаров непосредственно полевым командирам. Нередко сбор пожертвований в пользу чеченцев инициируется чеченской диаспорой на Ближнем Востоке или непосредственно приезжающими в регион для получения финансовых средств чеченскими политиками. Однако размер сумм, поступающих в Чечню от исламских организаций, по-прежнему точно не известен. Тем более что сами организации, предоставляющие чеченцам финансовое вспомоществование, конкретных цифр не называют.

К. Поляков, ссылаясь на материалы российской печати, приводит немало подобных примеров. Так, кувейтская организация «Исламский центр» передала Чечне через представителя Масхадова И. Халимова примерно 13,5 млн долл., в Катаре к декабрю 1999 г. было собрано 8 млн, иорданское отделение организации «Братья-мусульмане» к концу 1999 г. передало чеченцам 20 млн. В конце 1999 г. женские благотворительные организации Катара собрали в пользу чеченцев 30 кг золотых украшений на 1,2 млн долл.⁵⁴ Весной 2001 г. появились сообщения, что люди Басаева и Хаттаба получили от 5 до 20 млн долл. (обращает на себя внимание разница в сумме. — *А. М., Д. Т.*) на активизацию военных и террористических действий в Чечне и вокруг нее. По сравнению с этим сумма (15 тыс. долл.), якобы собранная зимой 2000 г. на поддержку чеченцев жителями г. Манама (столицы Бахрейна), выглядит просто смехотворной⁵⁵. На фоне разговоров о десятках, если не сотнях миллионов долларов, поступающих из региона Персидского залива, более правдоподобен рассказ о том, как некий араб по имени

Омар должен был доставить Масхадову 850 тыс. долл., но был убит, а деньги поделили между собой полевые командиры⁵⁶.

Приводимые в СМИ данные о финансировании чеченских сепаратистов уместно сопоставить, например, с денежной помощью талибам. Так, существуют достаточно достоверные сведения о том, что на взятие талибами в 1996 г. Кабула им было выделено бен Ладеном 3 млн долл. Заметим, что масштабы и успехи деятельности установивших контроль над целым государством талибов не сопоставимы с чеченскими, на которые, если верить некоторым военным и публицистам, тратятся куда большие суммы.

Однако в любом случае деньги, получаемые боевиками из-за границы, не могут быть полностью «освоены». Можно не без основания предположить, что суммы, поступающие извне, явно завышены и (невольно напрашивается аналогия с московскими ассигнованиями на восстановление Чечни) разворовываются. Непонятно, например, куда ушли деньги специального фонда гуманитарной помощи чеченцам, организованного королем Саудовской Аравии Фахдом. А сумма эта значительная — 12,5 млн долл.⁵⁷ Далекое не всегда вызывает доверие и информация о том, каким образом столь большие деньги попадают в Чечню. Возникает еще один вопрос: если соответствующие каналы так хорошо известны, то почему они не были перекрыты российскими спецслужбами? Отсутствует достоверная информация о том, кто и как наживался и продолжает наживаться на чеченской войне. Об этом журналисты пишут гораздо меньше. Не обнаружила казнокрадов и воров и российская прокуратура.

ЛАГЕРЯ ПОДГОТОВКИ БОЕВИКОВ И ИНОСТРАННЫЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ

Столь же пространно выглядят сообщения о финансируемых из-за рубежа лагерях по подготовке боевиков и о воюющих на стороне чеченцев иностранных добровольцах из мусульманских стран.

По данным российских спецслужб, в 90-х годах в лагерях Хаттаба прошли подготовку от 1600 до 2500 боевиков. В канун вторжения чеченцев в Дагестан таких лагерей насчитывалось более десятка, причем у каждого была своя «специализация» — в лагере «Дагват» готовились специалисты по ведению психологической войны, в «Абуджафаре» — по ведению войны в горной местности и т. д.⁵⁸ Упоминается организованный Хаттабом в Сержень-Юрте (неподалеку от центра чеченского исламизма Урус-Мартана) так называемый военный колледж, учащимся которого было от 15 до 17 лет, где проходили стажировку выходцы из Таджикистана и Узбекистана⁵⁹.

О том, как проходит обучение в такого рода лагерях, существует немало рассказов. Приведем один из них — уроженца Кабардино-Балкарии 24-летнего Замира Озрокова, которому сообщили, что «самому чистому исламу обучают в Чечне». В мае 1999 г. он «...отправился на автобусе в Грозный, где взял такси до Сержень-Юрта (это к вопросу о тайных тропах проникновения в воюющую Чечню. — А. М., Д. Т.). Его отвели к некоему карачаевцу Ибрагиму, который определил ему место в казарме с двухъярусными кроватями. В первые дни в лагере находилось семь-восемь человек, но вскоре их число дошло до ста. Начался учебный процесс: изучение Корана, сборка-разборка автомата Калашникова, стрельбы и взрывное дело... Среди курсантов были дагестанцы, карачаевцы, ногайцы, один житель Кабардино-Балкарии. Через три недели Озроков заявил, что ему пора домой, и его отпустили, вернув паспорт. Дома его назначили имамом мечети в верхней части селении Баксаненок»⁶⁰. Похожие истории можно прочесть в других изданиях, услышать от тех, кто бывает на Северном Кавказе. По разговорам с некоторыми бывшими «курсантами» можно сделать вывод, что многие из них относились к своей стажировке как к летним пионерским лагерям.

Складывается впечатление, что боевая подготовка в такого рода лагерях носит достаточно поверхностный характер и готовят там не профессиональных моджахедов, но своего рода ополченцев, которые тем не менее способны устраивать диверсии в контролируемых федералами районах. По большому счету «выпускники» этих «учебных центров» являются скорее потенциальной силой на случай распространения конфликта. Приобретенные наспех знания по взрывному делу зачастую реализуются такими «боевиками» прежде всего там, где им самим никакая опасность не грозит, вне зависимости от того, причинит ли взрыв ущерб противнику. Есть сообщения, что за установку такой мины каждый участник операции получает по 100 долл. В этой связи уместно указать, что, по разным сведениям, месячная зарплата чеченского боевика колеблется от 100 до 1000 долл., а у полевого командира может достигать 3 тыс. долл. Разумеется, Басаев, Гелаев, Маджидов и другие «генералы» должны располагать неизмеримо большими суммами.

Время от времени в российских СМИ появляются сообщения о том, во сколько обходится «вербовка» мусульман в ваххабизм. «Муллам, согласившимся стать сторонниками ваххабитов, выдают единовременное пособие в размере 1000—1500 долл., а затем выплачивают ежемесячно 50—100 долл.»; «Внутри же самой “общины” отношения строятся по принципу пресловутой финансовой пирамиды. За каждого приведенного сюда нового соратника тот, кто его привел, получает 100—

150 долл., а потом ему выдают проценты с каждого, кого сагитировал на свою сторону подопечный»⁶¹. Авторам приходилось беседовать с «вербовщиками» и теми, кого склонили к переходу в «ваххабизм». Скорее всего, приведенные цифры действительно близки к реальности, однако относительно процентов с каждого неопита дело обстоит несколько иначе: платят не за «каждую голову». Но муллы в общинах, в которых больше «ваххабитов», действительно могут рассчитывать на большее денежное вспомоществование.

Таким образом, в тренировочных лагерях обучаются не только чеченцы, но и представители других северокавказских этносов. В большинстве своем это выходцы из Дагестана. Сколько их и, самое главное, какова «практическая отдача», сказать сложно. По данным МВД Кабардино-Балкарии, в Чечне воевали всего два-три десятка граждан республики⁶², что не так много. Упоминаются выходцы из Адыгеи, Карачаево-Черкесии. Однако и их количество исчисляется десятками человек.

Туманны сведения и об иностранных добровольцах. По как всегда не имеющим точного подтверждения данным, первым мусульманским зарубежным комбатантом в Чечне был иорданец Хабиб Али Фатхи, одно время служивший советником Дудаева по делам религии (очевидцы утверждают, что Дудаев советам Фатхи не внимал). Он же был духовным наставником небольшого боевого отряда, состоявшего из уроженцев Северного Кавказа и арабов. С 1995 г. этот отряд возглавил прибывший в Чечню из Афганистана Хаттаб. Число бойцов отряда заметно выросло, и он насчитывал до 300 человек, из них полсотни арабов (в 1997 г. Хаттабу было присвоено звание подполковника, и он был награжден двумя чеченскими орденами).

В ходе вторжения в 1999 г. в Дагестан «миротворческая армия амира Хаттаба» понесла серьезные потери. Однако убитые и взятые в плен в ходе антитеррористической операции иностранцы исчислялись единицами, что опять же свидетельствует о явном завышении их численности.

В 1996 г. на международном совещании исламских радикалов в столице Сомали Могадишо, в котором участвовали представители группировок из Сомали, Судана, Эфиопии, Йемена, было решено в течение осени перебросить в Чечню от 500 до 700 боевиков⁶³. Выходящая в Лондоне авторитетная арабоязычная газета «аш-Шарк аль-Аусат» сообщила, что в Дагестане с начала антитеррористической кампании погибло 37 арабов.

Но, повторяем, общее количество наемников (а так называют всех зарубежных граждан, которые воюют на стороне сепаратистов) офи-

циально никто и никогда не называл. Зато известно другое — сами чеченцы не испытывают к попавшим в Чечню зарубежным мусульманам особой симпатии. Популярностью среди них не пользовался даже убитый в 2002 г. Хаттаб, которого обвиняли в высокомерии и нежелании признавать местные традиции. «Для всех без исключения обитателей Ичкерии Хаттаб остается пришлым инородцем, которого лишь терпят. Сам его внешний вид вызывает раздражение: длинные, ниже плеч волосы у мужчины — что может быть нелепее для чеченцев»⁶⁴. Чеченских боевиков раздражает, когда успех их действий пытаются объяснить присутствием арабов, афганцев и т. д. Летом 1998 г. А. Масхадов и несколько влиятельных полевых командиров обратились к местной молодежи с призывом покинуть отряды, во главе которых стоят иностранные граждане. Тогда Масхадов сказал, что «всяким арабам, таджикам, другим проходимцам здесь нечего делать»⁶⁵. (Напрашивается сопоставление с присутствием иностранцев — наемников и фанатиков — среди афганских талибов. В Афганистане их было значительно больше, а их участие в военных и карательных акциях куда весомее. В ходе антитеррористической операции именно иностранцы оказывали наиболее решительное сопротивление войскам Северного альянса. Зато обнаружилось и другое обстоятельство — как и в Чечне, они не пользовались симпатиями местного населения, в том числе тех, кто поддерживал талибов.)

Со слов боевиков количество иностранцев среди них не превышает 1—2%, и они, естественно, не могут коренным образом повлиять на ход военных действий. Примерно такого же мнения придерживаются в неофициальных беседах и местные политики.

Любопытно, что национал-патриотическая газета «Завтра», которая имеет доступ к реальной информации и склонна муссировать идею мирового заговора против России, как-то заметила, что количество иностранных наемников в Чечне не превышает 200 человек⁶⁶. В то же время министр иностранных дел Игорь Иванов, выступая в январе 2000 г. на сессии Парламентской ассамблеи Европейского совета, сказал, что число «наемников» в Чечне составляет примерно 2 тыс. человек. Правда, министр не уточнил, из каких стран они прибыли, и возможно, что он имел в виду дагестанцев и уроженцев других республик Северного Кавказа⁶⁷. Конечно, министр имеет полное право называть зарубежных «помощников» чеченцев наемниками. Однако следует помнить, что многие из них сражаются не только за деньги, но и за идею, что делает их особенно опасными.

В конце 1999 г. в связи с обострением российско-грузинских отношений в российских СМИ появились сообщения, что границу между

Грузией и Чечней пересекла 1 тыс. талибов. Правда, потом сами российские военные сократили их число до 300. «300 талибов на 300 ослах в сопровождении 24 “стингеров” на арабских скакунах — такого в Грузии еще не видели», — иронизировала по этому поводу тбилисская «Свободная Грузия»⁶⁸. Кстати, сама ичкерийская верхушка не прочь в целях поддержания своего авторитета завышать число собственных бойцов. Так, по чеченским сведениям, в июле 1998 г. в маневрах так называемой «Миротворческой бригады Чечни и Дагестана» Басаева и Хаттаба приняло участие свыше тысячи человек. Эта цифра подвергается сомнению не только российскими спецслужбами, но даже сторонниками Басаева.

Участие иностранцев в чеченском конфликте способствует его интернационализации, свидетельствует о вовлеченности в него исламистов из других частей мусульманского мира. Однако ни реальный масштаб этого участия, ни размеры финансовой помощи не дают оснований рассматривать Чечню как главный объект воздействия международных исламистских сил. В равной степени это относится и к разговорам об устойчивом и спланированном взаимодействии исламистов Северного Кавказа и Центральной Азии.

Действительно, чеченские сепаратисты и радикальные исламисты Центральной Азии, прежде всего Исламское движение Узбекистана (ИДУ), «Хизб ат-тахрир аль-ислами» («Партия исламского освобождения»), неоднократно выступали с публичными заявлениями о солидарности. Идея общего джихада против неверных включая Россию, Запад и центрально-азиатские режимы нередко высказывалась и Хаттабом, и лидером ИДУ Джумой Намангани. Известно также, что исламисты Центральной Азии питают к временами успешно сражающимся против российских войск чеченцам пиетет. О демонстрационном эффекте Чечни для исламистов Ферганской долины свидетельствует тот факт, что в 1999 г. ИДУ, намеревавшееся захватить узбекские анклав в Киргизии Сох и Шахимардан, планировало провозгласить там «исламское государство по чеченской модели»⁶⁹.

В начале 90-х годов молодые чеченцы приезжали в Центральную Азию учиться исламу. Так, полевой командир Салман Радуев обучался в медресе в узбекском Намангане, о чем до сих пор вспоминают местные исламисты, которые считают, что лидеров именно такого типа им не хватает сегодня для победы над противниками. С этим мнением вполне можно согласиться. Исламисты Центральной Азии действительно нуждаются в имеющих боевой опыт профессионалах, однако Чечня и раньше не была готова делегировать туда своих «специалистов», а после разрома талибов этот вопрос вообще отпал.

Порой исламские боевики из Чечни и Центральной Азии обучались в одних и тех же афганских лагерях. Также имеется информация, что несколько узбеков проходили подготовку в соответствующих центрах Чечни, контролировавшихся Хаттабом. Там набирались опыта и бойцы из «Ислом диний харакати» («Движения ислама Восточного Туркестана»), выступающего за отделение Синцзян-Уйгурского автономного района от Китая.

Более того, вероятно, что обучавшиеся в Чечне выходцы из Центральной Азии даже успели поучаствовать в боях на Северном Кавказе. «Не исключено, что некоторые из бойцов Намангани сейчас воюют в составе «исламских интербригад» в Дагестане», — осторожно отметил информированный журнал «Коммерсантъ-Власть»⁷⁰.

Было бы, однако, явной натяжкой полагать, как это делает например, газета «Дагестанская правда», что «наступление боевиков идейно близкого талибам и ваххабитам радикального Исламского движения Узбекистана» и «активизацию сопротивления остатков бандформирований в Чечне» «едва ли можно считать случайным совпадением»⁷¹. В принципе существование единого центра, осуществляющего руководство всеми или во всяком случае наиболее масштабными действиями исламских радикалов, вызывает большое сомнение. Для этой роли не подходил и созданный в 2000 г. в афганском городе Кандагаре так называемый Высший руководящий совет, куда входили Усама бен Ладен, глава талибов мулла Омар, а также представители едва ли ни всех радикальных движений из Центральной Азии, Чечни, а также Египта, Йемена, Ирана, Китая, Ливана, Судана и т. д. (неясно, что представлял собой существовавший при этом совете финансовый фонд «Байт уль-маль», который по одним сведениям являлся центром финансирования международных исламских боевиков, зато по другим был чистой фикцией). Деятельность совета носила в основном вербальный характер.

ИСЛАМСКИЕ РАДИКАЛЫ И ЗАКАВКАЗЬЕ

В 1999—2001 гг. все чаще стала возникать тема проникновения радикального ислама в Закавказье. Речь идет о двух государствах: Грузии, часть территории которой — Панкисское ущелье — используется чеченскими сепаратистами как «зона отдыха» и место накопления сил (об этом сказано особо в главе VI, написанной Анатодем Ливеном), а также Азербайджане, единственном мусульманском государстве Южного Кавказа.

Для Азербайджана, где импульс исламского возрождения был особенно силен в конце 80-х годов и где пытались действовать (как вскоре

выяснилось, безуспешно) последователи иранской революции, проблема исламского радикализма, казалось, не выглядит достаточно серьезной. Даже в карабахском конфликте элемент межконфессионального противостояния всегда звучал приглушенно. Поначалу никак не отразился на ситуации в Азербайджане и чеченский конфликт. Тем не менее по мере ухудшения экономического положения, вызванного в том числе нерешенностью конфликта в Карабахе, ставшего причиной появления почти миллиона беженцев из Армении и Нагорного Карабаха, в обществе стали усиливаться настроения в пользу поиска выхода их тупика на исламской основе. Активизировалась деятельность запрещенной ранее шиитской Исламской партии Азербайджана. По завещанию бакинских спецслужб, она готовила исламскую революцию, но ее планы были сорваны.

Одновременно заявили о себе исламские радикалы — сунниты. Они непосредственно связаны с северокавказскими единомышленниками — чеченцами и уроженцами Дагестана, прежде всего лезгинами. Напомним, что полумиллионный лезгинский этнос примерно поровну «поделен» между Россией и Азербайджаном, и мечтающие о создании суверенного Лезгинистана лезгинские радикалы все более склонны использовать для этой цели крайние исламские лозунги.

Заместитель министра национальной безопасности Азербайджана Тофик Бабаев заявил, что в республике 7 тыс. ваххабитов. Они концентрируются вокруг бакинской мечети Абубекра, а также мечетей Гей и Шахидляр. Триста граждан Азербайджана прошли обучение в ваххабитских центрах Дагестана⁷². Летом 2001 г. в азербайджанской печати появились материалы о том, что эмиссары бен Ладена неоднократно посещали Азербайджан, чтобы изучить возможность закупки здесь компонентов для создания химического оружия. Еще раньше, в 1998 г., прошел слух о предотвращенной американскими спецслужбами попытке взрыва исламскими террористами посольства США в Баку. Бакинская газета «Эхо» в этой связи писала, что «действовать бен Ладену и его агентам в Азербайджане несравненно легче, чем, к примеру, в Израиле и даже в сегодняшнем Йемене»⁷³.

Для Азербайджана чеченский конфликт несет больше проблем, чем выгод. С одной стороны, создаваемая им нестабильность делает более перспективным экспорт местной нефти минуя Россию, что ослабляет зависимость Баку от Москвы и, напротив, способствует укреплению связей с Грузией, а также с Турцией. С другой стороны, нынешний слабо светский, при каждом удобном случае демонстрирующий прозападную ориентированность режим действительно опасается влияния исламского радикализма, который может вмешаться в расстановку

политических сил. Наконец, в Азербайджане опасаются проникновения сюда с Северного Кавказа чеченского и иного криминалитета, также склонного манипулировать исламской фразеологией. Поэтому нынешние азербайджанские власти заинтересованы в успехе подавления чеченского сепаратизма, хотя и нечасто говорят об этом публично.

Рост активности исламистов в мусульманских государствах бывшего СССР ставит вопрос о совместной борьбе против них. Россия может сыграть в этом важную роль. Есть, однако, обстоятельства, которые препятствуют формированию облика России как главной опоры борьбы против радикального ислама и ее реальному участию в этой борьбе. Они связаны с конфликтом в Чечне. Во-первых, России на протяжении долгих лет не удастся добиться решающего перелома в борьбе против исламского радикализма на собственной территории. В самой России существует мнение, что «если руководство РФ не сделает должных выводов из происходящего на южных рубежах и из конфликта между Чечней и Дагестаном, то недалек тот день, когда мы будем говорить о победе ваххабизма на Северном Кавказе как о свершившемся факте»⁷⁴. Во-вторых, упорство России в борьбе против чеченского сепаратизма иногда воспринимается как свидетельство остаточных имперских амбиций, которые могут распространиться и на страны СНГ. В-третьих, местные элиты, прежде всего в Узбекистане, не хотят массированного участия России в отражении наступления «ваххабизма» в Центральной Азии, поскольку это, по их мнению, может привести к чрезмерному усилению военно-политического влияния России в регионе.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Операция США в Афганистане и последовавшее в ее ходе проникновение американцев в Центральную Азию вынуждают к некоторой ревизии роли России в противостоянии исламскому радикализму. Во-первых, Россия в ходе этой акции не состоялась как «передовой авангард» на пути исламской экспансии. Попросту говоря, она не была востребована, а если бы и была, то вряд ли оказалась бы способной полноценно в ней участвовать.

Во-вторых, «затишьем» — наверняка временным — исламистов в Центральной Азии мир обязан не российской риторике и организации антитеррористических центров, а созданием там опорных пунктов США и их союзников. В этом контексте России, очевидно, придется переосмыслить свои позиции в районе «южного подбрюшья» и более внимательно оценить свою политику в Чечне.

Тем более что, в-третьих, надежды российского руководства, что Запад даст ему карт-бланш на действия в Чечне, не оправдались. Крем-

лю дали понять, что борьба против исламского терроризма и конфликт в Чечне не тождественны друг другу.

Таким образом, фактор исламизма парадоксальным образом свидетельствует как о силе России, так и о ее слабости.

Неверно думать, что успех антитеррористической операции в Афганистане означает полное поражение исламского радикализма. Напротив — у исламского радикализма остается широкая социальная и идеологическая основа, а его политики и идеологи способны умело апеллировать к исламской традиции, к религиозной общественной мысли, выделяя из нее те компоненты, которые служат оправданием их борьбы. Свидетельством этого стала солидарность и даже восхищение значительной части мусульман действиями их террористов-единоверцев.

Усиление позиций исламских радикалов хотя и становится одной из причин дестабилизации в мусульманском мире, способствует распространению религиозного экстремизма. Нельзя забывать:

- активность исламских радикалов происходит на фоне сложного экономического положения целого ряда мусульманских стран, в том числе в Центральной Азии и на Кавказе;
- она накладывается на процесс исламского возрождения на территории бывшего СССР, частью которого является политизация религии;
- мусульманство закрепляется в Европе, где в 90-е годы впервые после распада Османской империи появились мусульманские государства и где возросло число мигрантов — приверженцев фундаментализма; причем последние все менее склонны адаптироваться к европейской традиции, напротив — стремятся к сохранению своей конфессионально-культурной самобытности.

Все это может оказать непредсказуемое влияние на ситуацию на Северном Кавказе.

В свою очередь, и события в этом регионе, являющиеся частью политического процесса в мусульманском мире, также способны в будущем реактивно воздействовать на положение единоверцев в разных регионах. Северный Кавказ, несмотря на драматические события, по-прежнему остается мусульманской периферией, однако в контексте геополитических изменений в Юго-Восточной Европе, в Каспийском регионе, в Центральной Азии, в целом в западной части Евразии его роль начнет возрастать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard. — New York: BasicBooks, A division of Harper Collins Publ., 1997. — P. 91.

² *Бугай Н. Ф.* Современные межэтнические проблемы в Северокавказском регионе Российской Федерации // Проблемы населения и рынков труда России и Кавказского региона: Материалы Международной научной конференции 14—17 сентября 1998. — Москва; Ставрополь, 1998. — С. 97.

³ На эту тему много говорилось учредителями пропрезидентского движения «Евразия», в состав руководства которого вошел, в частности, известный своей близостью к руководству Русской православной церкви глава Центрального духовного управления мусульман России Талгат Таджуддин.

⁴ *Джемаль Г.* Большие кавказские игры // Тюркский мир. — 1998. — № 3—4. — С. 18.

⁵ Terms of War and Peace // Time. — 1996. — March.

⁶ *Крутиков Е., Акопов П.* Не дай Аллах тому случиться // Голос. — 1992. — № 42. Цит. по: Тернистый путь к свободе. — Грозный: Книга, 1992. — С. 83.

⁷ См. подробнее: *Малашенко А.* Исламские ориентиры Северного Кавказа / Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2001. — Гл. 5: Что хотят и что могут именуемые ваххабитами. — С. 137—164.

⁸ *Roy O.* L'Echec de l'Islam politique. — Paris: Ed. du Seuil, 1992. — P. 245.

⁹ Ibid. — P. 247.

¹⁰ Голос Чеченской Республики. — 1999. — 25 февр.

¹¹ *Аристова А.* Религия и политика несовместимы // День республики [Черкесск]. — 2000. — 18 мая.

¹² *Белоцерковский В.* Какая «дуга» угрожает миру? // Новая газ. — 2000. — 20—23 июля.

¹³ Самые дешевые, продававшиеся в воинских частях алжирские сигареты назывались «Моджахед», т. е. воин джихада.

¹⁴ *Брилл Олкотт М., Удалова Н.* Наркотрафик на великом шелковом пути: безопасность в Центральной Азии. — М., 2000. — С. 5. — (Рабочие материалы / Моск. Центр Карнеги; № 2).

¹⁵ Независимая газ. — 1998. — 12 сент.

¹⁶ *Берес Л.* Героиновая война // Коммерсантъ-Власть. — 1998. — 24 июля.

¹⁷ *Егоров Ю.* Требуется зеленый цвет // Независимая газ. — 2000. — 26 июля.

¹⁸ *Клочков А.* Ваххабитский полумесец // Коммерсантъ-Власть. — 1999. — 24 авг. — С. 19.

¹⁹ *Суриков А., Баранов А.* Ваххабиты как концептуальная угроза // Правда. — 1998. — 5 февр.

²⁰ *Мурклинская Г.* Исламская «вольтова дуга» России // Дагестан. правда. — 2000. — 15 авг.

²¹ См., например: *Кургинян С., Мамиконян М., Подкопаева М.* Четвертый Рим — или вторая Орда? // *Завтра.* — 1998. — № 3.

²² *Дугин А.* Ислам против ислама // *Завтра.* — 1998. — № 31.

²³ *Мельков С.* Воинствующие мусульмане недоступны пониманию // *Независимое воен. обозрение.* — 1998. — 16 янв.

²⁴ Классическим в этом отношении примером стала история так называемой Кадарской зоны Дагестана, в селах которой Кармахи, Чабанмахи и Кадар было сильно влияние исламских радикалов — «ваххабитов», разгромленных в 1999 г. федеральными войсками в ходе операции против вторгшегося в Дагестан Шамиля Басаева. Авторам доводилось беседовать с десятками участников и очевидцев кадарской эпопеи, у каждого из которых был свой взгляд на события, зачастую вступающий в противоречие, а то и полностью опровергавший подходы прочих очевидцев и аналитиков.

²⁵ НГ-Религии. — 1997. — 24 апр.

²⁶ Не терять веру в будущее: Выступление председателя Духовного управления мусульман Дагестана, сопредседателя Совета муфтиев России С.-М. Абубакарова // *Ислам в России: традиции и перспективы.* — С. 116.

²⁷ *Дзадзиев А.* Конгресс народов Чечни и Дагестана // *Сеть этнол. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюл.* — 1998. — Июнь. — С. 19.

²⁸ В исламе понятие хиджра имеет сакральный смысл. Хиджра означает вынужденное, под давлением язычников переселение в 622 г. пророка Мухаммада из Мекки в Медину. С этого события ведется отсчет времени по мусульманскому календарю.

²⁹ *Максаков И.* Еще один генерал стал политиком // *Независимая газ.* — 1998. — 29 дек. В июне 1997 г. одному из авторов (А. М.) довелось присутствовать на «круглом столе», на котором была предпринята попытка создать единую мусульманскую партию России — Мусульманский союз (Иттифак аль-муслимин). Приглашенный на это мероприятие среди прочих именитых мусульман России генерал Семенов выразил тогда откровенно негативное отношение к использованию религии в политике.

³⁰ *Дабаев И.* Исламский радикализм в контексте проблемы военно-политической безопасности на Северном Кавказе // *Науч. мысль Кавказа.* — 1999. — № 1. — С. 54—58.

³¹ *Снегирев Ю.* Джихад подошел к границам Дагестана // *Известия.* — 1998. — 10 февр.

³² Подсчитано по: *Максаков И.* Соотношение исламских движений Дагестана // *НГ-религии.* — 1998. — 18 марта.

³³ Хачим Шогенов: «Приверженцы ваххабизма находятся под контролем» // *Газета Юга.* — 2000. — 22 июня.

³⁴ *Дзуцев Х. В., Першиц А. И.* Ваххабиты на Северном Кавказе — религия, политика, социальная практика // *Вестн. РАН.* — 1998. — Т. 68. — № 12. — С. 116.

³⁵ *Мальбахова З.* Новые мусульмане // *Газета Юга.* — 2000. — 13 апр.

³⁶ *Макаров Д. В.* Официальный и неофициальный ислама в Дагестане. — М., 2000. — С. 30.

³⁷ Впрочем, за последние месяцы даже там обнаружались свои «ваххабиты». Однако в этой республике главной их целью является борьба против получившего в начале 90-х годов мощный импульс языческого ренессанса.

³⁸ Хачим Шогенов: «Приверженцы ваххабизма находятся под контролем».

³⁹ Кавказская конфедерация [Грозный]. — 1998. — № 6. — Июнь (сафар). — С. 1.

⁴⁰ *Хоперская Л.* Съезд народов Ингушетии // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюл. — 2001. — Март—апр. — С. 22.

⁴¹ *Скакунов Э.* Пригородный район: урегулирование — в рамках федерального центра // Независимая газ. — 1997. — 31 июля.

⁴² Об основных направлениях государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе: Доклад Р. Г. Абдулатипова, министра национальной политики Российской Федерации // Основные направления государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе: Материалы северокавказского межнационального совещания, Ессентуки 29 янв. 1999. — М.: Славян. диалог, 1999. — С. 19.

⁴³ *Малашенко А.* Мусульмане и государства от Каспия до Иссук-Куля // Содружество НГ. — 1998. — № 6.

⁴⁴ *Бондаренко М.* «Откуда и чьей вы крови?» // НГ-регионы. — 1998. — № 16.

⁴⁵ Итоговый документ Международной исламской конференции «Роль мусульман в возрождении России», 6 июня 1999. Москва // Религия и право. — 1999. — № 3.

⁴⁶ *Поляков К.* Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е годы XX века (на примере арабских стран). — М., 2001. — С. 10. — Рукопись.

⁴⁷ См., например, пропагандистский листок «Исламской помощи» («Islamic Relief»). — Газета Юга. — 2000. — 13 июля.

⁴⁸ О распространении идей религиозного экстремизма на территории Российской Федерации (справка Росинформцентра) (http://www.erasia.org.ru/1999/extrem/12_17_gosinform.html).

⁴⁹ Радиостанция «Голос Америки», программа «У нас на связи», 7 сентября 2000 г.

⁵⁰ *Джурабаев Е.* Беглый император террора // Эксперт. — 1999. — 30 авг. — С. 47.

⁵¹ *Мустафа Мухаммад Тахан.* Будущее ислама на Кавказе и Средней Азии [Мустакбаль аль-ислам фи аль Кауказ ва билад ма вара ан-нахр]. — Кувейт, 1995. — С. 167. — На араб. яз.

⁵² *Челноков А.* Ваххабиты в Тобольске // Совершенно секретно. — 1999. — № 10.

⁵³ *Джемаль Г.* Упущенная возможность на закате советской истории // НГ-религии. — 2000. — 28 июня.

⁵⁴ Арабские страны продолжают оказывать помощь боевикам в Чечне // Север. Кавказ. — 2000. — № 2. — Янв.

⁵⁵ *Поляков К. И.* Указ. соч. — С. 17—19.

⁵⁶ *Островной В.* Список Шамиля // Моск. комсомолец. — 2001. — 24 мая.

⁵⁷ Король Фахд помог чеченским беженцам // Коммерсантъ. — 2000. — 21 апр.

⁵⁸ Пауков В., Лефко Э. «Воины Аллаха» выбирают Кавказ // Независимая газ. — 1999. — 30 авг.

⁵⁹ Цит. по: Блоцкий О. Чечня: охота боевиков-ваххабитов за депутатами // Россия и мусульман. мир. — 1999. — № 7 (85).

⁶⁰ Обучался в чеченском лагере // Газета Юга. — 2000. — 24 сент.

⁶¹ Полякова А. Ваххабизм в импортной упаковке // НГ-сценарии. — 1998. — № 5.

⁶² Гусейнов О. В Чечне воевали два-три десятка граждан КБР // Газета Юга. — 2000. — 29 июля.

⁶³ Мельков С. Воинствующие мусульмане недоступны пониманию // Независимое воен. обозрение. — 1998. — 16 янв.

⁶⁴ Воронов В. Джинн на джипе // Новое время. — 2000. — № 43 (99) — С. 13.

⁶⁵ Крутиков Е. Аслан Масхадов начал борьбу с космополитизмом // Сегодня. — 1998. — 21 июля.

⁶⁶ Бородай А. Ичкерия до моря? // Завтра. — 1999. — № 33 (298).

⁶⁷ Мельков С. А. Трансформация военной политики России под влиянием исламского фактора. — М., 2001. — С. 21. — Рукопись,

⁶⁸ Свободная Грузия [Тбилиси]. — 1999. — 5 нояб.

⁶⁹ Койчиев А. Фактор религии в Ферганской долине // Центр. Азия: политика и экономика [Алматы]. — 2001. — № 1. — Янв. — С. 29.

⁷⁰ Ключков А. Ваххабитский полумесяц // Коммерсантъ-Власть. — 1999. — 24 авг. — С. 19.

⁷¹ Мурклинская Г. Указ. соч.

⁷² Гаджиаде А. Отношения с Тегераном обостряются // Независимая газ. — 2001. — 4 мая.

⁷³ Ансари Т. Бен Ладен разворачивает рекламную кампанию // Эхо [Баку]. — 2001. — 30 июня.

⁷⁴ Габбаева А. Ваххабизм на Кавказе // День республики [Черкесск]. — 2000. — 19 авг.

ГЛАВА IV

ВОЙНА И ВОЕННЫЕ

Чеченские кампании стали рубежом в военной истории России¹. До «Чечни» армия в течение полувека жила подготовкой к широкомащтабной войне с США и их союзниками. Первая и особенно вторая кампании, а также конфликты в Центральной Азии и контртеррористическая операция США в Афганистане принципиально изменили положение дел. Именно южный фланг стал для России наиболее уязвимым, в то время как «западный фронт» начал утрачивать прежнее значение, а восточный оказался — во всяком случае, в обозримой перспективе — неактуальным. Иначе говоря, первая «Чечня» обозначила начало смены стратегических эпох в военной истории России, а вторая эту смену закрепила.

Военное вмешательство СССР в Афганистане, которое в период «холодной войны» считалось временным отвлечением сил от главного стратегического направления (отсюда «ограниченность» 100-тысячного советского воинского контингента), указало тем не менее на долгосрочную тенденцию. Начиная с 1979 г. единственным вооруженным противником советской, а затем российской армии на поле боя неизменно являлся мусульманский боевик — сначала в Афганистане, а затем уже на бывшей советской территории. Проблема армии состояла в том, что она была предназначена, организована, оснащена и обучена для ведения совсем других войн.

После окончания «холодной войны» все государства — участники этого глобального противостояния столкнулись с необходимостью трансформации своих военных систем с учетом изменившейся военно-политической обстановки. В СССР военная реформа была провозглашена в 1988 г., в Российской Федерации — в 1992 г. Трудности и сложности реформирования страны в целом, естественно, сказались на темпах и глубине преобразований в военной сфере. Вооруженные силы непрерывно сокращались, по-прежнему оставаясь копией — все более уменьшенной и ухудшенной — Советской армии.

Неудача реформирования обычно объясняется недостатком средств, выделяемых на военные нужды. На наш взгляд, главная причина не в нехватке денег, а в отсутствии четкого представления о том, какая армия и для чего требуется России на рубеже XX—XXI вв. В первые годы

после распада СССР продолжала действовать советская доктрина, публичный вариант которой был обнародован в 1988 г. в качестве военной доктрины Организации Варшавского договора. По существу это был документ, нацеленный на стабилизацию противостояния между Востоком и Западом на пониженном уровне. Официальную военную доктрину собственно СССР принять не успели, но наработки, дискуссии 1990—1991 гг. были использованы при подготовке «Основ военной доктрины Российской Федерации», принятых в ноябре 1993 г. Несмотря на размытый характер этого документа и отсутствие в нем указания на вероятного противника, Вооруженные силы страны — по умолчанию — по-прежнему предназначались главным образом для ведения крупномасштабной войны с США и НАТО.

Во второй половине 90-х годов первая волна расширения НАТО и особенно косовский кризис 1999 г. привели к почти полному восстановлению в сознании российского военного руководства традиционной западной угрозы. Реставрация стратегического мышления была бы полной, если бы не Чечня. Именно война на Северном Кавказе и ситуация в Центральной Азии «вбивали клин» между виртуальной и реальной опасностью. Парадоксом последнего десятилетия XX в. стало то, что на фоне усиления антиамериканской, антинатовской направленности российской военной доктрины и сопутствующей ей практики военных учений и закупок вооружений *на деле* российская военная организация была все больше *вынуждена* разворачиваться в южном направлении.

Этой стратегической сменой вех значение Чеченской войны ² для российской военной организации не исчерпывается. Как и любая военная кампания, «первая чеченская» дала объективное заключение о состоянии российской военной организации и ее компонентов (Вооруженных сил, Внутренних войск, сил безопасности), их боеспособности и боеготовности, качества офицерского и рядового состава, компетентности военного командования и политического руководства. Эта «внеплановая проверка» продемонстрировала неготовность военной организации к парированию *реальных* вызовов безопасности страны. В результате именно Чечня и типологически связанная с ней перспектива вовлечения в конфликты в Центральной Азии стали *объективным стимулом к глубокой военной реформе в России* — которая, пережив ряд фальстартов, до сих пор (лето 2002 г.) фактически не началась.

Военная реформа, разумеется, не сводима к реформе одних лишь Вооруженных сил и тем более к их простой структурной оптимизации в соответствии с уменьшившимися экономическими возможностями государства. Чечня наглядно продемонстрировала, что в России — в

отличие от СССР — практически не существует единой слаженной военной организации. Минобороны, МВД, пограничники и спецслужбы, когда-то связанные железной дисциплиной КПСС и беспрекословно признававшие «руководящую роль» и арбитраж ее ЦК, превратились в группы лоббистов, соперничающих за влияние на президента, правительство и парламент. Координация отношений *внутри военной организации* стала насущной задачей российского государства.

Россия в прошлом вела войны на собственной территории, но то была Россия авторитарная или тоталитарная. Чеченская война поставила фундаментальные политические, правовые, этические проблемы *гражданско-военных отношений*³, к решению которых силовые структуры, государство и общество в целом оказались совершенно не готовы. Война не только выявила, но и отчасти усугубила плохую *управляемость* военной организации. Откровенно не желая заниматься ее реформированием, первый президент России фактически предоставил военных самим себе, очертив для них одновременно пределы политической активности, которые они не должны были преступать. Не все подчинились этому ограничению. Чеченская война привела к появлению популярных генералов, некоторые из которых — Лев Рохлин, Владимир Шаманов и др. — ушли в публичную политику. В то же время резко ослабла — по сравнению с советским периодом — способность и готовность государственных лидеров осуществлять повседневный контроль над военной организацией. Вторая чеченская кампания привела к появлению другого феномена — призыва во власть нового отряда силовиков — офицеров спецслужб, а также привлечения армейских генералов к выполнению роли представителей центральной власти в регионах. В целом Чечня, как уже отмечалось в главе II, стала пробой сил между тенденциями к демократизации российской политической системы и к утверждению нового авторитаризма. Война создала угрозу нарождающемуся гражданскому обществу и вместе с тем, бросив ему вызов, тем самым стимулировала его развитие.

Российская армия и чеченские повстанцы воевали в основном оружием, созданным в СССР для не состоявшейся третьей мировой войны. В ходе войны на Кавказе выяснились не столько сильные и слабые стороны этого оружия, сколько неэффективность тяжелых вооружений периода «холодной войны» в условиях низкотехнологичных конфликтов нового поколения, в которых преобладала «культура Калашникова». В то же время из-за недостатка средств российская оборонная промышленность не могла обеспечить войска высокотехнологичными средствами разведки, связи и управления, что приводило к тяжелым неудачам и потерям. Это создало серьезную и трудноразрешимую

мую проблему в рамках военно-технической политики. Война, однако, стимулировала лишь поверхностные изменения внутри российского военно-промышленного комплекса, не остановив его глубокую деградацию.

Война, ставшая колоссальным стрессом для общества и государства, была и остается прежде всего серьезным и жестоким испытанием для самих военнослужащих. Предназначение вооруженных сил фактически изменилось, причем коренным образом. Воспитанная в советский период на примерах войн в защиту отечества от внешнего захватчика, российская армия на деле превращается в инструмент защиты интересов государства по периметру границ, в том числе воюя на собственной территории. Это требует совсем иной *военной идеологии*, иной *системы воспитания* солдат и офицеров.

Война в Чечне впервые ввела российских военных в среду острого *информационного противоборства*, к которому они вначале оказались совершенно не готовы, несмотря на существовавший десятилетия аппарат пропаганды на войска противника. Проиграв первый раунд, военные оправились и уже с началом второй кампании жестко и решительно повели информационную войну против противника на поле боя и одновременно против тех, кого они причислили к пособникам врага внутри страны. В результате этого «контрнаступления» не только свободный доступ к информации, но и свобода слова в стране оказались под вопросом.

В этой главе мы попытаемся ответить на вопрос, какие процессы в рамках российской военной организации спровоцировала, затормозила или деформировала Чеченская война. Проще говоря, что означала эта война для тех, кому было приказано ее вести? Чему она их научила или должна была научить? Какими они стали на этой еще не оконченной войне? Начнем с рассмотрения войны как единственно объективного «генерального инспектора» состояния силовых структур.

ДИАГНОЗ: СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Практически никто не оспаривает, что кампания 1994—1996 гг. началась без серьезной подготовки, велась с российской стороны часто неумело и кончилась позорным для федеральной власти исходом. Военные обычно считают виновниками политиков, которые вели своекорыстную игру, предавая при этом собственную армию, что и привело к Хасавюрту. Общество обвиняло генералов, разучившихся (вернее, никогда не умевших) воевать, приводило пример катастрофического новогоднего штурма Грозного 31 декабря 1994 г. — 1 января 1995 г. и

реагировало массовым уклонением призывников от воинской службы. На наш взгляд, правы обе группы обвинителей — в погонах и без. Первая чеченская кампания фактически поставила диагноз недееспособности российской военной организации в целом, ее политической и собственно военной составляющей на всех уровнях — от верховного главнокомандующего до рядового бойца.

В начале первой кампании — три года спустя после распада СССР — российская армия представляла собой довольно разрозненные и быстро деградировавшие остатки той части советских вооруженных сил, которая перешла под юрисдикцию Российской Федерации. Численность войск, которыми располагала Москва, сократилась с 4,3 млн человек в 1988 г. до 3,4 млн в 1991 г. и до 1,7 млн в 1994 г. Реальное сокращение было существенно меньшим, поскольку по закону «Об обороне» 1992 г. Внутренние войска МВД, Пограничные и Железнодорожные войска и другие воинские формирования, не подчинявшиеся Министерству обороны, были выведены из состава Вооруженных сил. Таким образом, армия оставалась все еще довольно многочисленной, но ее боеспособность снижалась еще быстрее, чем «количество штыков».

Объявленная президентом Б. Ельциным и министром обороны П. Грачевым в 1992 г. военная реформа в России на деле представляла собой набор колоссальных по масштабам, но механистичных по сути организационно-штатных мероприятий. Шла беспрецедентная передислокация войск и сил в масштабе Северной и Центральной Евразии. Воссоединение Германии и решение о выводе советских войск из восточной ее части (1990 г.), заключение Договора по обычным вооруженным силам в Европе (1990 г.), самороспуск Организации Варшавского договора и решение о выводе советских войск из государств Восточной Европы (1991 г.), распад СССР и советских вооруженных сил (1991 г.) привели к тому, что в 1990—1994 гг. из Центральной и Восточной Европы, стран Балтии, Азербайджана, Монголии было выведено 37 советских (российских) дивизий. Еще 57 дивизий остались в Белоруссии и на Украине под флагами этих новых государств. Под юрисдикцию Российской Федерации были приняты войска, находившиеся на территории государств Закавказья, Центральной Азии, а также Молдавии. Произошло изменение системы призыва на военную службу: студенты вузов и целый ряд других категорий призывников получили право на отсрочку. Одновременно офицерам было предоставлено право уходить в запас по собственному желанию, а не служить, как прежде, минимум 25—30 лет. Многие поспешили воспользоваться этим правом. Качество рядового и офицерского состава стало резко ухудшаться.

Вместе с тем эта поистине титаническая работа была лишена какого-либо стратегического смысла. Военное руководство стремилось максимально сохранить прежнюю структуру армии — в наивной надежде, что все вновь вернется на прежние места. В результате армия почти стихийно превращалась в кадрированное войско. Число дивизий, бригад, полков, укомплектованных личным составом на 20—30—50%, резко возросло. В обстановке всеобщей неразберихи, порожденной лихорадочными реорганизациями и передислокациями, одни части просто «потерялись» — Генштаб не знал об их существовании, другие, наоборот, продолжали числиться в списках, хотя давно превратились в своего рода коллективные «мертвые души». К середине 90-х годов в Вооруженных силах России практически не осталось боеготовых соединений.

В период, когда российские военные были целиком поглощены перегруппировкой — при отсутствии у командования, надо особо подчеркнуть, цельной и адекватной стратегической картины мира — они, естественно, менее всего были готовы к войне. Считалось, что «в условиях ослабления международной напряженности» имеется достаточно времени на проведение упомянутых грандиозных мероприятий. Возобновление в конце 80-х годов практики применения военной силы внутри страны (на Кавказе, в Средней Азии и Прибалтике, а в августе 1991 г. и в Москве) рассматривалось как разовые и чисто полицейские операции. Армия участвовала в них с явной неохотой. Свое предназначение она видела в защите страны от внешнего агрессора, а наведение порядка внутри страны, карательные действия считала делом МВД и органов госбезопасности. Кроме того, военные — от генерала до солдата — были уверены, что политики, спешно посылавшие их на выполнение очередной «грязной работы», быстро откажутся от них после того, как такая работа будет выполнена.

Решение о походе в Чечню в 1994 г. было принято Кремлем спонтанно и во многом эмоционально, под влиянием позорного провала тайной операции Федеральной службы контрразведки⁴. Когда на заседании Совета безопасности речь зашла о реальном применении военной силы, министр обороны Грачев, незадолго до того похвалявшийся, что его «чудо-десантники» разгромят мятежников «одним полком за два часа», дал задний ход и робко попытался оттянуть сроки начала войсковой операции до весны 1995 г. Гражданские «ястребы», однако, Грачева не послушали. Цели военной операции, критерий успеха и средства его достижения были определены ими четко: восстановление конституционного порядка на территории Чечни, сдача оружия незаконными вооруженными формированиями, ввод регулярных войск на тер-

риторию республики. Проблема состояла в нереальности в тогдашних условиях достижения первого и второго посредством третьего.

Очень скоро выяснилось, что не только политическое, но и военное руководство не представляло себе реального состояния вооруженных сил страны. Всеобщая вера в мифы советских времен была еще слишком сильна. Генералу Грачеву потом долго припоминали его безответственное хвастливое заявление. Но ведь не один Грачев, а *вся* Арбатская площадь, где располагаются центральный аппарат Министерства обороны и Генеральный штаб, продолжала жить воспоминаниями о былых славе и мощи.

Демонстрация реальных способностей полуразваленной российской военной машины открыла президенту Ельцину глаза на «чудовищную неподготовленность» армии, верховным главнокомандующим которой он являлся по должности с конца 1991 г. и за состояние которой нес прямую ответственность⁵. Впрочем, президент, возможно, временами сознавал это. По свидетельству Евгения Примакова, в 1995 г. Ельцин даже говорил о возможности собственной отставки «в связи с Чечней»⁶. Как бы то ни было, до конца своего президентства Ельцин сохранил свое отстраненно-холодное отношение к Вооруженным силам.

Между тем возможность подготовиться к «Чечне» у Москвы была. Как уже отмечалось, непосредственно после окончания десятилетней войны в Афганистане советско-российские армия и внутренние войска практически непрерывно участвовали в локальных конфликтах на южном направлении. В Тбилиси, Баку, Сумгаите, Оше, на территории Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной и Северной Осетии, Ингушетии, Таджикистана войска не раз разгоняли демонстрации, разводили конфликтующие стороны или вступали в боевые действия, поддерживая одну из сторон. Был накоплен существенный опыт применения силы для сохранения политического контроля над ситуацией в период финального кризиса и распада империи. Тем не менее этот опыт не был осмыслен, систематизирован и закреплен в практике военного строительства и руководства по ведению «специфических», но крайне важных видов войсковых операций. В среде российских военных распространилось горькое убеждение: постоянно совершаются одни и те же ошибки.

Другой проблемой была дробность наличных ресурсов. Не имея по существу боеготовых соединений и частей, российская армия в 1994—1995 гг. при общей фактической численности примерно 1,5 млн человек была вынуждена воевать сводными частями, подразделениями, даже экипажами, спешно набранными со всей страны, от Балтики до Тихого океана. Мотострелки и морские пехотинцы, десантники и бой-

цы внутренних войск, пограничники и омовцы вынуждены были впервые в своей истории взаимодействовать на поле боя, не имея для этого ни опыта, ни средств.

Важнейшим и закономерным результатом первой чеченской кампании стало крушение мифа о несокрушимой мощи российской армии. «Непобедимая и легендарная», как выяснилось, уже несколько лет была лишь легендой и принадлежала истории. Полтора миллиона человек в погонах не означали, а лишь *обозначали* военную организацию. Наставало время создавать новую армию, но здесь объективная потребность столкнулась с массой партикулярных интересов, неспособностью и нежеланием мыслить современными категориями и элементарным отсутствием политической воли у высшего руководства страны. Тем не менее под влиянием неудачной кампании 1994—1996 гг. элитные круги и общество обеспокоились промедлением с началом военной реформы. Характерным примером стало появившееся в 1997 г. заявление неправительственного Совета по внешней и оборонной политике под красноречивым названием: «Нынешнее состояние российской армии как надвигающаяся общенациональная катастрофа»⁷.

Давление в пользу военной реформы привело к некоторым практическим шагам. Конечно, подписанный Ельциным указ о переходе к добровольческой армии к 2000 г. являлся, как многие немедленно предположили, не более чем эпизодом избирательной кампании президента. Более существенным шагом стало увольнение в июне 1996 г. ставшего крайне непопулярным в результате войны Павла Грачева и ничем не проявившего себя секретаря Совета безопасности Олега Лобова. Военная реформа — в связке с Чечней — была поручена новому секретарю Совбеза генералу Александру Лебедю, который получил возможность назначить своих людей на посты министра обороны и начальника Генерального штаба.

Лебедь остановил войну, согласившись на вывод федеральных сил из Чечни, но ни урегулирования на Северном Кавказе, ни военной реформы у него не получилось. Острый конфликт между амбициозным Лебедем и министром внутренних дел Анатолием Куликовым был лишь отражением категорического неприятия самой фигуры Лебеда Кремлем. Болезнь Ельцина и его стойкая неприязнь к протее Лебеда — министру обороны Игорю Родионову, безуспешно пытавшемуся заинтересовать президента своими проектами реформирования, продлили паузу с объявлением о начале реформы до мая 1997 г.

К этому времени многим казалось, что война в Чечне уже в прошлом. Вновь назначенные министр обороны Игорь Сергеев и начальник Генштаба Анатолий Квашнин приступили — под флагом военной рефор-

мы — к оптимизации структуры Вооруженных сил. При этом первый, пришедший из Ракетных войск стратегического назначения (РВСН), делал упор на усиление ядерного сдерживания, а второй, бывший прежде начальником штаба Северо-Кавказского военного округа (СКВО), — на укрепление сил общего назначения, способных к ведению крупномасштабных региональных, а также локальных войн. Войска вновь сокращались, структуры объединялись и переподчинялись. Ближайшей целью реформаторов стало создание хотя бы нескольких боеспособных соединений.

Всего за 1990—1999 гг. число дивизий Вооруженных сил сократилось с 212 до 24. Большинство сохранившихся дивизий, однако, оставались всего лишь «военно-учетными единицами». К началу 1999 г. Генштабу удалось сформировать три дивизии и четыре бригады постоянной готовности (укомплектованность личным составом — 80%, техникой — 100%). В дальнейшем предполагалось иметь 8—11 полнокровных соединений. Кроме того, для целей мобилизационного развертывания планировалось сформировать еще 21 дивизию и 10 бригад (10—15% личного состава плюс 100% техники)⁸. Проблема, однако, состояла в том, что формирование полноценных соединений на практике проходило за счет простого изъятия ресурсов у других. Иными словами, повысившаяся боеспособность немногих была оплачена еще большей небоеспособностью всех остальных.

Принципиальные разногласия между министром обороны и начальником генштаба по вопросу о приоритетах военного строительства привели к взаимной блокировке инициатив внутри военного ведомства. В результате не был реализован выдвинутый Сергеевым план создания Стратегических сил сдерживания, но и Генштаб не получил полноты власти над военной организацией на всех уровнях, за что ратовал Квашнин. Решающим фактором, парализовавшим реформу Сергеева-Квашнина, однако, стал финансовый крах августа 1998 г. Средств у государства не стало хватать ни на что.

Тем временем на Северном Кавказе исподволь шла подготовка к новой войне, которую военное командование к 1998 г. стало рассматривать как неизбежную из-за усиливавшейся дестабилизации положения в Чечне и радикализации части боевиков, о чем говорилось в главе III. Естественно, военные стремились взять реванш за недавнее поражение. Армейское руководство во главе с «чеченцем» Квашниным постаралось учесть уроки первой кампании. В строительстве Вооруженных сил новое руководство Генштаба стало явно отдавать приоритет СКВО. Здесь также постоянно проводились учения по борьбе с отрядами боевиков и группами террористов.

В результате к весне 1999 г. российским военным удалось сформировать и обучить более боеспособную и мобильную группировку сил, позволявшую рассчитывать на успех в новой операции. Оставалось убедить политическое руководство в безальтернативности военного решения. Определенным препятствием была примиренческая позиция министра внутренних дел Сергея Степашина, делавшего упор на переговоры с Масхадовым и готового идти на серьезные уступки исламистам — в частности, в Дагестане. С точки зрения военного командования это лишь поощряло «ваххабитов»⁹.

Склеротическое состояние высшей власти в последние месяцы правления Ельцина, частая неадекватность самого президента и его колебания затрудняли решение этой задачи. Поворот в позиции политического руководства в пользу военного решения чеченской проблемы произошел, вероятно, под впечатлением воздушной войны НАТО против Югославии (март — июнь 1999 г.)¹⁰. Этот поворот, вероятно, был окончательно закреплен успехом молниеносного «броска на Приштину» — переброски небольшой группы российских миротворцев из Боснии в Косово в июне 1999 г. с целью занятия аэропорта Слатина до прихода туда войск НАТО. Этот дерзкий и провокационный рейд был спланирован и успешно осуществлен под руководством Квашнина — по-видимому, с санкции Ельцина, но в тайне от правительства и даже от министра обороны Сергеева.

Несколько месяцев спустя, когда отряды Басаева и Хаттаба вторглись в Дагестан, политическое руководство наконец согласилось с доводами военных. Более того, Степашин, ставший в мае 1999 г. премьером (и фактическим кандидатом на пост президента), был немедленно смещен со своего поста. Главой правительства был назначен директор Федеральной службы безопасности Владимир Путин, который с самого начала конфликта занял максимально жесткую позицию. С согласия Ельцина Путин в сентябре 1999 г. поставил перед российскими военными самую решительную задачу — ликвидировать чеченские вооруженные формирования, взять под контроль всю территорию Чечни. Квашнин получил желаемый карт-бланш.

В начале «второй Чечни» российская армия выглядела существенно иначе, чем в начале первой. Она действовала более целеустремленно и исключительно жестко. Синдром поражения был на удивление быстро преодолен. Вновь подтвердилась истинность известного выражения (теперь уже второй его половины): российская армия никогда не бывает столь сильной, как она о себе рассказывает, но также никогда не является столь слабой, как кажется со стороны.

Война в Чечне проверила и состояние других войск, входящих в состав российской военной организации. Это собирательное название включает Внутренние войска МВД, Пограничные и Железнодорожные войска, а также воинские формирования спецслужб (ФСБ, ФАПСИ, Федеральной службы охраны). В 2000 г. по своей совокупной штатной численности «другие войска» (около 500 тыс. человек) были вполне сопоставимы с Вооруженными силами (1,2 млн).

Внутренние и Пограничные войска пережили в 90-е годы несколько бюджетно-бюрократических взлетов и падений. В 1993—1997 гг. президент Ельцин явно благоволил к ним — на фоне прохладного отношения к армии. Отчасти это было результатом претензий президента к армейцам за чересчур осторожную позицию Министерства обороны в момент октябрьского кризиса в Москве в 1993 г., отчасти — следствием первоначального нежелания руководства Вооруженных сил воевать на собственной территории, что логично выдвигало на первый план Внутренние войска, отчасти — плодом успешной лоббистской деятельности энергичного первого руководителя Федеральной пограничной службы Андрея Николаева.

Первая кампания в Чечне и гражданская война в Таджикистане показали, однако, что Внутренние войска, несмотря на более стабильное финансирование по сравнению с армией и на передачу им тяжелого вооружения, не в состоянии самостоятельно подавить вооруженный сепаратизм, а Пограничные войска не способны пресечь прорывы крупных отрядов боевиков через таджикско-афганскую границу без поддержки дислоцированной в Таджикистане 201-й мотострелковой дивизии. В случае с Внутренними войсками сказались отсутствие у них реалистичной доктрины и соответствующей подготовки солдат и офицеров. У пограничников основной проблемой была двусмысленность их «пограничного» положения между *не совсем противником* (таджикской оппозицией) в Афганистане и *не в полной мере союзником* (правящими кланами) в Таджикистане.

Спецслужбы, со своей стороны, проявили малую эффективность и временами беспомощность в борьбе с чеченским сепаратизмом, а затем и терроризмом. Именно неуклюжая попытка ФСК свергнуть Дудаева в ноябре 1994 г., напомнившая неудачную операцию ЦРУ в заливе Кочинос на Кубе в апреле 1961 г., проложила путь к войне. Дерзкий глубокий рейд боевиков Басаева в Ставрополье (Буденновск) летом 1995 г. заставил директора ФСК Сергея Степашина уйти в отставку. Операция по освобождению заложников в Первомайском в январе 1996 г., которой лично на месте руководил новый глава службы (уже ФСБ) Михаил Барсуков, окончилась громким скандалом: понесся ощу-

тимые потери, «федералы» упустили террористов, сумевших уйти в Чечню (Барсуков был уволен летом 1996 г.).

Формальная передача чеченской операции под контроль ФСБ в начале 2001 г. также не дала существенного эффекта. Ликвидация некоторых лидеров боевиков и арест ряда других не стали прологом к окончанию войны или устойчивому переводу ситуации в русло политического урегулирования. Более того, террористические акты против российских войск и сотрудников лояльной Москве чеченской администрации даже участились. Несмотря на формирование «объединенного штаба по руководству контртеррористической операцией», главными российскими фигурами в Чечне продолжали оставаться генералы Минобороны. Война не окончена.

Итак, Чеченская война стала свидетельством продолжающегося и углубляющегося кризиса российской военной организации. Начавшийся не столько с распадом Советского Союза, сколько с окончанием «холодной войны», этот кризис не преодолен до сих пор. Главная его причина изначально лежала в исчезновении привычного противника и неспособности политического руководства внятно ответить на вопрос, откуда исходят угрозы национальной безопасности России в начале XXI в., к каким войнам и конфликтам необходимо готовиться и, соответственно, какие силы для этого нужны.

ЧЕЧНЯ: МОДЕЛЬ ВОЙН БУДУЩЕГО ИЛИ ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ?

Уже упоминавшийся беспрецедентный конфликт между двумя высшими лицами военной иерархии — министром Игорем Сергеевым и начальником Генштаба Анатолием Квашниным, сугубо личный на поверхности, объективно отразил фундаментальные проблемы, без решения которых никакая осмысленная военная реформа в России невозможна. Официальные военные историки отмечают, что в 1991 г. произошел «глубокий разлом» в военной стратегии, вследствие чего «утратили силу все или почти все стратегические ценности, сформировавшиеся после октября 1917 г., полностью пересмотрена официальная система оборонных задач»¹¹. Речь, очевидно, идет об отказе от тезиса противостояния «мировому империализму» и вытекающих из этого задач «защиты социалистического отечества», «пролетарского интернационализма», «интернациональной помощи» участникам «антиимпериалистической борьбы» и т. д.

Это так, но следует иметь в виду, что на практике классовый характер советской военной доктрины был еще в 30-е годы выхолощен, а форма приспособлена к конкретным геополитическим реальностям.

В начале 90-х, окончательно «отрекшись от старого мира» марксизма-ленинизма и с облегчением «отряхнув его прах» со своих сапог, российская военно-политическая мысль стала сразу же маршировать из XX в. не вперед в XXI, а назад в XIX. В Министерстве обороны и Генштабе состоялся ренессанс традиционной до архаизма геополитики — в духе «баланса сил» и борьбы за «сферы влияния».

Никто не оспаривал, впрочем, что окончание «холодной войны» сразу же свело к минимуму угрозу крупномасштабной войны между Россией и Западом. На какое-то непродолжительное время открылась перспектива создания единого пространства безопасности — *зоны стабильного мира*, включающей Северную Америку, Европу и Россию¹². В этот период наиболее реальной угрозой безопасности России стали вооруженные конфликты на постсоветском пространстве. В 1992—1993 гг. российские войска практически одновременно приступили к осуществлению нескольких миротворческих операций — в Молдавии, на Кавказе и в Центральной Азии. Чеченский конфликт рассматривался тогда в Москве как звено в ряду ситуаций, где «агрессивный национализм» ставил под вопрос целостность государств СНГ. Перед первой кампанией Чечня, таким образом, считалась локальной проблемой в условиях отсутствия крупномасштабных угроз.

«Основы военной доктрины Российской Федерации» (ноябрь 1993 г.), как уже отмечалось, не дали ясного ответа на вопрос о характере и источниках военных угроз для России. Между тем отношения с США и странами НАТО к этому времени не только не вышли на уровень партнерских, но стали очевидно стагнировать. Первая волна конфликтов на почве «постсоветского размежевания» была остановлена. В то же время «Основы...» открывали путь к применению вооруженных сил внутри России. Задуманное военными как легитимация постфактум их участия в разгроме мятежа Верховного совета в Москве в октябре 1993 г., это положение год спустя облегчило использование Кремлем армии для борьбы с чеченскими сепаратистами.

Первая кампания на Северном Кавказе проходила параллельно с дальнейшим ухудшением отношений с Западом. Планы расширения НАТО на восток заставили Ельцина уже в декабре 1994 г. на саммите ОБСЕ говорить о наступлении «холодного мира» в Европе, а авиационные удары США по позициям боснийских сербов летом и осенью 1995 г. спровоцировали президента России на предостережения в адрес Вашингтона от сползания к «третьей мировой войне». К моменту завершения первой чеченской кампании в российском военно-политическом руководстве существовал большой разброс мнений по вопросу об актуальных и особенно будущих угрозах.

Часть деятелей (преимущественно гражданские), исходя из опыта Чечни, настаивала на приоритете внутренних угроз безопасности. Свидетельством этого подхода стала Концепция национальной безопасности, составленная под руководством секретаря Совбеза Ивана Рыбкина и утвержденная в декабре 1997 г. Профессиональные военные, напротив, все больше тяготели к традиционному комплексу представлений. В не предназначенном для печати и потому откровенном заявлении министра обороны И. Родионова (декабрь 1996 г.) в качестве потенциальных источников угроз безопасности России перечислялись страны НАТО, Иран, Пакистан, Китай и Япония — иными словами, полный набор вероятных противников СССР (и практически весь перечень соседей России).

К моменту начала второй чеченской кампании США уже вновь фигурировали в роли главного потенциального противника России. Расширение НАТО, ставшее фактом в марте 1999 г. вопреки протестам и угрозам Москвы, и воздушная война западного альянса против Югославии (март — июнь 1999 г.) поставили Россию и Запад на грань вооруженной конфронтации¹³. Летом 1999 г. Россия провела самые крупные за постсоветский период военные учения, в ходе которых ее Дальняя авиация отрабатывала пуски ядерных крылатых ракет по объектам НАТО, а генеральные штабы России и Белоруссии принимали учебное решение о применении тактического ядерного оружия для защиты подвергнувшегося по сценарию учений нападению Калининграда. Поздней осенью 1999 г. во время своего последнего официального визита в Пекин Борис Ельцин, реагируя на критику чеченской кампании в американской прессе, публично предупредил президента США, чтобы он «ни на минуту, ни на секунду» не забывал о ракетно-ядерном потенциале России. Круг, казалось, замкнулся.

В концептуальных документах, принятых в первой половине 2000 г. (новой военной доктрине и концепции национальной безопасности), главной идеей стало противостояние «глобальному гегемонизму и диктату» США, «натоцентризму» в Европе и «ставке на силу в решении кризисов», которая нашла проявление в практике «гуманитарных интервенций» по косовскому сценарию. Эти доктринальные положения, утвержденные Владимиром Путиным вскоре после его прихода в Кремль, были подкреплены не только продолжившейся практикой учений, но и характером закупок вооружений.

В то же время в действительности происходило реальное формирование если не «южного фронта», то своего рода геополитического рубежа, на котором России противостоял нетрадиционный или, напротив, именно *традиционный* противник. В 80-е годы афганские моджа-

хеды рассматривались в Москве в качестве агентов конкурирующей сверхдержавы США, в меньшей степени — соседних Пакистана и Китая, с которыми у СССР были напряженные отношения. В самом начале 90-х главный вызов южным рубежам СНГ, по мнению консервативных и центристских (включая военных) кругов в Москве, исходил от пантюркистского экспансионизма Анкары; по мнению многих либералов-западников — от «революционного фундаментализма» Тегерана. Речь, иными словами, шла о различных наборах государств. С середины и особенно с конца 90-х годов постепенно стал утверждаться принципиально иной взгляд на характер «угрозы с юга». Главным противником на южном направлении был названо не отдельное государство, а явление. Это явление было определено как международный терроризм.

Летом драматичного для России 1999 г., когда только что завершился Косовский кризис и все внимание политического и военного руководства было обращено на НАТО и его новую стратегическую концепцию «гуманитарной интервенции», Шамиль Басаев и Хаттаб заканчивали подготовку к вторжению в Дагестан, а боевики Исламского движения Узбекистана просачивались на территорию Киргизии для удара в направлении Ферганской долины. В августе 1999 г., когда вновь возник реальный фронт на Северном Кавказе, практически одновременно был открыт второй фронт — в Центральной Азии. Так действительная угроза (с юга) наложилась на виртуальную (с запада).

Пока в Москве не возобладала концепция угрозы со стороны международного терроризма, даже события на Балканах трактовались в привычных терминах противостояния великих держав. В период Боснийского кризиса (1992—1995 гг.) стороны конфликта упрощенно воспринимались в качестве «представителей» трех главных внешних сил — США/Турции (мусульмане), Германии/Западной Европы (хорваты), России (сербы). При этом первые две, несмотря на все различия и разногласия, объединились против третьей — фактически в соответствии с логикой «холодной войны». В ходе Косовского кризиса (1998—1999 гг.), несмотря на все неприятие Россией действий США, в Москве постепенно вызревало убеждение, что хотя Вашингтон и может временно использовать албанский фактор (для разрушения режима Слободана Милошевича в Белграде), он не способен контролировать его в перспективе. «Сербская проблема» могла быть сведена в конечном счете к личности Милошевича, албанская оказалась гораздо менее «податливой».

Перспектива выхода албанского фактора из-под контроля оказалась очень близкой. Уже в вышедшем на поверхность в 2001 г. кризисе в

Македонии, где этот фактор вновь заявил о себе, Россия и страны НАТО фактически оказались на одной стороне. Правда, российское руководство и СМИ постоянно проводили параллель между чеченскими боевиками и албанскими сепаратистами в Македонии. На Западе если вообще сравнивали Македонию и Чечню, то в смысле непропорционального и контрпродуктивного ответа правительственных сил на вызов боевиков. Тем не менее сближение позиций России и Запада на Балканах было налицо. Такому сближению, безусловно, способствовала смена власти в Белграде в результате состоявшихся осенью 2000 г. президентских выборов, но это обстоятельство лишь подчеркнуло, что режим Милошевича был искусственным препятствием на пути к российско-западному взаимодействию на Балканах.

События самого конца 90-х годов на «южном фланге», таким образом, вели к кардинальному изменению в расстановке сил в мире. Вопрос о противниках и союзниках России, только что, казалось бы, проясненный в Косово, предстал в совершенно ином свете. Российские спецслужбы выяснили, что международные связи северокавказских и центрально-азиатских боевиков вели к Усаме бен Ладену, афганским талибам, а также различным экстремистским арабским организациям (ХАМАС, «Исламский джихад», «Хезболла»). Неожиданно для себя самой Россия обнаружила, что в качестве мишени атак террористов она оказалась к одному ряду с Америкой, странами НАТО и Израилем (подробнее международные сюжеты будут рассмотрены в главе V).

В этой связи в принятых в 2000 г. концепции национальной безопасности и военной доктрине наряду с резкой — сказалась инерция Косово — критикой действий США и НАТО появились некоторые новые мотивы. Так, была особо выделена угроза, исходящая от деятельности «экстремистских, националистических, религиозных, сепаратистских, террористических движений, организаций и структур»¹⁴. Хотя внутренние конфликты типа чеченского и рассматривались в них как канал давления на Россию извне, а бывшие южные республики СССР — как объект борьбы за сферы влияния, речь уже не шла исключительно о соперничестве между Россией и странами НАТО. Было сделано важное признание, что экономический кризис и социальная напряженность внутри новых государств стимулируют воинствующий национализм, религиозный экстремизм, а также нетрадиционные виды опасности — трансграничную преступность и международный терроризм¹⁵. Именно последний стал рассматриваться в качестве наиболее актуальной угрозы для России.

Реальность борьбы с сепаратистами, повстанцами и террористами серьезно повлияла на внутреннюю дискуссию в силовых ведомствах и

руководстве страны об источниках угроз и характере войн будущего. Вынужденная сосредоточенность на войнах на южном направлении заставляла российских военных (подчеркнем: поневоле) переосмысливать всю стратегическую картину мира. Прежние детально размеченные карты советского Генштаба, которыми по инерции еще долго продолжали пользоваться, оказались неактуальными, новых просто не существовало¹⁶. Назначенный в марте 2001 г. министром обороны Сергей Иванов в своем первом публичном заявлении специально выделил лишь две актуальные проблемы военной безопасности России — обстановку на Северном Кавказе и в Центральной Азии¹⁷.

Тем не менее вплоть до сентября 2001 г. политическое руководство России было еще не в состоянии отказаться от формулы «НАТО — главный потенциальный противник». Военные же в отсутствие четких руководящих указаний сформулировали своеобразную стратегию «полутора войн». Речь в ней шла об угрозе «агрессии балканского типа» со стороны США и НАТО в Европе в сочетании с вооруженным выступлением исламистов на Кавказе и/или в Центральной Азии. Именно такой сценарий войны на два фронта — одновременно против «западных» и «южных» — был положен в основу учений ПВО стран СНГ «Боевое содружество-2001»¹⁸. В таком фантазмагорическом сценарии учений соединились два тезиса — о реальности нападения НАТО на Россию и о наличии авиации у исламистов. Следует напомнить, что объединенная система ПВО, финансирующаяся из российского бюджета, является единственной интегрированной военной системой в рамках СНГ.

Итак, постепенно и *вопреки* глубоко укоренившимся, особенно в военной среде, представлениям вектор внешних военных угроз безопасности России смещается с западного направления в сторону южного. Чеченские войны и растущая нестабильность в Центральной Азии исподволь готовили революцию в современном российском военно-политическом и стратегическом мышлении и военном строительстве. Удары террористов-камикадзе по объектам в США в 2001 г. создали благоприятные условия для того, чтобы президент Путин мог объявить об окончании по существу эпохи противостояния с Западом — не только идеологического, но и геополитического и военно-стратегического. Наступило «время Юга».

ЧЕЧНЯ И ПРОБЛЕМА ЦЕЛЕЙ ВОЙНЫ

Как уже отмечалось, с начала 90-х годов российская военно-политическая мысль упорно пыталась найти ответы на актуальные проблемы в отечественной истории XIX — середины XX в. Вскоре, однако,

стало ясно, что пафос Кавказской войны, цивилизаторская миссия и карательная практика на службе имперских интересов плохо укладывались в радикально изменившийся внутренний контекст. Принадлежащее Владимиру Путину более «технократическое» сравнение действий в Чечне с операциями НКВД в Прибалтике и на Западной Украине (середина 40-х — середина 50-х годов)¹⁹ также мало уместно. Во-первых, оно не учитывает изменившийся внутренний и международный контекст (характер политического режима в стране, эффект глобализации и практическую невозможность «окончательного решения» вопросов путем массовых репрессий, практиковавшихся Сталиным). Во-вторых, оно звучит двусмысленно в свете недавнего исторического опыта: пусть Советскому Союзу удалось подавить сопротивление «лесных братьев» и бандеровцев, но спустя 40 лет после их разгрома страны Балтии и Украина стали независимыми от Москвы, а «братья» и бандеровцы превратились там в национальных героев.

На рубеже 80-х и 90-х годов Россия *отказалась* быть империей не в результате внешнего «случайного» поражения, а в силу нараставшей внутренней усталости. На протяжении ряда поколений укрепление и поддержание державного величия требовало огромных жертв со стороны населения — как материальных, так и физических. В определенный момент усталость страны оказалась настолько сильной, что империя рухнула. Оказалось, что защищать ее некому. Самым поразительным было то, что даже армия — вопреки всем ожиданиям западных разведок — наблюдала за происходившим со страной и с собой самую совершенно безучастно²⁰.

Если армия не вмешалась в процесс распада СССР, то какие задачи руководства она могла выполнить спустя всего лишь несколько лет, участвуя в локальных войнах на Кавказе и в вооруженных конфликтах в Центральной Азии?

В 1994—1996 гг. российское руководство, которое до этого на протяжении трех лет не только терпело сепаратизм в Чечне, но сотрудничало с ним и даже вполне официально вооружало его, решило применить военную силу для «восстановления конституционного порядка». Двусмысленное поведение Москвы не только до, но и в ходе первой кампании, а также отвлеченно сформулированная цель войны способствовали военно-политическому поражению России летом 1996 г.

Напротив, осенью 1999 г. Россия официально оборонялась от нападения со стороны «международных террористических банд», «армии убийц»²¹. Перед военными была поставлена четкая задача — ликвидация очага международного терроризма в Северо-Кавказском регионе²² — и созданы политические и материальные условия для ее реали-

зации. Такой подход оказался более убедительным и поэтому на первых порах более эффективным. Давно замечено, что российская армия гораздо воодушевленнее действует при защите своей территории, чем в завоевательных или карательных экспедициях.

Целями «контртеррористической операции» провозглашались сохранение целостности России, защита ее граждан, демонстрация политической воли и силы государства. Речь шла не только и не столько о Чечне, небольшой территории размером 15 тыс. кв. км — условно говоря, квадрате со стороной 120 км. В глазах выходцев из спецслужб и военных, пришедших к управлению страной вместе с Владимиром Путиным, значение Чечни как таковой для устойчивости российской государственности было бы не столь велико, если бы не «исламский фактор». Едва придя к власти, администрация Путина сознательно взяла курс на укрепление геополитического тыла внутри страны (прежде всего на Северном Кавказе и особенно в Поволжье) и одновременно стратегического предполья в Закавказье и Центральной Азии. Еще будучи премьером, Путин изложил свое видение ситуации предельно четко: «Если мы сейчас не остановим экстремистов, то через некоторое время нам грозит вторая Югославия на всей территории Российской Федерации, *югославизация* России... Вот захлестнуло бы Дагестан — и все. Кавказ отошел бы весь, это же понятно. Дагестан, Ингушетия, а потом вверх по Волге — Башкортостан, Татарстан. Это же направление в глубь страны»²³.

На центрально-азиатском направлении — точно так же, как и на кавказском — Москве приходилось учитывать слабую защищенность российских границ. Физически изолировать Чечню, как предлагали некоторые политики, в частности мэр Москвы Юрий Лужков, просто не было реальной возможности. Даже если бы это удалось с севера, со стороны Ставропольского края, нельзя было рассчитывать на надежный контроль на западе со стороны Ингушетии и на востоке со стороны Дагестана. Наконец, ситуация на юго-западном участке во многом зависела от состояния отношений с Грузией.

На восток от Каспия жизненно важные российские интересы связаны прежде всего с Казахстаном, с его на треть славянским населением, богатыми природными ресурсами и протяженной общей границей с Россией. Стабильность Казахстана имеет критическое значение для безопасности России. Естественно, что в таких условиях российское руководство старалось укреплять самые дальние подступы к собственной территории, рассматривая страны СНГ как защитный буфер. Реальность угрозы со стороны экстремистов стала важнейшим аргументом Москвы в ее стремлении укрепить под своей эгидой военно-поли-

тический союз в Центральной Азии и тем самым упрочить свои позиции в регионе.

Помимо этого Москва вновь заявила о своей цивилизаторской миссии на окраинах страны и на ее ближайшей периферии. Власти обещали чеченцам и их соседям прочный мир, порядок и нормальную жизнь: больницы, школы, пенсии, электричество, газ и т. д., странам СНГ — помощь в отражении нападений экстремистов. Западу настойчиво внушалось, что Россия является единственным серьезным барьером, отделяющим благополучную Европу от зон нестабильности, очагов экстремизма и гнезд сепаратизма. Странам Евросоюза и США задолго до 11 сентября 2001 г. предлагалось объединить усилия с Россией, чтобы избежать худшего для всех варианта — победы исламских экстремистов и международных террористов. Впоследствии этот союз был реализован, но в другой обстановке и на других условиях.

ХАРАКТЕР ВОЙН И ПРОТИВНИК

Чеченская армия, а затем чеченские партизаны оказались для федеральных сил непривычным и неудобным противником. В советских, а затем в российских военных академиях изучался преимущественно опыт Великой Отечественной войны. Вплоть до конца 90-х годов тема локальных войн и конфликтов практически оставалась без внимания. Не только опыт Кавказской войны XIX в. и так называемых «чекистско-войсковых» операций НКВД 20-х годов, но и локальных войн второй половины XX в. (вьетнамской, арабо-израильских и др.) широко не исследовался и преподавался в лучшем случае чрезвычайно узкой аудитории.

Только после «первой Чечни» отношение к тому, какой будет вероятная следующая война, несколько изменилось. В войска наконец поступила установка Министерства обороны: «Глобальной войны не будет. Вы должны готовить армию к локальным конфликтам»²⁴. Военная доктрина 2000 г. обратила внимание то, что в таких конфликтах приходится воевать против нерегулярных вооруженных формирований. Влиятельный военный теоретик генерал армии Махмут Гареев в этой связи так определил задачу российских военных. «От Вооруженных Сил России, — писал он, — требуется *первоочередная* готовность к выполнению боевых задач в локальных войнах, конфликтах и *мобилизационная* готовность к крупномасштабной региональной войне»²⁵ (курсив наш. — А. М., Д. Т.). При этом переход от локальной войны к крупномасштабной увязывался с участием в такой войне США²⁶.

Таким образом, на одном конце спектра возможного боевого применения российских Вооруженных сил (гипотетическом) по-прежнему

му оставались стратегические воздушно-космические операции, стратегические действия на театре военных действий и операции ядерных сил, в то время как на другом (практическом) располагались миротворчество и противоповстанческие действия. Причем если вначале в этой зоне преобладало первое, то с конца 90-х военная угроза выступала, с одной стороны, в форме «агрессий балканского типа», а с другой — «в виде массированных террористических акций»²⁷, координируемых из одного или нескольких международных центров.

Реальный противник России располагал существенной военной силой. Армия Ичкерии насчитывала 15 тыс. бойцов в начале 1995 г., 10—11 тыс. в начале 1999 г., которых в обоих случаях поддерживало около 30 тыс. ополченцев²⁸. Численный перевес федеральных войск компенсировался тактикой действий преимущественно в составе мелких групп, сковывавших и изматывавших гораздо более крупные федеральные силы. Накануне взятия Грозного чеченскими отрядами (август 1996 г.) министр обороны Игорь Родионов оценивал общую численность «боевиков и вооруженных уголовников» в 3—3,5 тыс. человек. Российский гарнизон города между тем насчитывал 7,5 тыс., но боевых частей и подразделений у федералов в городе было немного²⁹. Во вторую кампанию, несмотря на то, что боевики несли тяжелые потери (по данным российского Минобороны, 14 тыс. человек только за август 1999 — январь 2001 г.)³⁰, они продолжали оставаться внушительным военным фактором³¹.

Аналогичная ситуация складывалась и в Центральной Азии. Число боевиков Исламского движения Узбекистана на начало 2001 г. оценивалось от 300—600 до 2—7 тыс. человек³², т. е. существенно меньше наличных сил не только Узбекистана, но даже Киргизии с ее маленькой армией. Однако, представляя собой сравнительно небольшую группу в масштабах региона, исламисты были лучше организованы и оснащены, чем их противник — регулярные правительственные войска.

Если в Чечне России противостоит противник, как-то привязанный к «своей» территории, то в Центральной Азии такой привязки нет. Террористы не имеют отечества. Отряды вооруженных исламистов используют базы в сопредельных государствах для нанесения ударов по избранным целям, после чего откатываются назад для подготовки к следующему нападению. Уничтожение баз подготовки «террористов» становилось в этих условиях насущной, но вплоть до разгрома поддерживавших их талибов крайне трудновыполнимой задачей.

Если перед первой кампанией ошибкой российского командования явилась элементарная недооценка противника, то в ходе второй войны проблемой стала его дегуманизация. «Для них не существует ниче-

го человеческого», — заявил о боевиках, например, командующий объединенной группировкой в Чечне генерал В. Баранов³³. Аналогичным образом высказывались и представители правительств центрально-азиатских стран. «Нашему мирному народу навязывается война с иностранным сбродом», — заявил, например, посол Киргизии в России³⁴. Все боевики официально именовались террористами и бандитами, воюющими не за идею, а исключительно за деньги. Это отрезало путь к переговорам, настраивало на решение задачи путем полной ликвидации противника — либо на затяжную войну в случае его отказа капитулировать. При этом самим военным становилось все яснее, что чисто военного решения чеченской проблемы быть не может.

Помимо высокой мобильности и относительной многочисленности у противника российских войск были и другие сильные стороны. Джохар Дудаев получил крупные арсеналы вооружения и техники. В дальнейшем эти арсеналы регулярно пополнялись, причем главным образом путем тайных закупок российского же оружия. Боевики были также хорошо знакомы с российской (советской) военной техникой, знали ее сильные и слабые стороны. Им была известна и российская военная тактика. Джохар Дудаев был генерал-майором советской Дальней авиации; Аслан Масхадов командовал артиллерийским полком, а затем был начальником ракетных войск и артиллерии дивизии; Джума Намангани (лидер Исламского движения Узбекистана) служил десантником в составе советского контингента в Афганистане.

Серьезнейшей проблемой для российских военных остается поддержка боевиков значительной частью местного населения Чечни, Ингушетии и Дагестана. «Мирные» днем чеченцы становятся диверсантами по ночам. По всей территории республики российские войска находятся под постоянным наблюдением. Несмотря на крупные силы, дислоцированные в районе Грозного, с заходом солнца город военными не контролируется³⁵. Жесткие ответные действия федеральных сил вербуют новых сторонников в ряды боевиков. К ингушам военные часто относятся как к союзникам чеченцев и укрывателям бандитов. Считается, что в расположенных в Ингушетии лагерях переселенцев живут семьи боевиков, которые снабжают их продовольствием³⁶. Даже спустя год после уничтожения «ваххабитских» анклавов в Дагестане (многие из участников сопротивления федеральным силам были впоследствии амнистированы) обстановка в этих районах оценивалась российским военным командованием как напряженная³⁷. На поддержку боевиков частью местного населения как на одну из главных проблем сослался уже в начале 2002 г. помощник президента России Сергей Ястржембский. Это крайне серьезный симптом: ситуация

в Чечне не может быть урегулирована, пока значительная часть населения поддерживает сепаратистов.

Трудности особого рода создает граница с Грузией, на части территории которой, не контролируемой официальным Тбилиси (Панкисское ущелье, Ахметовский район), по данным российской разведки, располагалась основная база полевого командира Руслана Гелаева³⁸. Если в первую кампанию Грузия разрешила российским пограничникам прикрыть чеченский участок границы с юга, то во вторую кампанию Тбилиси отказался это сделать. В ответ Москва стала относиться к Грузии как к «тыловой базе чеченских террористов», каналу их связи с внешним миром. Это серьезно осложнило российско-грузинские отношения и породило подозрения в США и Западной Европе в отношении конечных устремлений России (подробнее о грузино-российских отношениях в этой связи см. главу V).

Вообще гораздо более широкий международный контекст является важным отличием второй чеченской кампании от первой. Если первая война рассматривалась более или менее изолированно или в крайнем случае как часть тенденции к фрагментации многонациональных государственных образований, вторая была с самого начала встроена в контекст международного экстремизма.

Итак, к концу 1990-х годов в российской армии рядом с поблекшим, но вплоть до начала 2000-х годов не снятым образом «враждебного Запада» сложился новый образ врага в виде исламского террориста-сепаратиста-фундаменталиста. Врага непримиримого, коварного и беспощадного. Противоборство с таким врагом на поле боя требовало изменений в российском военном искусстве.

ОПЕРАТИВНОЕ ИСКУССТВО И ТАКТИКА

Начиная с 1990 г. российская и вся мировая военная мысль находится под впечатлением операций США и их союзников в зоне Персидского залива (против Ирака), на Балканах (против Югославии) и в Афганистане (против талибов и террористической организации «аль-Каида»). Особое внимание российских военных привлекли бесконтактные действия, переход от воздействия по группировке в целом к избирательному поражению противника с применением высокоточного оружия, повышение удельного веса мобильных войск. Операции Вооруженных сил США во всех приведенных примерах носили ярко выраженный воздушно-наземный характер³⁹. В то же время вплоть до Афганистана западная коалиция воевала с традиционным противником — вооруженными силами современного государства.

Российские же войска вновь — как в Афганистане 80-х и Таджикистане 90-х годов, столкнулись с нетипичным противником. Им противостояло не государство с регулярными вооруженными силами, а мятежная территория, самопровозглашенная республика, бойцы которой воевали партизанскими методами, прибегая к диверсиям, терроризму и пр. Действия чеченцев, по оценке российских военных, были более изощренными, чем действия афганских моджахедов 80-х годов. Излюбленная тактика — кинжальные удары с близких расстояний (наскок-отход), внезапные нападения («пчелиным роем») на воинские колонны, засады на дорогах, применение снайперов, массовое минирование. По некоторым подсчетам, до 60% общих потерь в Чечне и Афганистане были жертвами минной войны⁴⁰.

Против такого противника российской армии было сложно использовать свои очевидные преимущества. Павел Грачев жаловался осенью 1995 г., что указания политического руководства «бить наверняка по тем местам, где есть скопление противника, а мирных жителей не обстреливать» были «нарушением законов войны»⁴¹. В 1999 г. многие из этих ограничений были сняты, но применение российской армией приемов Второй мировой войны дало лишь ограниченный эффект. Авиация и артиллерия, конечно, позволяли уничтожать боевиков с дальних расстояний (дистанционный бой), но действия в населенных пунктах (а также их блокирование и последующие зачистки) и в горах представляли серьезную проблему, особенно в условиях, когда, по расчетам российского командования, численность боевиков составляла не более 1,5% населения, и штурм считался бессмысленным⁴². В этих условиях применение тяжелого вооружения лишь умножало разрушения гражданских объектов. Боевикам удавалось отходить без серьезных потерь, а население еще больше ожесточалось против российских военных.

В результате чеченских кампаний в российской военной науке стала впервые развиваться теория специальных операций: антитеррористической, контртеррористической, а также *войсковой операции, проводимой временной оперативной группировкой войск* (Минобороны, Внутренние войска, ФСБ, ФАПСИ, МЧС)⁴³. Если первые два названия в основном отдавали дань политической риторике, совместная войсковая операция была провозглашена моделью для планирования боевых действий. Правда, путь от теории к практике, как часто случалось в России, оказался долгим и тернистым.

Тактика российских войск претерпела существенные изменения по сравнению с выработанным на случай войны с Западом шаблоном. Боевые действия в Чечне носили эпизодический, очаговый («лоскут-

ный») характер. Поле боя расширилось и приобрело нелинейную конфигурацию. Понятия «фронт» и «тыл» оказались не столько размытыми, сколько неприменимыми. Наступление и оборона в классическом понимании отсутствовали. Наступать и обороняться войскам приходилось на разрозненных, часто изолированных направлениях. Основными способами ликвидации противника стали его поражение огнем артиллерии и ударами авиации, окружение и блокирование. Российские войска также были вынуждены отказаться от стереотипа действий в масштабе частей и соединений и перейти к тактике отрядных действий (взвод-батальон). Создавались группы даже из двух-трех бойцов. Победил принцип: для решения конкретной задачи создается своя группировка сил ⁴⁴.

В суммированном виде уроки чеченских кампаний в восприятии российского командования выглядят следующим образом ⁴⁵:

- необходимость упора на превентивные меры;
- постановка решительных целей при применении силы;
- изоляция района военных действий от внешнего мира, лишение противника притока сил и средств из-за рубежа;
- выработка навыка ведения совместных операций силами Минобороны, МВД, ФСБ, ФПС;
- непрерывность воздействия на противника в течение длительного времени вместо массированного применения оружия;
- избирательность в применении тяжелого оружия (за исключением горно-лесистой местности, где это ограничение не применяется);
- принятие мер к ограничению ущерба населению и гражданским объектам;
- отдавание приоритета высокоточному оружию.

Достаточно сравнить этот список с практикой не только первой, но и второй войны, чтобы сделать вывод: эти уроки в значительной степени остаются благими пожеланиями ⁴⁶. Так, высокоточное оружие остается невиданной диковинкой, ограничение ущерба населению явно неудовлетворительно, избирательность в применении тяжелого оружия недостаточна — в условиях, когда отсутствует высокоточное оружие. Круг замыкается.

Своеобразным и тяжелым уроком для российской армии стал успех контртеррористической операции США в Афганистане. Основываясь на собственном афганском и чеченском опыте, российские военные эксперты в сентябре — октябре 2001 г. предрекали американцам крайне тяжелую и затяжную войну, сопряженную с огромными потерями. Быстрый разгром талибов при минимальных потерях с американской стороны заставил российских наблюдателей говорить о «коммерче-

ском» характере операции США. Единственным «утешением» при этом оставалось то, что вплоть до лета 2002 г. американцам не удалось задержать главу «аль-Каиды» Усаму бен Ладена и лидера талибов муллу Омара.

Под влиянием опыта Чечни российское командование постепенно подводится к практической необходимости модификации организационно-штатной структуры Вооруженных сил. С одной стороны, полки, бригады, дивизии все еще сохраняются — на случай эвентуальной широкомасштабной войны с НАТО или Китаем. С другой стороны, ясно, что нужна ббльшая организационная гибкость. В принципе это возможно при модульном типе организации, в которой базовой единицей становится батальон (артдивизион). Варьируя комбинацию батальонов в зависимости от конкретной задачи, можно добиться рационального использования имеющихся средств и сил в конфликте любого масштаба — от локального до регионального. Российской армии, однако, еще предстоит определиться со своей организационной структурой.

Первая чеченская кампания наглядно продемонстрировала, что популярная в начале 90-х годов идея создания мобильных сил на базе Воздушно-десантных войск, десантно-штурмовых частей и морской пехоты в современных российских условиях является малопродуктивной. Для успешной противоповстанческой борьбы требуются силы быстрого развертывания, но речь идет о совместных операциях разнородных сил, а не о молниеносных действиях парашютистов.

Наконец, вторая чеченская кампания подкрепила тезис о важности Сухопутных войск, которые в 90-е годы утратили было приоритетность в глазах военно-политического руководства. В 2001 г. было восстановлено главное командование Сухопутных войск, упраздненное в 1998-м. Важным шагом было создание — в рамках «оптимизации» — небольшого числа слаженных, боеготовых армейских соединений и частей, о чем говорилось выше. Таким образом руководство Вооруженных сил ответило на очевидную недостаточность высокоточного оружия в войсках и на политическое требование овладения территорией Чечни и ее удержания. Очевидной стала необходимость иметь горно-стрелковые части и подразделения. Пришлось признать (во всяком случае, формально) очевидное, но часто игнорируемое в российской практике правило: без надежного боевого, специального, тылового и технического обеспечения эффективность действий армии резко снижается.

РОЛЬ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

В условиях практической сосредоточенности Москвы на локальных войнах по-новому встала проблема ядерного оружия в российской во-

енной доктрине. Еще в «Основных направлениях военной доктрины» российское руководство сделало упор на ядерное сдерживание как компенсатор слабости обычных вооруженных сил. Россия тогда отказалась от пропагандистского обязательства СССР не применять ядерное оружие первым. В дальнейших документах (концепции национальной безопасности 2000 г. и военной доктрине 2000 г.) роль ядерного оружия была еще более поднята. Некоторые российские эксперты⁴⁷ заявляют, что для сдерживания новых угроз на южном направлении России могли бы потребоваться ракетные средства средней дальности, ликвидированные по Договору о РСМД 1987 г. Правда, в этом случае речь идет, по-видимому, не об утрашении интернациональных бригад исламистов или местных сепаратистов, а о перспективах конфликтов с крупными региональными державами, располагающими ракетно-ядерным оружием или могущими приобрести его в будущем. Такой подход, однако, создает ряд проблем.

Если ядерное сдерживание какое-то время еще могло оставаться фактором стратегической стабильности в отношениях России с другими ядерными державами (прежде всего США), то его роль на других направлениях была гораздо менее ясной. В 1992 г. Москва — устами главнокомандующего Объединенными вооруженными силами СНГ маршала авиации Евгения Шапошникова — пригрозила Турции «третьей мировой войной» в случае вооруженного вмешательства Анкары в карабахский конфликт. Трудно сказать, какую роль сыграло это предостережение. В действительности Турцию — члена НАТО, союзника США, претендента на вступление в ЕС — сдерживает от рискованных вооруженных авантюр на Кавказе целый ряд факторов (более подробно о них см. главу V).

Что касается двух других стран Среднего Востока — Ирана и Пакистана, то они уже обладают ракетным оружием, которое постоянно совершенствуется, а Пакистан, кроме того, с 1998 г. является ядерной державой. Учитывая, что «болевого порог» — т. е. готовность к человеческим жертвам — у Ирана и Пакистана гораздо выше, чем у России, более эффективным военным средством для их эвентуального сдерживания могла бы стать система противоракетной обороны, а не ядерный арсенал средств средней дальности.

Еще более проблемным является сдерживание при помощи ядерного оружия повстанческих движений, и тем более групп террористов. Конечно, нельзя считать серьезными призывы политиков экстремистского толка к ядерным бомбардировкам Чечни или Афганистана. Скорее можно предположить обратное — угрозу применения ядерного оружия или радиоактивных материалов противной стороной. Еще в

годы первой Чеченской войны (в 1996 г.) агенты Шамиля Басаева продемонстрировали свои способности путем закладки радиоактивных материалов в московском Измайловском парке. В дальнейшем, учитывая наличие исламистов внутри пакистанских спецслужб, старые связи между пакистанской военной разведкой и «разошедшимся по домам» движением «Талибан», а также сохраняющуюся нестабильность самого Пакистана, нельзя полностью исключать попадания пакистанских ядерных устройств в руки мусульманских экстремистов.

В итоге российские стратеги должны будут прийти к выводу, что в действительности ядерное оружие ни в каком виде не может быть задействовано на самом актуальном с точки зрения национальной безопасности России стратегическом фланге, т. е. на южном и юго-восточном стратегических направлениях.

ДИСЛОКАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Один из выводов, которые сделали российские военные на основании чеченского опыта, заключается в необходимости дислокации вооруженных сил не в центре страны, как предлагали сторонники идеи мобильных сил, а в непосредственной близости от районов потенциальных конфликтов. В результате под влиянием, с одной стороны, прекращения вооруженного противостояния в Европе и, с другой стороны, начавшихся войн в Чечне и конфликтов в Центральной Азии дислокация российских сил все более смещается на юг и юго-восток.

Первоначально (до середины 1992 г.) Россия планировала полный вывод своих войск из охваченного межэтническими конфликтами Закавказья и из Центральной Азии. В мае 1992 г. в Ташкенте был заключен договор о разделе бывшей Советской армии и ее вооружений между странами СНГ. Бывшие советские войска на территории Узбекистана и большая часть тех, которые были размещены в Казахстане, перешли под юрисдикцию этих государств. В Ашхабаде было создано совместное российско-туркменское командование. В Киргизии остались лишь российские пограничники. Российские боевые части сохранялись только в охваченном гражданской войной Таджикистане, но их дальнейшая судьба долго оставалась неясной. В июне 1992 г. федеральные силы покинули Чечню, оставив на месте технику и вооружения⁴⁸. В 1993 г. российские войска и пограничники ушли из Азербайджана, где к власти пришли ориентировавшиеся на Турцию национал-демократы во главе с Абульфазом Эльчибеєм. Ставился вопрос о полном уходе российской армии из Грузии.

Кризисы на постсоветском пространстве приостановили этот отход на север, а коррекция внешнеполитического курса Москвы повернула

процесс вспять. Россия попыталась укрепить свое военное присутствие на Кавказе, чтобы держать под контролем нестабильную Грузию, и пошла на военно-стратегический союз с Арменией. В Таджикистане российские войска в конце концов поддержали одну из воюющих сторон и обеспечили ее победу.

Еще в 1995 г., в ходе первой чеченской кампании, было принято решение о формировании на юго-западном стратегическом направлении 58-й общевойсковой армии (штаб — Владикавказ) численностью 65 тыс. человек. В 1998 г. была создана оперативная группировка войск Министерства обороны в Дагестане (штаб — Каспийск). Большинство участников Чеченской войны воевали «вахтовым методом», но уже в начале второй кампании было решено создать на территории Чечни группировку федеральных сил на постоянной основе. В ее состав включили 42-ю мотострелковую дивизию (15 тыс. человек, штаб — Ханкала), 46-ю бригаду Внутренних войск (7 тыс.), а также пограничный отряд (1,4 тыс., штаб — Итум-Кале)⁴⁹.

На центрально-азиатском направлении в 2001 г. было осуществлено объединение Приволжского и Уральского военных округов в единый Приволжско-Уральский. В 1999 г. Москва и Душанбе подписали соглашение о создании на территории Северного Таджикистана (в Худжанде) российской военной базы на основе 201-й дивизии. В 2000 г. было принято решение о создании 50-тысячного корпуса быстрого реагирования (штаб — Омск) для действий в Центрально-Азиатском регионе. В марте 2001 г. появились сообщения о планах направления пяти батальонов (3 тыс. человек) российских десантников в Таджикистан⁵⁰.

Эти намерения передислоцировать войска в южном направлении — при всей ограниченности ресурсов, которые могли быть таким образом перенацелены (десантники, например, в Таджикистан так и не прибыли), — имели международно-договорные последствия. Новые потребности России не вписывались во фланговые ограничения заключенного еще в 1990 г. Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Российскому руководству пришлось приложить много усилий, чтобы получить согласие партнеров по ДОВСЕ на увеличение российской квоты в ходе модернизации договора. При этом Москва обнаружила, что договариваться приходилось не столько с США (которые не видели в увеличении российских вооружений на Кавказе особой проблемы для себя), сколько с Турцией, которая такую проблему усматривала, а в дальнейшем — и с Грузией, на территории которой были дислоцированы российские войска.

В ходе второй войны позиция Тбилиси ужесточилась настолько, что России пришлось согласиться с выводом большей части войск из Гру-

зии — частично в соседнюю Армению, частично в СКВО. Впервые за последние 200 лет Тбилиси перестал быть основным центром российского военного присутствия на Кавказе. Этот центр переместился на 500 км севернее, в Ростов-на-Дону — в штаб Северо-Кавказского военного округа.

За 90-е годы СКВО превратился из тылового и третьестепенного в наиболее мощный и боеспособный округ Вооруженных сил России. Непосредственно к его территории прилегают не контролируемые Тбилиси Абхазия и Южная Осетия, где базируются российские миротворческие контингенты, подчиненные командованию округа. На Северный Кавказ были также перебазированы пограничники, вынужденные покинуть Азербайджан (1993 г.) и Грузию (1999 г.). Так России пришлось обустроить новый рубеж вдоль Главного Кавказского хребта.

В результате Северо-Кавказский округ стал приграничным и практически прифронтовым. Именно в СКВО — как в 80-е годы в Афганистане и тогдашнем Туркестанском военном округе — офицеры и генералы получают боевой опыт, повышения по службе, возможности для дальнейшего продвижения в самые верхние эшелоны военной и государственной иерархии. Как уже отмечалось, в 1997 г. тогдашний командующий войсками округа Анатолий Квашнин стал начальником Генерального штаба. Следующий командующий, Владимир Казанцев, в 2000 г. был назначен полномочным представителем президента в Южном федеральном округе — фактически наместником всего Юга России.

Если на Кавказе ситуация выглядит довольно компактной, то в Центральной Азии понятия «граница», «фронт» и «тыл» вообще практически отсутствуют. Российское военное присутствие в регионе крайне ограничено. Узбекистан даже в период обострения ситуации в 1999—2000 гг. категорически отказался от приглашения российских войск; Туркмения последовательно осуществила их вывод в три этапа, последний из которых завершился в 1999 г.; Киргизия, где российских линейных частей не было, мягко добились в том же году вывода российских пограничников; в Казахстане в конце 90-х годов еще находилось около 15 тыс. российских военнослужащих, но они в основном занимались обслуживанием полигонов и космодрома Байконур. Единственной военной опорой России в огромном регионе оставалась группировка в Таджикистане, состоявшая из 201-й дивизии (около 8 тыс. человек, преимущественно россиян) и группы пограничных войск (около 14,5 тыс., 95% личного состава — таджики)⁵¹.

Россия столкнулась с ограниченностью своих военно-демографических ресурсов. Снижение рождаемости в конце 70-х годов и ее паде-

ние в 80-х годах, освобождение значительных категорий граждан от призыва на военную службу (деинтеллектуализация армии) и ухудшение качественных показателей призывного контингента (проблемы со здоровьем, рост наркомании и преступности) имели долговременные последствия. В 90-е годы призыв составлял 180—190 тыс. человек, что едва обеспечивало нужды военных, но, во-первых, заставляло их брать на службу новобранцев без должного отбора, а во-вторых, жестче конкурировать за все менее качественный ресурс.

В начале первой чеченской кампании (на 5 декабря 1994 г.) численность российской оперативной группировки составляла 24 тыс. человек⁵². К началу штурма Грозного — 31 декабря — она увеличилась до 38 тыс. (230 танков, около 450 БМП, почти 400 орудий и минометов), а позднее — до 80 тыс. Во второй войне российское руководство отказалось от тактики эскалации и прибегло к массированному вторжению. В результате численность федеральных сил уже в начале операции приближалась к 100 тыс., из которых половину составляли военнослужащие Министерства обороны. Тем не менее это был предел. Россия не в состоянии участвовать одновременно в двух конфликтах, подобных чеченскому. Иначе говоря, одновременно вести войну в Чечне и в Центральной Азии выше сегодняшних наличных сил России. В ходе второй кампании был официально отменен принцип добровольности участия солдат-призывников в боевых действиях, которому далеко не всегда следовали и в первую кампанию.

Итак, в 90-е годы под влиянием войны в Чечне и конфликтов в Центральной Азии произошла частичная передислокация российских войск в южном (Кавказ) и юго-восточном (Центральная Азия) направлении. Несмотря на то, что основные силы по-прежнему оставались — особенно после Косово — ориентированными на «главного противника», российское командование оказалось вынужденным создавать новые группировки обычных сил на южном и юго-восточном направлениях.

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦЫ

Отличительной чертой «южных» конфликтов нового поколения — даже по сравнению с Афганской войной — является отсутствие надежно охраняемых рубежей. Границы Российской Федерации с бывшими советскими республиками в первые годы после распада СССР были совершенно прозрачны. Российское руководство в тех условиях попыталось реализовать концепцию двух границ. Бывшая граница Советского Союза должна была стать внешним рубежом, надежно прикрывающим страны СНГ от нападения или иного вредного воздействия

«со стороны». На этом оборудованном в советские времена *кордоне* должны были быть сосредоточены основные силы и средства. Пограничные войска Содружества должны были стать глубоко интегрированными — под российским, разумеется, командованием. Границы между странами СНГ оставались бы в этих условиях совершенно прозрачными.

Эта концепция была сразу отвергнута рядом стран СНГ (Украиной, Молдавией, Азербайджаном, Узбекистаном), усмотревшим в ней угрозу своей независимости и перспективу реинтеграции постсоветского пространства. Отказ сразу нескольких государств присоединиться к российскому плану вынудил Москву опираться на свои пограничные войска, размещенные на территориях Грузии, Армении, Туркмении, Таджикистана и Киргизии. Сплошного рубежа, таким образом, не получилось. Уже первая чеченская кампания продемонстрировала транспарентность как «внутренних», так и «внешних» границ. Сепаратисты получали разнообразную помощь с Ближнего и Среднего Востока, а удаленные на десятки и даже сотни километров от Чечни российские города (как Буденновск) становились объектом вооруженных набегов чеченцев. В Таджикистане российские пограничники часто оказывались под ударом и с фронта, и с тыла.

К началу второй кампании в Чечне российские погранвойска остались лишь в Армении и Таджикистане. Москва принялась обустроить те границы, за которыми еще в начале десятилетия она намеревалась сохранить статус «внутренних». Россия столкнулась при этом с очевидными сложностями. На Кавказе основную проблему создают горный рельеф и этническая чересполосица. На центрально-азиатском направлении перед Москвой стоит почти неразрешимая задача контроля самой длинной в мире (свыше 7 тыс. км) границы с Казахстаном, которая по большей части проходит по безлюдным степям и пустыням.

Не имея сил надежно контролировать казахстанскую границу, Россия была вынуждена жить в условиях, когда единственным существенным барьером между Москвой и Кабулом является группа российских пограничников в Таджикистане. Обеспечивая до некоторой степени политическую стабильность в Таджикистане, этот отряд не способен прикрыть Россию от постоянно увеличивающегося потока наркотиков из Афганистана⁵³. С 1996 г. место опия-сырца в качестве главного наркотического средства занял героин. Российские и таджикские военные говорят о «героиновом джихаде» против неверных⁵⁴, но в реальности мало что могут ему противопоставить. Методы переправки наркотиков не только на территорию стран СНГ, но и по самой этой тер-

ритории становятся все более изощренными⁵⁵, что свидетельствует о масштабах коррупции внутри государств Содружества включая их силовые структуры.

ОТНОШЕНИЯ ВНУТРИ ВОЕННОГО СООБЩЕСТВА

Распад СССР, как отмечалось выше, означал и распад единой военной организации. В соответствии с законом «Об обороне» в состав Вооруженных сил после 1992 г. включались лишь структуры Министерства обороны. Внутренние войска МВД, Пограничные войска ФПС, войска ФАПСИ, ФСБ, ФСО, МЧС, Железнодорожные войска стали выступать как самостоятельные и взаимно уравнивающие члены разросшегося военного сообщества. Чеченская война высветила обратную сторону этой фрагментации — проблему управления войсками в ходе совместных операций.

Совместные операции оказались одним из самых слабых мест российской военной стратегии и тактики. Хотя впервые совместная группировка войск СКВО и МВД на территории Северной Осетии и Ингушетии была создана еще в марте 1994 г., координация действий в ходе начавшейся спустя девять месяцев первой чеченской войны так и не была обеспечена, что явилось одной из главных причин неудачи всей операции.

В соответствии с Конституцией и законами России существует следующая схема. Президент является Верховным главнокомандующим Вооруженными силами. Ему же подчинены и все «другие войска». Так называемый силовой блок правительства (министерства обороны, внутренних дел, по чрезвычайным ситуациям, а также МИД, Федеральная служба безопасности, Служба внешней разведки и др.) находится в непосредственном подчинении президенту. Президент имеет возможность координировать действия различных ведомств через возглавляемый им Совет безопасности. Аппарат Совбеза во главе с его секретарем не только готовит решения, но и следит за их выполнением.

В реальной действительности эта схема на протяжении 90-х годов постоянно давала сбои. Президент Ельцин мало интересовался военными вопросами и гораздо больше внимания уделял созданию системы «сдержек и противовесов» внутри исполнительной ветви власти, и едва ли не в первую очередь в рамках силового сообщества. Соперничество Минобороны, МВД и ФПС в коридорах власти фактически поощрялось, а их сотрудничество на поле боя считалось делом само собой разумеющимся.

Роль Совета безопасности как координатора исполнения принятых решений часто оставалась на бумаге. Связав членов политического ру-

ководства страны коллективной ответственностью за начало Чеченской войны, Совбез вслед за тем редко занимался Чечней и тем более не осуществлял каждодневную координацию действий министерств и ведомств. После Хасавюртовских соглашений он, напротив, на два года (1996—1998 гг.) превратился в своего рода «министерство по делам Чечни». Секретарь Совбеза в тот период Иван Рыбкин явно уступал своему номинальному заместителю Борису Березовскому. Для решения вопросов, не имевших отношения к Чечне, в Кремле создали фактически параллельную организацию — Совет обороны. Сходная ситуация возникла после кадровых перестановок марта 2001 г., когда Путин решил усилить ведомства и свой контроль над ними за счет резкого ослабления Совета безопасности.

В кризисных ситуациях российская система «сдержек и противовесов» демонстрировала полную беспомощность. Решение о начале операции в Чечне (ноябрь — декабрь 1994 г.) принималось на Совете безопасности так, как будто «афганского» опыта Политбюро ЦК КПСС не существовало вовсе. Ситуация в Буденновске (июнь 1995 г.) застала высшие государственные органы врасплох. В отсутствие президента управление и ведение переговоров с террористами вынужден был взять на себя лично премьер Виктор Черномырдин, но различные начальники, собравшиеся на месте инцидента, лишь мешали друг другу.

Ставка на МВД как «головную структуру» в Чечне в 1994—1995 гг. оказалась неудачной. Войска Минобороны подчинялись «вэвэшникам» с большой неохотой. С самого начала второй войны положение было изменено: на этапе разгрома основных сил боевиков «головным» ведомством являлось именно военное командование. Место же Внутренних войск было определено в «зачистках» населенных пунктов и в подержании правопорядка после окончания боев.

В военной доктрине 2000 г. была предпринята попытка распределить ответственность за выполнение различных задач теми или иными составляющими военного сообщества. Так, за Вооруженными силами закреплялись «разгром и ликвидация незаконных вооруженных формирований, создание условий для полномасштабного урегулирования конфликта». Внутренние войска должны отвечать за «восстановление законности и правопорядка, обеспечение общественной безопасности и стабильности». Спецслужбы назначались ответственными за собственно борьбу с терроризмом⁵⁶. Это последнее положение было установлено принятым еще в 1998 г. законом о борьбе с терроризмом.

На деле реализовать такое распределение ролей оказалось трудно. Лишь спустя более полугода после объявления об окончании боевых

действий (т. е. в январе 2001 г.) ответственность за контртеррористическую операцию была официально возложена Кремлем на ФСБ.

Плохая координация действий силовых структур — свидетельство распада прежней авторитарной модели управления и слабости, неразвитости демократических институтов власти. В этих условиях возникает соблазн рецентрализации по традиционной модели: «объединенные Вооруженные силы» (МО + ВВ + МВД + ЖВ) и «восстановленный КГБ» (ФСБ + ФПС + ФАПСИ + ФСО + СВР). Вряд ли, однако, новое полное сосредоточение власти в одних руках возможно (это потребовало бы как минимум превращения администрации президента в новый ЦК КПСС), а в той мере, в какой возможно, оно вряд ли эффективно.

РУССКОЕ ОРУЖИЕ

Один из самых ярких образов первой Чеченской войны — танки, идущие на новогодний штурм Грозного. Танки — главный символ недавней советской военной мощи — быстро становились легкими целями боевиков. Всего за первую кампанию федеральные войска потеряли более 200 танков, БМП, БТР. Проблема заключалась не только в недостатках конструкции боевых машин (их в конце концов модернизировали) или в просчетах военного искусства, требующего, чтобы танки участвовали в боевых действиях в населенных пунктах в составе штурмовых групп, под прикрытием пехоты. Гораздо важнее было то, что вооружения, созданные и предназначенные для разгрома крупных регулярных сил противника на равнинной местности, оказались неприменимы в противоборстве с партизанами. Нечто подобное произошло еще в начале 80-х годов в Афганистане, но в тогдашних условиях Афганистан был исключительной ситуацией, а «нормой» оставалось противостояние в Центральной Европе и на Дальнем Востоке.

Образ второй чеченской кампании — во всяком случае, ее начала: артиллерийские и ракетные удары по позициям боевиков. В результате ударов боевики были вынуждены отступать, но при этом многие населенные пункты подвергались колоссальным разрушениям. На рубеже 1999—2000 г. Грозный был разрушен настолько, что вплоть до середины 2001 г. уже не мог даже номинально функционировать в качестве административного центра Чечни. Столица была перенесена в практически не пострадавший Гудермес, об освобождении которого от боевиков федеральное командование сумело договориться с местными авторитетами.

В Чечне российская армия оказалась одновременно сверхвооруженной и лишенной эффективных средств ведения боя. При огромной

«номинальной» огневой мощи у нее практически отсутствовали высокоточное оружие, современные средства связи, управления и разведки, оружие ночного боя. Так, доля современного вооружения и техники в Сухопутных войсках составляла в среднем 22%, но при этом в средствах разведки — 7%, в армейской авиации — всего 2%⁵⁷. Состояние танкового, самолетного парка практически не изменилось со времен войны в Афганистане. В феврале 2002 г. после серии из пяти катастроф военно-транспортных вертолетов командование было вынуждено просить о срочной замене парка армейской авиации. Нужная техника (вертолеты Ка-50, Ка-52, Ка-60, полевой пункт управления) выпускались в единичных экземплярах. Первые «черные акулы» (вертолеты Ка-50, всего несколько машин) поступили в Чечню только в январе 2001 г. Помимо финансовых причин сдерживающее влияние оказывает нежелание военных промышленников рисковать в боевых условиях репутацией техники, которая усиленно продвигается на зарубежные рынки. Есть и другие соображения. Конструктор современного автомата «Абакан» Геннадий Никонов жаловался, что его изделие поступает в Чечню в строго ограниченном количестве из-за боязни, что оно немедленно окажется в руках противника⁵⁸.

В результате во вторую кампанию, как и в первую, военные были вынуждены снимать исправные агрегаты с техники, подлежащей ремонту, и устанавливать на системы вооружения, предназначенные для ведения боевых действий⁵⁹. Некоторые улучшения произошли в боевой экипировке войск и их оснащенности средствами выживания. В 1994 г. армия вошла в Чечню, не имея элементарных средств индивидуальной защиты (бронежилетов), в сковывавших движения шинелях и неудобной обуви (какой-то спонсор подарил одному из подразделений кроссовки). В 1999 г. солдаты были защищены, одеты и обуты несколько лучше. Тем не менее отсутствие современного вооружения и техники продолжает оставаться одной из существенных причин высокого уровня потерь среди военнослужащих и в целом жертв и разрушений в Чечне. Командиров, однако, все больше тревожит другое — растущее глобальное военно-техническое отставание российской армии от США⁶⁰.

«Впервые за всю историю нашей страны, — отмечает М. Гареев, — российская армия начинает качественно уступать эвентуальному противнику по ряду параметров (средства связи, разведки, РЭБ, ВТО и др.)»⁶¹. Косвенно это заявление указывает на того, *кого* высшее командование продолжает считать «эвентуальным противником». Для того, чтобы быть на одном уровне с ним, не хватает не только современного оружия, но и технически подготовленных расчетов, экипажей, команд. Сложная и дорогая техника быстро выводится из строя. Офицеры и

солдаты подвергают себя неприемлемому риску. В авиации, например, налет часов у летчиков составляет в среднем 20—30 часов по сравнению с 120—150 часами в ВВС стран НАТО. Конечно, в Чечне и в Таджикистане (вертолетчики) экипажи проводят в воздухе гораздо больше времени, но сочетание недогрузок и перегрузок не может быть благоприятным.

Большая часть содержимого российских арсеналов не только предназначена для классических войн, что понятно, но и устарела. Новое вооружение не производится не только из-за нехватки средств, но и из-за их неэффективного расходования. Наконец, половина того, что все же производится, поступает на экспорт, а не в российские вооруженные силы.

Вторая чеченская кампания позволила военным громче заявлять о своих потребностях. По подсчетам тогдашнего начальника вооружений российской армии генерал-полковника Анатолия Ситнова, в 2000 г. «для нормального воспроизводства» вооружений и боевой техники требовалось 16 млрд долл.⁶² Эта цифра вдвое превышала весь годовой военный бюджет. Тем не менее был составлен конкретный план перевооружения 42-й дивизии, предназначенной для постоянной дислокации в Чечне. На закупку средств связи, бронетанковой и автомобильной техники, комплектов индивидуальной бронезащиты предполагалось истратить 2,5 млрд руб. — почти 100 млн долл.

Главное — война создала спрос. Под ее влиянием произошли некоторые сдвиги в пропорциях российского военного бюджета. Доля средств, отпускаемых на содержание личного состава и текущие потребности, сократилась с почти 70% до примерно 60%.⁶³ В результате несколько выросли ассигнования на закупки и НИОКР. Военное производство, получившее соответствующий импульс, выросло в 2000 г. от 8% до 25% по различным регионам. Тем не менее военно-техническая политика до конца не сформулирована. Не определившись окончательно с угрозами, противником, характером войн и особенностями театров военных действий, военно-политическое руководство не может решить, на какие вооружения и в каких количествах следует сделать ставку.

«РУССКИЙ СОЛДАТ СИЛЕН МОРАЛЬНЫМ ДУХОМ...»

Войны воспитывают офицеров и солдат, формируют особую военную культуру, приводят к образованию неформальных ассоциаций ветеранов, даже военных кланов и каст. В этом смысле «войны южного направления» имеют огромное значение для того, что можно назвать «человеческим компонентом» российской военной организации.

О генералах-политиках и государственных деятелях будет сказано дальше. Здесь же мы при всей условности сравнений рискнем провести параллель с деятелями Кавказской войны. Великий князь Константин Павлович называл генерала Алексея Ермолова проконсулом Кавказа. Фактически Ермолов претендовал на то, чтобы вести войну по собственному усмотрению, в том числе вмешиваясь в дела соседних государств. Он не был исключением. Другие наместники — Бярятинский, Цицианов, Воронцов — действовали в отрыве от Петербурга, принимая самостоятельные решения. Несмотря на совершенствование средств связи за прошедшие полтора-два века, приходится констатировать рост самостоятельности военачальников при переходе от статичной конфронтации к локальным войнам.

Портреты генералов Ермолова и Бярятинского висят в штабах российских войск на Северном Кавказе. В армии проводятся конкурсы имени генерала Скобелева. В свое время через Афганистан прошло около 600 тыс. человек, в том числе значительная часть офицерского корпуса Сухопутных войск. Начиная с 90-х годов офицерский корпус проходит чеченскую «стажировку». По некоторым подсчетам, ее прошли около 8% офицеров. В отличие от своих предшественников XIX столетия современные офицеры — не «кавказцы», поскольку многие ездят в краткосрочные (от двух до четырех месяцев) командировки. Они в минимальной степени романтики и рыцари имперской идеи, хотя «тип солдатского сознания, который можно определить как тип служилого стоицизма»⁶⁴ присутствует в войсках и сейчас.

Чеченская война фактически впервые в отечественной истории остро поставила вопрос об оплате воинского труда в боевых условиях. Полуторный оклад офицера плюс суточные являются малопривлекательными. В начале второй кампании была предпринята попытка приравнять жалование воинов-«чеченцев» к денежному содержанию российских миротворцев на Балканах. Многие офицеры в этих условиях просили направить их в Чечню, поскольку не видели другой возможности скопить на квартиру. Поразительно, но число бесквартирных военнослужащих за 90-е годы не сократилось, несмотря на резкое сокращение Вооруженных сил. Контрактники откровенно ехали в Чечню, чтобы заработать. Начались задержки с выплатами «боевых» денег в 2000 г. Российские власти, однако, не сумели в полной мере выполнить данные обещания. Результатом стали не только судебные иски, но и протесты, такие, как пикетирование штаба СКВО. Хуже того, была дискредитирована служба по контракту как таковая. Создается ситуация, напоминающая наемные армии Европы XVIII в.: рекрутирование солдат среди авантюристов и бедняков, отказ после окончания военной

кампании расплатиться с ними и, как следствие, солдатские бунты. Весной 2001 г. президент Путин был вынужден лично слетать в Чечню, чтобы разобраться с проблемой денежных выплат офицерам⁶⁵. Острота проблемы ослабла только с затиханием масштабных военных действий.

Притом что в Чечне, как и в российской армии в целом, существует огромный (50%) некомплект офицеров ротного и взводного звена, групповая тактика действий требует большей самостоятельности и ответственности военнослужащих. Командование в этой связи вынуждено признать, что профессиональный уровень и моральные качества выпускников военных училищ не соответствуют потребностям вооруженных сил⁶⁶.

Чеченская война указала на фундаментальный изъян российской армии. В ней фактически отсутствует корпус профессиональных младших командиров. В условиях войны, особенно такой, как чеченская, где роль сержанта резко возрастает, это просто недопустимо. После окончания первой чеченской кампании созданием профессионального сержантского корпуса пытался заняться назначенный министром обороны Игорь Родионов.

Эта задача оказалась для военного ведомства слишком сложной. «Войны южного яруса» стимулировали наем на военную службу по контракту. Не везде, однако, опыт «контрактников» оказался удачным. В Таджикистане ими удалось укомплектовать всю 201-ю дивизию, которую часто называют одним из самых боеготовых, боеспособных и дисциплинированных соединений российской армии. Вместе с тем неясно, насколько личный состав дивизии готов к выполнению задачи, связанной с риском для жизни. В Чечне, где такой риск в настоящее время максимален, напротив, контрактники не играют решающей роли. Их присутствие в войсках приводит к негативным последствиям: действия контрактников часто отличаются неоправданной жесткостью по отношению к местному населению.

Чеченская война стала одним из побудительных стимулов для массовых уклонений от призыва на действительную военную службу. При ежегодном призыве 180 тыс. человек среднее число «уклонистов» составляло 20—25 тыс., а в 1998 г. достигло 36 тыс. Даже Северный Кавказ не отличается от других регионов в смысле стремления избежать службы в армии⁶⁷. Качество призывного контингента продолжает падать. Далеко не антиармейски настроенный очевидец писал за несколько месяцев до второй чеченской кампании: «То, что чуть ли не половина солдат-срочников страдает серьезными соматическими или психическими расстройствами, — стало уже обыденной реальностью»⁶⁸.

Первая чеченская кампания вскрыла вакуум, образовавшийся в морально-психологической работе после упразднения политорганов и прекращения деятельности организаций КПСС. В войсках преобладало чувство растерянности. Оно усугублялось ощущением того, что от воюющей армии отвернулись и власти, и общество. Даже награждение 120 человек званием Героя России⁶⁹ не переломило ситуацию. Стране было не до войны. Вторая кампания, напротив, дала старт официальной пропаганде патриотизма. В мемуарах Ельцина содержится выспренная фраза о том, что «фигура российского солдата, защищающего страну и порядок на ее территории... становится объединяющим, мощным национальным символом»⁷⁰. Патетика, однако, не могла заменить серьезной систематической работы.

Преемник Ельцина Путин предпринял ряд символических шагов для поднятия морального духа вооруженных сил начиная с прилета в Чечню 31 декабря 1999 г., через несколько часов после принятия на себя обязанностей президента. Год спустя Красное знамя с двуглавым орлом было утверждено в качестве символа Сухопутных войск (в Чечне и до того многие танки и БТР ходили именно под красным флагом, а не под российским триколором). Президент утвердил новое положение о гвардии. Хотя неясно, чем станет новая российская гвардия, можно предположить, что в отличие от советской она будет создаваться из отличившихся в «южных войнах». Наконец, Путин заставил крупных предпринимателей делать «добровольные» взносы в фонд помощи военнослужащим и их семьям. «Российское воинство» получает поддержку также со стороны Русской православной церкви⁷¹. Переломить ситуацию, однако, не удалось. Вооруженные силы находятся на грани разложения. Более половины потерь во второй чеченской кампании (а в отдельных частях до 80%) — результат «неуставных отношений», нарушений правил техники безопасности и других небоевых ситуаций⁷². Страна в целом поддерживает войну, но после занятия Грозного все меньше интересуется ею.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В интервью Радио «Свобода» бывший глава российского парламента Руслан Хасбулатов, опираясь на «данные с мест», назвал цифру потерь во второй чеченской кампании — 100 тыс. человек, т. е. больше, чем в первой. По словам российских генералов, в результате контртеррористической операции погибло не более 1—2 тыс. мирных жителей. Официальных данных на этот счет нет⁷³.

Чеченская война — первая, в которой Россия всерьез столкнулась с вопросами правового характера из области национального и междуна-

родного права. Это было обусловлено рядом причин. Во-первых, несовершенством внутреннего законодательства. Первая кампания велась в отсутствие режима чрезвычайного положения, под совершенно неадекватным ситуации лозунгом «защиты конституционного порядка». Вторая кампания была официально провозглашена «контртеррористической операцией», так как опиралась на закон о борьбе с терроризмом. Во-вторых, официальной установкой администрации Путина на формирование «диктатуры закона» и необходимостью подкреплять эту декларацию какими-то действиями. От власти, в частности, продолжают ждать ответа на вопрос о виновных во взрывах домов в Москве и других городах осенью 1999 г., в результате которых погибло около 300 человек. В-третьих, международным давлением. Россия вступила в Совет Европы в начале 1996 г., но только начиная с осени 1999 г. Совет и особенно его Парламентская ассамблея (ПААСЕ) начали не только критиковать методы проведения военной операции в Чечне, но и ставить вопрос о санкциях против России. Критика звучала и со стороны ОБСЕ.

В ответ власти решили обратить внимание на юридическую практику. В начале 2000 г. после скандала с задержанием, передачей чеченцам и повторным арестом корреспондента Радио «Свобода» Андрея Бабицкого состоялось судебное разбирательство, фактически завершившееся оправданием журналиста. Президент Путин назначил Владимира Каламанова своим специальным представителем по обеспечению прав и свобод человека в Чечне. Тогда же был арестован полковник Юрий Буданов, обвиненный в убийстве чеченской девушки.

Суд над Будановым стал первым судом над офицером столь высокого ранга, обвиненном в преступлении в ходе военных действий. Процесс поляризовал российское общество. Министр обороны Иванов заявил, что «Буданов — это жертва и обстоятельство, и недостатков законодательства, которые у нас существуют» и что он, министр, ему «почеловечески сочувствует»⁷⁴. Многие военные (например, командующий СКВО генерал-полковник Геннадий Трошев) резко высказались против осуждения Буданова. Сходную позицию занял ставший ульяновским губернатором генерал Шаманов. Шумную националистическую кампанию развернули ЛДПР и правоэкстремистское «Русское национальное единство» (РНЕ). В этих условиях дело попытались «спустить на тормозах». Буданов был подвергнут психиатрическому освидетельствованию и признан невменяемым в момент совершения преступления. Однако в дальнейшем власти, опасаясь последствий столь скандального исхода процесса, распорядились провести новое освидетельствование. «Дело Буданова» иллюстрирует проблемы «переходного периода» в становлении правового государства в России.

Так называемые зачистки чеченских городов и сел часто сопровождаются насилием и грабежом. Хотя большинство претензий выдвигается против военнослужащих Внутренних войск МВД и бойцов ОМОН, на начало апреля 2001 г. в производстве находилось 64 уголовных дела против военнослужащих Вооруженных сил⁷⁵. Всего же с августа 1999 по декабрь 2000 г. было заведено 748 уголовных дел⁷⁶. Лишь небольшое их число касалось, однако, преступлений против гражданских лиц: 14 по состоянию на июль 2000 г., 35 полгода спустя⁷⁷. До суда над Будановым было осуждено всего семь военнослужащих, в основном невысокого ранга⁷⁸. По признанию генерала Трошева, в войсках отсутствует система мер, предупреждающих мародерство⁷⁹.

Существенной проблемой для командования является разложение армии в условиях недостаточного контроля. Тезис о «коммерческом характере» войны с обеих сторон находит массу конкретных подтверждений. Общим местом стали сообщения о том, что добываемая в Чечне кустарным способом нефть продолжает нелегально поступать в Дагестан и другие регионы Северного Кавказа — теперь уже под «крышей» военных⁸⁰. Особенно опасное явление — продажа противнику вооружения, техники и боеприпасов, а самое отвратительное — дикие случаи продажи российских солдат в фактическое рабство чеченцам⁸¹.

Торговля людьми, даже труппами стала повсеместным явлением. Особенно остро стоит вопрос о пропавших без вести, которых даже по официальным данным к началу лета 2001 г. насчитывалось 930 человек⁸². Власти завалены жалобами на ОМОН, особенно на контрактников, которых обвиняют в грабежах, издевательствах и даже массовых убийствах⁸³. «Чеченцы видят, — резюмирует журналист Шамсудин Мамаев, — что российские офицеры очень похожи на их собственных полевых командиров — так же любят деньги и уважают не закон, а кулак. Но командиры все-таки свои, а офицеры — чужие»⁸⁴. Реальные преступления или даже только слухи о них рекрутируют чеченцев в ряды боевиков.

Несмотря на существенный «административный ресурс», которым располагают власти, исход судебных разбирательств нельзя во всех случаях считать заранее предопределенным. Российской судебной системе приходится заниматься тем, чем в первую кампанию занимались в основном СМИ, — расследованием преступлений и правонарушений. От того, насколько объективно суды будут выполнять свои функции в «чеченских делах», во многом зависит, как будет проходить в России процесс становления «третьей власти».

Особую проблему составляет профессиональный фактор. Выше уже отмечалось, что начиная с Афганистана вначале Советский Союз, а

затем Российская Федерация ведут войны с одним и тем же противником — исламскими моджахедами. С отменой официального атеизма и параллельными процессами православного и исламского возрождения появляются условия для возникновения конфликтов в армии на конфессиональной почве. Примерно каждый десятый российский солдат — мусульманин, но среди офицеров и тем более генералитета доля мусульман гораздо ниже. Кроме того, очень активно действует в войсках Русская православная церковь. Превращение российской армии в «православное воинство», однако, может создать серьезные проблемы, в том числе для самих военных.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ

Первая чеченская кампания проходила в условиях поразительной открытости — непосредственно под камерами российских и международных СМИ. В результате власти, которые по существу не имели в сфере информации четко сформулированной политики, потерпели сокрушительное информационное поражение. Это поражение, в свою очередь, привело к жесточайшему кризису доверия к государству, правительству, армии. Среди «государственнической» части элиты стало распространяться уныние, неверие в свои силы. Появились параллели со столь же неожиданно и позорно проигранной русско-японской войной⁸⁵. Новые комплексы наложились на еще не преодоленные старые. Интернационализм советского периода остался в прошлом, русское самосознание деформировалось в направлении национализма, российское еще не сложилось.

С приходом Путина на пост премьер-министра власти критически оценили причины этого поражения и извлекли необходимые уроки. Вместо «вьетнамского опыта» был взят на вооружение опыт информационного «блэкаута», практиковавшегося США в ходе конфликта в Персидском заливе и НАТО — в конфликте в Косово. В результате вторая кампания явилась прямой противоположностью первой. Журналистам был предоставлен сугубо дозированный доступ к информации. Попытки выйти за пределы официоза жестко пресекались. Военное начальство стало активно работать с журналистами, добываясь от них сотрудничества и помощи в создании привлекательного образа армии.

Тезис о «внутреннем враге», захватившем контроль над телевидением и прессой и «размывавшем нравственные ориентиры»⁸⁶, возник еще в первую кампанию. В Кремле тогда многие видели в антивоенно настроенных журналистах предателей. Лишь твердая позиция Ельцина предотвратила в тот момент свертывание свободы слова.

Ситуация стала меняться с началом косовского кризиса. Российское общественное мнение однозначно встало на сторону сербов. Антизападные, антиамериканские настроения достигли невиданного прежде пика. В этих условиях рейд российских десантников из Боснии в Косово был удачно представлен «военно-полевым *пиаром*» как «триумфальный марш-бросок». Официальные и «теневые» пропагандисты, манипулируя державным сознанием, получили «свободу творчества» в выстраивании рисунка контртеррористической операции, согласовывая с высшим руководством лишь «отдельные детали»⁸⁷.

Технология, примененная во второй чеченской кампании, базировалась на следующих основных принципах:

- сузить доступ к первичной информации;
- готовить информацию самим военным с последующей выдачей ее для общего пользования;
- исключить демонстрацию мерзостей войны, страданий солдат, ошибок командования;
- делать упор на зверствах чеченцев;
- создавать новый образ российской армии, «побеждающей заклятого врага в справедливой войне»⁸⁸.

Обращение к чеченским материалам стало для российских СМИ проблематичным в условиях резкого всплеска античеченских настроений в российском обществе и опасным в условиях действия закона о борьбе с терроризмом. На конфликт с военными, подобно обозревателю «Новой газеты» Анне Политковской, шли немногие. Иностранные СМИ, разумеется, были свободны от этих ограничений, но они, за исключением Радио «Свобода» (вспомним случай Андрея Бабицкого) практически не влияли на широкую российскую аудиторию.

Единственным телеканалом, который отказался следовать новым правилам властей, стало НТВ Владимира Гусинского. Резкая критика войны в Чечне на НТВ явилась одной из основных причин решения Кремля сменить владельца канала и добиться изменения его информационной политики. Ненависть к НТВ со стороны государственнического крыла российской элиты возникла еще в первую чеченскую кампанию, когда к телеканалу был приклеен ярлык «российского апологета “ичкеризма”»⁸⁹. Стал усиленно распространяться тезис: НТВ — враг возрождения России как великой державы, но пока Ельцин оставался у власти, медиаимперия Владимира Гусинского находилась в относительной безопасности. С приходом к власти Путина, однако, призыв «передать [НТВ] в чистые руки»⁹⁰ совпал с намерением властей уничтожить самостоятельное политическое влияние «олигархов».

Официальная военная пресса (прежде всего «Красная звезда»), ветеранские организации заняли воинственную позицию по отношению к «фактам грубого оскорбления армии» в передачах НТВ. Речь шла не только о полемике. «Нам навязали информационную войну, — заявляли государственники. — А на войне, как на войне — нужны упреждающие удары»⁹¹. В апреле 2001 г. государство через «Газпром» установило контроль над НТВ и печатными изданиями, принадлежавшими Гусинскому. Реакция общества на «угрозу свободе слова» оказалась вялой.

После смены владельца НТВ общественная критика методов ведения войны в Чечне стала гораздо приглушеннее. Даже закрытый в начале 2002 г. канал ТВ6, принадлежавший другому оппозиционному «олигарху» Борису Березовскому, освещал тему Чечни довольно скупо. В то же время затягивание войны порождает в обществе ощущение безысходности. Ни политические, ни военно-полицейские меры властей не рожают надежды на стабилизацию ситуации в Чечне в обозримом будущем. В этих условиях россияне пока что готовы мириться с продолжением войны — при условии, что их лично эта война напрямую не затронет. Общество еще не настолько устало от войны, чтобы требовать от властей изменения политики. Власти и военные очевидно нервничают. Политики — потому что сами видят бесперспективность курса на полное искоренение сепаратизма, но не в силах его изменить. Военные — потому что опасаются предательства со стороны политиков и того, что на них вновь свалят вину за провал⁹².

Нейтрализовав идеологического противника, власти стали создавать положительный образ армии, компенсируя 15 лет «очернительства отечественной истории». Характерным в этом контексте выглядит следующий пассаж, принадлежащий бывшему ведущему идеологу российского военного ведомства, в 1996—2001 гг. первому заместителю начальника Генштаба, а ныне члену Совета Федерации генерал-полковнику Валерию Манилову: «...Наши предки... и это знают хорошо во всем мире, поступали как подлинные гуманисты. Если они действовали на своей территории, то они защищали свою землю, оберегали своих земляков, свой народ от врага. Если им приходилось действовать на территории других государств, то они приходили туда как воины-освободители... Наиболее полно и ярко гуманизм наших офицеров и солдат проявляется в ходе контртеррористической операции в Чечне... Отдельные факты несоблюдения норм и принципов гуманитарного права, права вооруженных конфликтов, которые допускаются отдельными военнослужащими, становятся предметом углубленного и принципиального разбирательства правоохранительных органов»⁹³.

Эти тезисы не повисли в воздухе. В декабре 1999 г., в самый разгар второй чеченской кампании, правительство приняло решение о возобновлении военной подготовки учащихся 11-х классов. В начале 2001 г. была принята государственная программа патриотического воспитания граждан на 2001—2005 гг.⁹⁴, предполагающая сотрудничество министерств обороны и образования в деле защиты духовных ценностей, изучения российской военной истории. Финансирование проекта, однако, оказалось скромным (около 180 млн руб.)⁹⁵. Одним из направлений этой работы становится создание нового единого учебника по истории современности и, соответственно, выработка официальной версии истории России. В начале 2002 г. глава Русской православной церкви патриарх Алексий II поднимал вопрос о желательности преподавания в государственных школах основ православия.

ПОПЫТКИ СКОНСТРУИРОВАТЬ «ПРАВИЛЬНУЮ» ВЕРСИЮ ИСТОРИИ

Военные пропагандисты действуют не только совместно с гражданскими коллегами, но и самостоятельно. Они получили указание бороться «против различного рода политических спекуляций, которые в конечном итоге используются экстремистами для разжигания... кровавых событий». Более того, «воссоздание подлинной истории Кавказа» считается «одним из важнейших условий успешного завершения контртеррористической операции, утверждения мира в регионе». Основные тезисы «подлинной истории» российско-кавказских отношений были изложены в начале 2001 г. ведущими военными российского Министерства обороны на страницах «Красной звезды»⁹⁶. Их можно свести к следующему.

- В истории России и Кавказа были не только войны. Русские казаки мирно расселялись к северу от Терека с XVI в. Россия косвенно освободила чеченцев от угрозы со стороны Золотой Орды.
- Кавказские народы сами призывали Россию на Кавказ, ища ее помощи от хищников — турок, персов и крымских татар. Даже когда местные правители были за турок или персов, простой народ надеялся на Россию.
- Соперничество России с Турцией и Ираном имеет традиционный характер. На Северном Кавказе турки обычно выступали в качестве подстрекателей, они также пытались «придать распространению мусульманства... антироссийскую направленность».
- Страны Запада (прежде всего Англия и Франция) неизменно поддерживали Турцию против России.

- Лидеры антироссийских выступлений в Чечне — самозванцы, а не выразители чаяний простого народа. Их конечная судьба — сидеть в российской тюрьме.
- Протекторат над Кавказом — ненадежная форма обеспечения российских интересов в регионе. Предпочтительная форма — непосредственный контроль с включением в состав империи.
- Причина Кавказской войны — в столкновении державных российских интересов (геополитической необходимости обеспечения надежной связи закавказских владений с центральными губерниями России) и традиционного уклада жизни горских народов (абречество, похищение людей, заложничество).
- Жестокость в ходе Кавказской войны была обоюдной.
- Переселение горцев в Османскую империю — не столько результат «выдавливания» со стороны царского правительства, сколько подстрекательства со стороны Порты.
- В процессе интеграции Кавказа в состав империи власти проявляли уважение к мусульманству, обеспечивая при этом лояльность себе со стороны духовенства.
- Рассуждения о Российской империи как о «тюрьме народов» носят не только некорректный, но и провокационный характер. Имперская политика России коренным образом отличалась от колониальной политики Запада, а также Османской Турции и Ирана. Русские не были господствующей нацией, ни один кавказский народ не исчез, все получили возможность развиваться быстрее.
- Развал империи в 1917 г. был обусловлен не национальным гнетом, а ослаблением центральной власти и поддержкой автономистов-националистов со стороны российских социал-демократов.
- Придя к власти, кавказские националисты столкнули регион в пучину кровавых междоусобиц. Советизация Закавказья посредством Красной армии покончила с этническими конфликтами, предотвратила вооруженную экспансию со стороны Запада и Турции.
- Советская власть совершала ошибки в национальной политике, когда создавала этнические автономии и ущемляла права местного русского населения (казаков).
- Чечня в составе РСФСР вплоть до Великой Отечественной войны была очагом вооруженного бандитизма, повстанческого движения, с которым властям приходилось бороться военными методами.
- Во время Отечественной войны угроза тылу Красной армии со стороны чеченских повстанцев была реальной, но ответные действия советского руководства были неадекватны. Депортация чеченцев и других народов была несправедливой, но она была мотивирована по-

литическими, а не этническими соображениями. Русский народ не имел к решению Сталина никакого отношения.

Приведенные тезисы отличает внешне объективный, сбалансированный взгляд на историю последних столетий. Феномен империи (царской, советской) представлен со многих, в том числе теневых сторон, хотя его общая оценка авторами, без сомнения, положительна. Это ключевой момент. Читателя вплотную подводят к выводу, сделать который он должен сам: решение проблем Кавказа (по контексту — Северного, хотя при небольшом расширении аргументации можно говорить о Кавказе в целом) — одно, и это сильная российская государственная власть и преобладание России в регионе. Такой вывод ориентирует российскую политику на следование рецептам прошлого, а российскую общественность — на поддержку такого курса, все менее адекватного меняющимся реальностям.

Подобно чеченским кампаниям кризисы в Центральной Азии стали поводом для ревизии истории Афганской войны 1979—1989 гг., которая в начале 90-х годов считалась «позорным поражением СССР» и одновременно символом «преступлений КПСС в области внешней политики». По оценке генерала М. Гареева, военного поражения в Афганистане не было: «Наши войска по приказу своего правительства организовано пришли в эту страну и организовано из нее ушли, а не бежали, как американцы из Вьетнама. Проигранных сражений и операций там не было, но и войну в целом выиграть не удалось, главным образом не по военным, а по политическим причинам». Вывод генерала: ошибка ухода из Афганистана хуже, чем «якобы преступление» ввода войск в эту страну. В итоге Россия лишилась важного буфера, способного оградить ее от исламского экстремизма. В такой оценке, разумеется, нет ни слова о вкладе советского вмешательства в развитие исламского экстремизма.

АРМИЯ И ПОЛИТИКА: ГРАЖДАНСКО-ВОЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В период коренной трансформации страны советская, а затем российская армия постепенно, но неизбежно вовлекалась в политику. Начиная с 1989 г. войска участвовали в политических и межэтнических конфликтах на окраинах тогдашнего Союза. В августе 1991 и сентябре — октябре 1993 г. военная сила становилась важнейшим аргументом в решении вопроса о том, кому должна принадлежать высшая власть в столице и стране. Быстрая смена политических режимов, экономический переворот, крах прежних ценностей, провал системы управления и контроля, частичная демократизация общественной жизни (свобода

слова, неподцензурность СМИ) бросили армию в совершенно иную среду. В результате многие военные с головой ушли в политику.

Вторая мировая война дала Советскому Союзу два поколения офицеров, которые определяли лицо Вооруженных сил вплоть до конца 70-х годов. Самые молодые из ветеранов успели повоевать еще в Афганистане, а некоторые из них даже погибли там. Эти люди привыкли воевать с самыми мощными военными державами и коалициями своего времени или жестко противостоять им. Спустя 30—35 лет после окончания войны они стали естественно уходить с руководящих постов, уступая место более молодым. К началу 90-х годов ротация была завершена. Пришедшее на смену ветеранам Отечественной более молодое поколение воспитывалось уже в условиях локальных войн новейшего периода, первой из которых стала десятилетняя Афганская.

Афганская война (1979—1989 гг.) дала армии целую группу офицеров, которые уже вскоре не только встали во главе Вооруженных сил России, но и превратились во влиятельных политиков: Борис Громов, Павел Грачев, Александр Руцкой, Александр Лебедь, Руслан Аушев⁹⁷. Точно так же Чеченская война стала новой кузницей кадров не только для армии, но и для государства. Достаточно назвать имена генералов Анатолия Квашнина, Анатолия Куликова, Виктора Казанцева, Геннадия Трошева, Владимира Шаманова, Льва Рохлина, Константина Пуликовского, Ивана Бабичева. В этом же ряду стоит генерал Эдуард Воробьев, бывший первый заместитель командующего ТуркВО в годы Афганской войны, который отказался в 1994 г. руководить неподготовленной операцией в Чечне, после чего ушел в политику и стал видным депутатом Госдумы.

Утрата власти КПСС, распад СССР произошли на удивление мирно. Россия избежала судьбы несчастной Югославии. Однако, по позднему признанию Ельцина, вплоть до 1996 г. «над Россией висела тень смуты, гражданской войны»⁹⁸. Насилие, хотя применялось сравнительно редко, постоянно «носилось в воздухе». Милитаризация политики шла параллельно с политизацией армии. Военная сила рассматривалась прежде всего (или даже исключительно) сквозь призму внутренних политических конфликтов. Павел Грачев не случайно и не в насмешку заслужил от первого президента России титул «лучшего министра обороны». Сохраняя лояльность Ельцину, он обеспечивал своему патрону надежный тыл. Более важных задач у главы военного ведомства в тот период не было.

Если в первые два года российскому руководству тем не менее удалось удерживаться от применения насилия в политических конфликтах, то с расстрелом здания парламента в Москве 4 октября 1993 г. важ-

ная черта была перейдена. С конца 1993 г. российские спецслужбы и армия негласно вовлекаются в вооруженную борьбу различных фракций за власть в Чечне. В декабре 1994 г., когда Ельцин принял решение послать войска в Чечню, Грачев проявил легкомысленную готовность исполнить волю верховного главнокомандующего, не перечая: ведь его положение главы ведомства всецело основывалось на расположении к нему первого лица государства.

В ходе первой чеченской кампании военные обвиняли российских политиков в прямом предательстве. По их убеждению, периодические перемирия и переговоры с сепаратистами «украли у армии победу»⁹⁹. В этой связи ряд высших военных решительно выступили против переговоров и любого компромисса с противником. За это они получили в российской прессе прозвище «партии войны». Справедливости ради необходимо отметить, что переговоры (и успешные) с Масхадовым еще в 1995 г. вел генерал-полковник внутренних войск Анатолий Романов, ставший жертвой покушения в Грозном, а Хасавюртовские соглашения подписал генерал-лейтенант Александр Лебедь.

И до начала войны на Северном Кавказе в верхнем эшелоне российской политики было немало лиц в униформе. Чеченская война еще шире открыла перед ними двери. Отказавшийся принимать звезду Героя России из рук Ельцина Лев Рохлин на короткое время превратился в вездущего левого оппозиционера. Опираясь на свое положение председателя думского комитета по обороне, он создал разветвленную организацию из отставных и действующих военнослужащих — Движение в поддержку армии. К моменту убийства Рохлина (1997 г.) оно начинало всерьез беспокоить власти.

Александр Лебедь, «брошенный Кремлем на Чечню», прекратил войну и стал настолько популярен, что осенью 1996 г. рассматривался в качестве реального преемника больного Ельцина. Антагонист Лебеда министр внутренних дел генерал Анатолий Куликов поднялся до поста вице-премьера и решительно вторгся в сферу регулирования экономических отношений, пока не был отправлен в отставку усилиями Березовского. Преемник Куликова генерал Сергей Степашин — глава ФСК в начале первой чеченской кампании — стал весной 1999 г. главой правительства и кандидатом в наследники Ельцину. Сам первый президент России признавался, что искал *честного генерала*, которому можно было бы передать власть — и нашел его в лице отставного полковника КГБ Владимира Путина, который «сдал экзамен» на политическую волю в ходе второй чеченской кампании.

Вторая война открыла дорогу во власть сотрудикам спецслужб. С Путиным пришли генералы Сергей Иванов и Виктор Черкесов. Пер-

вый стал секретарем Совета безопасности, а затем первым *гражданским* министром обороны, второй — представителем президента на Северо-Западе России. Вообще чекисты и армейцы стали важным кадровым резервом государства. Из семи назначенных в 2000 г. представителей президента в федеральных округах двое — Пуликовский и Казанцев — являются чеченскими ветеранами, но из пяти оставшихся трое также генералы. Много военных и среди заместителей полпредов, федеральных инспекторов и т. п. В 2000 г. генералы Громов, Шаманов и Кулаков (ФСБ), адмирал Егоров были избраны губернаторами, а в 2001 г. генералы Манилов и В. Кулаков (бывший главный воспитатель Вооруженных сил) стали членами Совета Федерации. Эта тенденция нашла продолжение и на губернаторских выборах 2002 г. (Смоленская область, Ингушетия).

В начальный период второй чеченской кампании генералы воюющей армии демонстрировали независимость от «политических начальников». Памятуя об опыте 1994—1996 гг., они всеми силами стремились удержать руководство боевыми действиями в своих руках. Генералы Трошев и Шаманов публично пригрозили отставкой в случае введения политических ограничений в ходе операции. Робкая попытка Путина через несколько дней после принятия на себя полномочий главы государства объявить перемирие в Чечне была открыто саботирована командованием, а невнятный кадровый шаг с перемещением строптивых генералов завершился конфузом. Исполняющий обязанности президента был вынужден публично признать, что «такими генералами, как Трошев и Шаманов, Россия не разбрасывается».

Военные не уставали повторять, что именно противоречивые приказы, поступавшие в войска в первую кампанию, спасли чеченцев от неминуемого разгрома. Многие считали, как уже упоминалось, что политики просто украли у них победу — причем небескорыстно. О связи придворных «олигархов» с чеченскими лидерами знали все. Популярность приобрела версия об «измене» в высших эшелонах власти. «Предательским» называлось в армейской среде, в частности, решение сдать Грозный боевикам в августе 1996 г.¹⁰⁰

В 1999 г., осторожно действуя в самом начале операции, командование затем стало требовать решительных действий. Генерал Квашнин добился от Путина и Ельцина санкции на любые шаги, способные привести к полному разгрому противника. Предложение остановиться на линии реки Терек, с которым выступили экс-премьеры Примаков, Степашин, Кириенко и мэр Москвы Лужков, было отвергнуто. Военным поставили четкую задачу, но не связали их сроками и не ограничили в применении средств поражения. В результате войска, как отмечали

наблюдатели, воевали «как положено», используя те вооружения, в которых у них абсолютное превосходство над боевиками: авиацию и артиллерию¹⁰¹.

Эта же ситуация, позволявшая быстро продвигаться к достижению конечной цели, жестко поставила проблему соотношения целей и методов войны. Ставка на силу породила нечувствительность к жертвам, далеко превосходящую даже первую кампанию. Лишения и разрушения — «побочный ущерб» — однозначно относились на счет коварства противника. Ельцин в своих мемуарах вообще снимает ответственность за них с российской армии¹⁰².

Эту позицию разделяло и большинство россиян. Главное — чтобы чеченская проблема, наконец, была решена. Отчаявшись решить ее путем «исключения Чечни из России», общественное мнение качнулось в противоположном направлении — к восстановлению контроля над мятежной провинцией любыми средствами. В реализации этой задачи они полностью положились на Путина и военных.

«Вторая Чечня» обозначила поворот в отношении общества к вооруженным силам. После вторжения Басаева и Хаттаба в Дагестан армия вновь стала восприниматься как защитница¹⁰³. Более того, армия была полностью реабилитирована в общественном мнении за неудачи первой кампании¹⁰⁴. Российское общество стало склоняться к традиционным ценностям в области обеспечения безопасности. Мир, не подкрепленный военной силой, стал вновь восприниматься как ненадежный. При этом военную мощь — в отличие от периода «холодной войны» — стали отождествлять не с ракетно-ядерным оружием, а с силами общего назначения. За 1996—2000 гг. значительно увеличилось количество сторонников содержания большой и сильной армии любой ценой, а число тех, кто считал, что армию нужно содержать по средствам, заметно сократилось¹⁰⁵.

В то же время российское общество в целом не было готово поставить мощь армии в иерархии приоритетов выше, чем экономическое благосостояние и качество управления страной. Правительство, увеличивая военные расходы, сосредоточилось на пакете экономических реформ. В итоге, по оценке военных, «произошел если не поворот, то полуоборот к нуждам армии»¹⁰⁶.

Фактически Чечня продемонстрировала и продолжает демонстрировать крайне неблагоприятное положение с гражданским контролем над российской военной организацией. Ослаб контроль над военными со стороны номинального политического руководства (так называемый *субъективный* контроль), не были развиты появившиеся в конце перестройки и в начале российской трансформации

предпосылки для общественного (*объективного*) контроля над военной организацией, а также внутреннего самоконтроля¹⁰⁷. Само общество пока что отказалось как от попыток контроля над военной организацией, так и от попыток влиять на ее природу. Единственное, что продолжало в какой-то мере заботить россиян, это вопрос о военных потерях, причем — надо особенно подчеркнуть это — *с российской стороны*.

ВОЕННЫЕ ПОТЕРИ

В Кавказской войне XIX в., как и в других войнах, которые вела Российская империя, а затем и СССР, солдатские жизни по традиции не жалели. Командование стремились решить задачи любой ценой. Население в принципе было готово эту цену платить, рассматривая жертвы войны как неизбежное зло и возлагая всю вину за них на неприятеля. Проблема потерь проникла в общественное мнение лишь начиная с Афганской войны. Большое впечатление на общественность оказали публикации в прессе о людских потерях советского периода, особенно времен Отечественной войны. Так проблема потерь стала занимать общественное сознание, а затем уже государственное руководство и военное командование. Последние были вынуждены переоценить отношение к боевым потерям, учитывая как изменения в отношении общественности, так и ухудшившуюся демографическую ситуацию.

Российские военные планировщики пытаются определить критический уровень потерь своих войск. Пороговыми значениями считаются 30% убитых и раненых в случае крупномасштабных операций против регулярных войск, и 12—15% для локальных войн типа Чеченской. После этого, по их мнению, вероятны антивоенные выступления и политический кризис. Оптимальные значения, по расчетам, не должны превышать 10—12% личного состава¹⁰⁸. При этом разрабатывается специальная классификация рисков¹⁰⁹.

В первой Чеченской войне, по официальным данным, погибло 4300 российских военнослужащих, в том числе более 3800 человек из состава Вооруженных сил (при средней численности объединенной группировки 70 тыс.), и в начале 1996 г. тогдашний нижегородский губернатор Борис Немцов без особого труда сумел собрать миллион подписей с требованием прекратить войну. Кампания 1999 г. с самого начала проводилась под лозунгом минимальных потерь, и вплоть до зимних боев в Грозном число погибших действительно было сравнительно невелико. Тем не менее, по данным российских военных, за первый год второй чеченской кампании погибло более 2500 федеральных военнослужащих и было ранено свыше 7500. Чеченские источники говорят о

15—20 тыс. убитых «федералов» за тот же период, а также о потере ими 27 истребителей, 40 вертолетов, свыше 1000 танков и БТР ¹¹⁰.

Сведения чеченской стороны явно завышены, но даже если исходить из официальных данных российского Министерства обороны, получается, что ежемесячные потери федеральных сил составляли в августе 1999 — июле 2000 г. 215 человек убитыми, в то время как в ходе первой войны (декабрь 1994 — август 1996 г.) такие потери составляли 190 человек в месяц. Кампания 1999—2000 гг. оказалась *более кровопролитной*, чем «пиковый» в смысле потерь год Афганской войны (1984) ¹¹¹. Наибольшие потери вновь пришлось на штурм Грозного. С лета 2000 г. ежемесячные потери существенно уменьшились. На 1 февраля 2001 г. число погибших подошло к 3 тыс. человек, раненых — превысило 8 тыс.

Российское общественное мнение довольно амбивалентно. Хотя его беспокоят непрекращающиеся сообщения о погибших и раненых, оно, по-видимому, считает уровень потерь приемлемым и пока согласно с властями и военным командованием в том, что если не вести войну, потеря будет много больше. В целом Чечня воспринимается как серьезная угроза национальной безопасности. Потери российских войск в Центральной Азии гораздо меньше. В Таджикистане за десять лет (1992—2002 гг.) погибло около 200 российских военных ¹¹². За исключением нападения на погранзаставу летом 1993 г., когда в ходе одного боя погибло 25 человек, эти жертвы не оказали сколько-нибудь заметного влияния на общественное мнение.

Чеченская война — первая, происходившая на фоне быстрой социально-экономической дифференциации российского населения. Хотя, как признают российские военные эксперты, в России как относительно бедной стране цена человеческой жизни ниже, чем в развитых странах Запада, вопрос о цене жизни и социально-экономической компенсации за риск уже поставлен в повестку дня ¹¹³.

ФИНАНСОВАЯ ЦЕНА ВОЙНЫ

Чеченская война легла существенным бременем на ослабленные российские финансы. В 1995 г. дополнительные расходы в связи с войной оценивались в 220 млн долл. ¹¹⁴ В 1996 г. Чечня поглотила 12% военного бюджета ¹¹⁵. В целом, однако, расходы на войну оказались сильными для бюджета. Войска использовали в основном вооружения, боевую технику, боеприпасы, произведенные еще в советский период. Гораздо существеннее были расходы «на мир», т. е. на восстановление разрушенного. Общеэкономический ущерб от первой войны составил, по некоторым оценкам, 5,5 млрд долл. ¹¹⁶

Важнее то, что вторая кампания в Чечне привела к перераспределению расходов федерального бюджета в пользу национальной обороны — это произошло в 2000 г. Бюджет 2001 г. (237,5 млрд руб., без учета 30 млрд военных пенсий) составлял почти пятую часть федеральных расходов. Расходы на все силовые структуры в целом поднялись до трети бюджета России. Военные круги с удовлетворением отмечали, что «руководство страны всерьез стало заниматься и укреплением государственности, и проблемами ВПК, и военной реформой»¹¹⁷.

Следует особо отметить, что начало второй чеченской кампании пришлось на период благоприятной для России конъюнктуры на мировом нефтяном рынке. Москва без особого напряжения тратила на войну по 10 млрд руб. в 1999 г. (август — декабрь) и в 2001 г. Пик расходов — 25 млрд руб. — пришелся на 2000 г., когда на войну шло до 20% военного бюджета. Расходы на восстановление выросли с 8 млрд руб. в 2000 г. до 14,5 млрд в 2001 г.¹¹⁸

Итак, Чеченская война не привела к финансовому банкротству России. В то же время следует согласиться с мнением депутата Госдумы Алексея Арбатова и его помощника Петра Ромашкина: в случае необходимости вести одновременно две локальные войны «чеченского типа» страну пришлось бы переводить в мобилизационное состояние¹¹⁹.

ВОЕННЫЕ СОЮЗНИКИ

Ответ на вопрос об актуальных противниках России позволил заново поставить и отчасти решить вопрос о союзниках. Вплоть до второй половины 90-х годов Москве не удавалось сплотить бывшие республики СССР в военно-политическом союзе, несмотря на подписанный в мае 1992 г. Договор о коллективной безопасности (ДКБ). Объединение на основе общего российско-советского прошлого сразу же оказалось явно бесперспективным: слишком по-разному рассматривалось это прошлое в Москве и в столицах новых независимых государств. Попытка создания в середине 90-х годов антизападного союза в ответ на расширение НАТО не встретила отклика ни у кого, кроме руководства Белоруссии. Единственной функционирующей военной структурой СНГ в 90-е годы оставалась Объединенная система ПВО, которая оказалась совершенно бесполезной в новых условиях. Лишь к концу десятилетия реальные угрозы, исходившие с юга, создали наконец предпосылки для нового альянса.

В свое время выбор Ташкента в качестве места подписания ДКБ определил ряд факторов: прекращение военного противостояния в Европе, отказ Украины от любых форм военно-политической интеграции с Россией, вооруженные конфликты в Закавказье и, наоборот,

стремление государств Центральной Азии — на фоне разгоравшейся гражданской войны в Таджикистане — заручиться поддержкой России в вопросах безопасности. Значение договора в момент его подписания не следует преувеличивать — он главным образом позволил разделить Советскую армию и ее вооружения, но выбор места подписания документа оказался чрезвычайно показательным.

Вскоре межтаджикский конфликт достиг пика, и Россия стала искать союзников для военной операции по прекращению гражданской войны. В 1993 г. были образованы Коллективные силы в Таджикистане (формально названные *миротворческими*), в которые вошли войска России, Узбекистана, Казахстана и Киргизии. Военная коалиция, однако, не состоялась из-за противоречий между ее участниками. Реально единственным военным союзником России в Центральной Азии вплоть до конца 90-х годов оставался Таджикистан. Позднее Киргизия, Казахстан и даже Узбекистан, столкнувшись с вызовом со стороны вооруженных исламистов, также обратились за поддержкой к Москве.

К концу 90-х годов Москва фактически отказалась от амбициозных и нереалистических планов по созданию региональных коалиционных группировок войск сразу на трех стратегических направлениях — западном (Восточная Европа), южном (Кавказ) и юго-восточном (Центральная Азия). Во-первых, приоритет был отдан юго-восточному направлению. Во-вторых, речь пошла не о группировках, ориентированных на традиционного противника, а о силах, предназначенных для борьбы с вооруженными сепаратистами, экстремистами и международными террористами.

С 1999 г. Москва предпринимала шаги по созданию антитеррористической коалиции в Центральной Азии. Материализуются планы создания двух антитеррористических центров — одного (стран СНГ) в Москве, другого (стран Шанхайской организации сотрудничества) в Бишкеке. В Бишкеке предполагается также создать штаб коллективных сил быстрого развертывания. Речь идет об обмене разведывательной информацией и координации силовых акций. В состав коллективных сил планируется включить по батальону от каждой из участвующих сторон (всего 1500—1700 человек)¹²⁰. В бюрократическом отношении Москва стремится обеспечить координацию действий между Советом министров обороны СНГ, антитеррористическим центром и Советом руководителей органов безопасности и спецслужб стран СНГ¹²¹. В этой схеме не нашлось места для Штаба координации военного сотрудничества — по существу представительской структуры, возникшей на месте прекратившего существование в 1993 г. штаба Объединенных вооруженных сил СНГ.

Регулярно проводятся командно-штабные учения «Южный щит Содружества», моделирующие боевые действия на границах с Афганистаном, а также на рубежах, разделяющих сами центрально-азиатские государства. Главная цель — не допустить боевиков в населенные пункты¹²². В России проходят подготовку сотни курсантов и слушателей из стран региона. За пять лет 24 тыс. таджикских солдат прошли подготовку в составе российской пограничной группы¹²³. В то же время реальный эффект этих акций не столь велик. Так, директор российской погранслужбы Константин Тоцкий заявил в 2002 г., что Таджикистан еще 10—15 лет будет не в состоянии самостоятельно охранять свою границу.

Военно-политический альянс России со странами Центральной Азии имеет много уязвимых сторон. Союзниками России в регионе являются слабые, еще не сформировавшиеся государства, где процесс складывания наций весьма далек от завершения. Правящие элиты часто приносят национальные интересы в жертву интересам частным, в том числе личным. Одни давно стали клиентами Москвы и извлекают выгоду из таких отношений (в частности, Таджикистан), другие боятся восстановления ее гегемонии (как, например, Узбекистан). Вооруженные силы новых государств, возникшие из осколков Советской армии, слабы и малоэффективны, подвержены коррупции. Их командный состав нуждается в радикальной санации и коренной переподготовке. Средства на модернизацию вооружений крайне ограничены. В этих условиях Россия принимает на себя дополнительное бремя расходов. Так, она вынуждена поставлять Таджикистану вооружение и технику бесплатно, что не соответствует официальным российским принципам торговли оружием и не встречает понимания со стороны производителей вооружений. Россия призывает союзников выполнять свои обязательства хотя бы по финансированию антитеррористического центра¹²⁴.

Кроме того, в «прифронтовом» Таджикистане трудно проходит процесс интеграции правительственных войск и бывшей вооруженной оппозиции. Официальный Душанбе не контролирует значительную часть территории страны, в том числе район Тавильдары, где базировались отряды боевиков Джумы Намангани, а также Горный Бадахшан. Содержать армию для властей республики обременительно, и вооруженные силы постоянно сокращаются¹²⁵.

Киргизская армия дважды (в 1999 и 2000 гг.) оказалась не способна отразить вылазку отряда боевиков из 500 человек. Дополнительное бремя военных расходов (16 млн долл.), которые признаны необходимыми для подготовки к отражению нового нападения, является непосильным. Даже самая сильная в регионе узбекская армия потратила несколь-

ко недель в 2000 г. для отражения вылазки исламистов, отряды которых оказались в 100 км от Ташкента.

Некоторые общие данные о вооруженных силах стран Центральной Азии приведены в таблице.

Страна	Население, тыс. человек	ВВП в 1999 г., млн долл.	Военные расходы в 1999 г., млн долл.	Вооруженные силы, тыс. человек
Узбекистан	24 100	15,9	615	59,1
Казахстан	15 000	14,5	504	64,0
Таджикистан	6 105	1,2	95	6,0
Киргизия	4 852	1,1	51	9,0
Туркмения	5 000	3,3	109	17,5

Источник: The Military Balance 2000—2001. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.

Собственно российское военное присутствие на бывшем советском юге ограничено. В составе группы войск в Закавказье насчитывается 5,5 тыс., в Таджикистане — 8 тыс. человек регулярных войск (плюс авиация). В Казахстане на космодроме Байконур и полигонах Эмба, СарыШаган — т. е. в небоевых частях — служат еще 15 тыс. человек. В Киргизии небольшая группа российских военнослужащих находится на испытательном объекте ВМФ на озере Иссык-Куль.

Фактическим военным союзником России в Центральной Азии со второй половины 90-х годов выступал афганский Северный альянс. Москва оказывала политическую и военно-техническую помощь преимущественно таджикам Ахмад-Шаха Масуда, убитого в сентябре 2001 г., рассчитывая, как минимум, на удержание с их помощью буфера между территорией Афганистана, подконтрольной талибам, и южной границей СНГ¹²⁶, а как максимум — на контрнаступление северной коалиции и занятие ею Кабула. Даже после разгрома талибов и создания центрального правительства Афганистана сохранение особых отношений с руководством северных провинций этой страны остается минимальным условием обеспечения внешней безопасности Центральной Азии.

* * *

В 90-е годы ельцинское руководство оказалось не в состоянии осуществить радикальную военную реформу, направленную на то, чтобы

привести систему безопасности России в соответствие с изменившимися внешними и внутренними условиями, а также возможностями страны. Реформа «по Путину», объявленная летом 2000 г., изначально носила механический характер и была нацелена главным образом на оптимизацию структуры, состава и численности Вооруженных сил. Главная проблема начального этапа этой реформы состояла в том, что руководство страны долго не могло определить характер и приоритетность военных угроз для России.

Сохраняющаяся и временами даже усиливающаяся установка российских элит на то, чтобы продолжать и впредь играть роль великой державы на пространствах Евразии, предполагает по существу «оборону по всем азимутам». Такая система безопасности крайне затратна и поэтому вряд ли реализуема. В то же время очевидно, что сохранение статус-кво вполне устраивает влиятельные политические и военные круги.

В качестве потенциальных военных союзников часть политической и военной элиты по-прежнему рассматривает сравнительно слабые и зависимые от России соседние государства, ранее входившие в состав Российской империи и СССР.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Как первая, так и вторая чеченские кампании дали толчок реорганизации российских вооруженных сил, оптимизации их структуры. Вторая кампания привела к повышению интереса к армии со стороны высшей российской власти, что выразилось, в частности, в существенном росте военных расходов. Вместе с тем ни новые импульсы, ни дополнительные средства не привели к началу глубокой военной реформы.

Если пытаться оценить результаты двух чеченских кампаний, пользуясь разработанной российскими военными специалистами методикой¹²⁷, можно прийти к следующим выводам.

По степени достижения политических целей первая кампания окончилась полной неудачей. Вторая породила иллюзию эффективности преимущественно военного решения проблемы безопасности России на южном направлении. Затягивание войны, однако, заставляет искать политические пути решения конфликта — или согласиться с тем, что Чечня на длительную перспективу останется районом ведения боевых действий различной степени интенсивности.

Морально-политическое состояние российских войск в период первой кампании свидетельствовало о глубокой степени разложения военной организации страны. Во второй кампании власти попытались задействовать психологический фактор (оборона от агрессии и после-

дующий разгром противника) для повышения престижа армии в обществе и укрепления государственнических тенденций в политической жизни. В то же время в отсутствие серьезных внутренних преобразований в военной организации психологический климат в войсках на Северном Кавказе и вооруженных силах в целом остается тяжелым. Чеченская война продолжает быть прибыльным предприятием для многих ее участников с обеих сторон.

Как первая, так и вторая чеченские кампании привели к значительным потерям с российской стороны, которые, однако, оставались существенно ниже критических с точки зрения реакции на них общества. Но существование призывной системы комплектования силовых структур, а также практика командирования в Чечню милицейских подразделений со всей России способствуют превращению локального конфликта в общенациональную проблему. Непрекращающиеся потери без ясной перспективы мирного урегулирования вызывают в обществе чувство усталости от войны и могут стать катализатором антивоенного протестного движения.

Федеральные силы оказались способны выполнить поставленную перед ними задачу во второй кампании, в которой политическое руководство предоставило им карт-бланш. В ходе первой кампании степень некомпетентного вмешательства со стороны политического руководства в ход боевых действий была такова, что ответственность за неудачу Кремль должен принять в основном на свой счет. Тем не менее в результате перехода сепаратистов к тактике партизанско-диверсионной войны Россия контролирует лишь часть территории Чечни, но и там контроль остается эфемерным.

Затраты на ведение Чеченской войны и в первую, и во вторую кампании оставались посильными для федерального бюджета. Потребности восстановления разрушенного, однако, явно превышают наличные возможности. Кроме того, соревнование между властями и боевиками в строительстве объектов и их последующем разрушении ведется в крайне невыгодных для России условиях. Чеченская война стала источником многочисленных финансовых злоупотреблений и преступлений, способствовала распространению коррупции среди гражданской и военной бюрократии.

Война велась в основном устаревшим оружием. У российского командования было много тяжелого вооружения, но не было ни средств на закупку высокоточного и другого современного оружия, ни желания рисковать отдельными образцами, находившимися в его распоряжении. В результате приходилось рисковать жизнями военнослужащих.

Чеченская кампания 1994—1996 гг. стала первой «телевизионной войной» в истории России. «Картинка» этой войны сыграла огромную роль в изменении в негативную сторону отношения к российской военной машине. Кампания, начавшаяся в 1999 г., напротив, частично восстановила престиж армии и, более того, стала важнейшим инструментом консолидации политической власти в России. Вместе с тем все более жесткая информационная политика, проводимая властями, может привести к возрождению тотального недоверия со стороны населения к правительственной информации со всеми вытекающими последствиями.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Чеченским войнам посвящено несколько исследований. В их числе: Российские Вооруженные Силы в чеченском конфликте: Анализ. Итоги. Выводы / Н. Н. Новичков, В. Я. Снеговский, А. Г. Соколов, В. Ю. Шварев. — Париж; Москва: Холвег; Инфоглоб; Тривола, 1995.

² Здесь и далее мы будем говорить о Чеченской войне как о едином явлении, распадающемся на ряд фаз. При этом под «первой войной» будет пониматься период 1994—1996 гг., под второй — период, начавшийся в августе 1999 г. вторжением боевиков в Дагестан.

³ Российские военные предпочитают говорить о *военно-гражданских* отношениях.

⁴ Впрочем, генерал Трошев в своих мемуарах утверждал, что еще в октябре 1994 г. командование Северо-Кавказского военного округа знало о предстоящем походе в Чечню (Трошев Г. Моя война: Чеченский дневник окопного генерала. — М.: Вагриус, 2001. — С. 9).

⁵ Ельцин Б. Президентский марафон. — М.: АСТ, 2000. — С. 68.

⁶ Примаков Е. Восемь месяцев плюс. — М., 2001. — С. 93.

⁷ Независимое воен. обозрение. — 1997. — № 6. — С. 4.

⁸ Россия (СССР) в локальных войнах. — М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. — С. 423.

⁹ Трошев Г. Прелюдия второй чеченской войны // Независимое воен. обозрение. — 2001. — 24—30 авг.

¹⁰ Об уроках, которые Россия извлекла из кризиса в Косово, см. подробнее: Арбатова А. Трансформация российской военной доктрины — уроки Косово и Чечни / Европ. центр по изучению вопросов безопасности им. Джорджа Маршалла. — Гармиш-Партенкирхен, 2000. — С. V—VI.

¹¹ История военной стратегии России / Под ред. генерал-майора В. А. Золотарева. — М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. — С. 497.

¹² См. на эту тему: Goodby J., Buwalda P., Trenin D. Stable Peace. — Washington: U.S. Inst. of Peace, 2002.

¹³ По свидетельству Алексея Арбатова, заместителя председателя думского комитета по обороне, под влиянием косовского конфликта «впервые с середины 80-х гг. в

оперативных управлениях Генштаба Вооруженных Сил, Совете безопасности и группах по урегулированию кризисов при Министерстве иностранных дел, а также на закрытых совещаниях Госдумы начались серьезные обсуждения перспектив военного конфликта с НАТО» (*Арбатов А.* Указ. соч. — С. 11–12).

¹⁴ Военная доктрина Российской Федерации (2000 г.).

¹⁵ *Клименко А. Ф., генерал-майор.* Особенности новой военной доктрины // *Воен. мысль.* — 2000. — № 3. — С. 23.

¹⁶ Это было верно не только в переносном смысле, но и в самом буквальном. В новогоднюю ночь 1995 г. российские танкисты штурмовали Грозный, не имея на руках подробного плана города.

¹⁷ *Иванов С.* Военная реформа как необходимая часть преобразований в России // *Крас. звезда.* — 2001. — 25 апр.

¹⁸ <http://www.strana.ru/stories/01/08/29/1424/news.html>.

¹⁹ Россия (СССР) в локальных войнах. — С. 117. Части Северо-Кавказского военного округа участвовали в таких операциях в Чечне (1922–1924, 1925, 1929, 1932, 1937–1939 гг.) и в Дагестане (1925 г.) В ходе подавления вооруженного сопротивления в Прибалтике, на Западной Украине и в Западной Белоруссии с середины 40-х по середину 50-х годов погибло более 25 тыс. советских солдат и офицеров (с. 235).

²⁰ Генерал-лейтенант Уильям Одом, занимавший до 1988 г. пост директора Агентства национальной безопасности США, писал, например: «Никто не ожидал этого... В едином строю Коммунистическая партия и генералитет маршировали вместе навстречу своей гибели» (*Odum W. E.* *The Collapse of the Soviet Military.* — New Haven; London: Yale Univ. Press, 1998. — P. IX).

²¹ *Ельцин Б.* Указ. соч. — С. 369.

²² Из новогоднего поздравления министра обороны Игоря Сергеева личному составу Вооруженных сил (*Крас. звезда.* — 2000. — 30 дек).

²³ От первого лица: Разговоры с Владимиром Путиным. — М.: Вагриус, 2000. — С. 135.

²⁴ *Золотарев В. А., генерал-майор.* Предисловие // *Россия (СССР) в локальных войнах.* — С. 10.

²⁵ *Гареев М. А., генерал армии.* Некоторые проблемы подготовки Вооруженных Сил к локальным войнам // *Воен. мысль.* — 2000. — № 1. — С. 19.

²⁶ *Вахрушев В. А., генерал-майор.* Локальные войны и вооруженные конфликты: Характер и влияние на военное искусство // *Воен. мысль.* — 1999. — № 4. — С. 20–28.

²⁷ См. интервью Максима Пешкова, посла России в Таджикистане (*Крас. звезда.* — 2001. — 21 февр.).

²⁸ *Россия (СССР) в локальных войнах.* — С. 320; *Бородай А.* Группировка // *Завтра.* — 1999. — № 1.

²⁹ *Крас. звезда.* — 1996. — 7 авг.

³⁰ Там же. — 2001. — 6 февр.

³¹ По данным военных, осенью 2000 г. боевиков оставалось 2 тыс.; по подсчетам ФСБ в начале 2001 г. — уже 5 тыс.

³² Низшая оценка принадлежит директору Федеральной пограничной службы генералу Константину Тоцкому (в интервью ОРТ 4 марта 2001 г.), высшая — лидеру Исламского движения Узбекистана Тахиру Юлдашеву (см.: *Николаев Д.* Ферганская долина под угрозой // Независимая газ. — 2001. — 3 марта).

³³ Крас. звезда. — 2000. — 14 сент.

³⁴ Интервью посла А. Нанаева (Независимая газ. — 2000. — 31 авг.).

³⁵ *Ходаренок М.* Кто владеет Грозным? // Независимая газ. — 2001. — 6 марта. По словам независимого военного корреспондента, несмотря на нахождение в Грозном 3 тыс. солдат Внутренних войск, 3 тыс. милиционеров и 2 тыс. мотострелков, власть в городе каждую ночь переходит к боевикам и бандитам, численность которых достигает 3–5 тыс., а иногда доходит до 10 тыс. В этих условиях войска в основном заняты обеспечением собственной безопасности. Официальная пропаганда, впрочем, рисует прямо противоположный образ. См.: *Веклич А., Васин А.* В Грозном уже видны приметы мирной жизни (Интервью с и. о. военного коменданта Грозного полковником В. Филатовым) // Крас. звезда. — 2001. — 13 марта.

³⁶ См. интервью генерал-полковника Трошева (Красная звезда. — 2001. — 10 янв.).

³⁷ Крас. звезда. — 2000. — 14 сент.

³⁸ *Цыганов А.* ФСБ готова поймать Масхадова и Басаева // Коммерстантъ. — 2001. — 19 апр.

³⁹ См., например: *Виноградов В. А. генерал-лейтенант.* Характерные черты современных общевоинсковых операций // Воен. мысль. — 2001. — № 1. — С. 23–26.

⁴⁰ *Золотов Л. С., генерал-полковник.* Круглый стол «Контртеррористическая операция на Северном Кавказе: основные уроки и выводы» // Воен. мысль. — 2000. — № 3. — С. 16.

⁴¹ Независимое воен. обозрение. — 1995. — 18 нояб.

⁴² *Букреев Ю. Д., генерал-полковник.* Круглый стол «Контртеррористическая операция на Северном Кавказе: основные уроки и выводы» // Воен. мысль. — 2000. — № 3. — С. 5–10.

⁴³ Россия (СССР) в локальных войнах. — С. 24–26.

⁴⁴ *Воробьев И. Н., генерал-майор.* Тактика боевых групп // Воен. мысль. — 2001. — № 1. — С. 27–30.

⁴⁵ *Краснов А. Б., проф.* Некоторые подходы к организации и проведению контртеррористических операций // Воен. мысль. — 2000. — № 6. — С. 49–52.

⁴⁶ См., например: *Паин Э.* Вторая чеченская война и ее последствия // Регионы России в 1999 г.: Ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / Под ред. Н. Петрова; Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2001. — С. 280–294.

⁴⁷ Например, директор Института США и Канады РАН Сергей Рогов.

⁴⁸ Чеченским властям было передано 108 танков, 51 самолет, 153 артиллерийских орудия и миномета, 600 противотанковых управляемых ракет, зенитно-ракетные комплексы. См.: *Примаков Е.* Указ. соч. — С. 91.

⁴⁹ Независимое воен. обозрение. — 2001. — № 26. — С. 2.

⁵⁰ *Мамаев Ш.* Две с половиной войны // Эксперт. — № 16. — 23 апр. — С. 13–14.

⁵¹ The Military Balance 2000—2001. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. — P. 126.

⁵² Россия (СССР) в локальных войнах. — С. 241.

⁵³ См.: *Брилл Олкотт М., Удалова-Зварт Н.* Наркотрафик на Великом шелковом пути: безопасность в Центральной Азии. — М., 2000. — (Раб. материалы / Моск. Центр Карнеги; № 2).

⁵⁴ *Плотников Н.* Европейский военный десант на таджикско-афганской границе // Независимая газ. — 2001. — 27 апр.

⁵⁵ Разговор у «золотого костра» // Крас. звезда. — 2001. — 13 апр.

⁵⁶ Военная доктрина Российской Федерации (2000 г.).

⁵⁷ Россия (СССР) в локальных войнах. — С. 423.

⁵⁸ Интервью программе НТВ «Сегодня», 29 мая 2001 г.

⁵⁹ Командующий Северо-Кавказским военным округом генерал-полковник Геннадий Трошев говорил, что в течение 90-х годов в округ не поступило «ни одной единицы из разработанных в последние годы образцов боевой техники — как бронетанковой, так и авиационной» (*Трошев Г.* С учетом опыта, обретенного в боях // Крас. звезда. — 2001. — 10 янв.).

⁶⁰ По признанию начальника Общевойсковой академии генерал-полковника Л. Золотова, «снайперскую войну мы проиграли и по причине технического отставания: дальность стрельбы винтовки иностранного производства, находившейся на вооружении боевиков, составляла 2000 м, российской — только 600 м» (*Воен. мысль.* — 2000. — № 3. — С. 17).

⁶¹ *Гареев М. А., генерал армии.* Указ. соч. — С. 21.

⁶² По подсчетам А. Ситнова, Вооруженным силам требовалось 300—350 танков, 400—450 БМП, 250—300 САУ, до 1500 стволов артиллерии, 150—200 самолетов, 50—70 вертолетов, 5—7 ЗРК (см.: *Крас. звезда.* — 2000. — 10 июня).

⁶³ *Крас. звезда.* — 2001. — 2 февр.

⁶⁴ *Гордин Я.* Кавказ: земля и горы // *Звезда.* — 2000. — С. 142.

⁶⁵ *Христинин Ю.* Финансовые границы // *Сев. Кавказ.* — 2000. — № 41. — Ноябрь. — С. 7.

⁶⁶ *Вапилин Е. Г., полковник, Мулява О. Д., полковник.* Социальные проблемы военного образования // *Воен. мысль.* — 2001. — № 1. — С. 48—51.

⁶⁷ *Гантимурова Т.* «Косой» призыв // *Сев. Кавказ.* — 2000. — № 42. — Ноябрь.

⁶⁸ *Бородай А.* Указ. соч.

⁶⁹ *Лутвинов В. И., полковник.* Патриотизм и его формирование в обществе и вооруженных силах // *Воен. мысль.* — 1999. — № 4. — С. 62—70.

⁷⁰ *Ельцин Б.* Указ. соч. — С. 373.

⁷¹ В этом смысле было характерным устное обращение патриарха Алексия II в храме Христа Спасителя к президенту Путину, только что вернувшемуся из Чечни (Пасха 2001 г.).

⁷² *Ходаренок М.* На грани разложения // *Независимое воен. обозрение.* — 2001. — № 37. — С. 8.

⁷³ *Мамаев Ш.* Указ. соч.

⁷⁴ Стенограмма встречи российских «силовиков» с главными редакторами газет // Комсомол. правда. — 2001. — 17 мая.

⁷⁵ Интервью специального представителя президента России Владимира Каламанова (Сегодня. — 2001. — 9 апр.).

⁷⁶ По данным Сергея Ястржембского (The Moscow Times. — 2001. — Jan. 4).

⁷⁷ The Los Angeles Times. — 2000. — Dec. 31.

⁷⁸ Коммерсантъ. — 2001. — 1 марта.

⁷⁹ *Трошев Г.* Моя война. — С. 76.

⁸⁰ См.: *Фатуллаев М.* Дагестан: жизнь взаимы // НГ-Регионы. — 2001. — Март; *Daniszewski J.* Grozny Digs for Oil in Backyards, Basements // The Moscow Times. — 2001. — March 13.

⁸¹ *Соколов М.* Без вести преданные // Вне закона. — 2001. — № 16. — 16 апр.

⁸² Крас. звезда. — 2001. — 6 июня. Вице-спикер Госдумы Владимир Лукин, назвав цифру 1500 человек, заявил, что это лишь верхушка айсберга.

⁸³ *Михайлова Т.* Пленных не брать // Сев. Кавказ. — 2000. — № 2. — Янв. — С. 6.

⁸⁴ *Мамаев Ш.* Указ. соч. — С. 16.

⁸⁵ Чечня и состояние российской армии. См.: http://www.mfit.ru/defensive/vestnik/vestnik6_1.html.

⁸⁶ *Трошев Г.* Моя война. — С. 331.

⁸⁷ Россия (СССР) в локальных войнах. — С. 321.

⁸⁸ Там же. — С. 322.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ *Говоров В., генерал армии.* Патриотизм — ценность непреходящая: Открытое письмо Российского комитета ветеранов войны и военной службы // Крас. звезда. — 2001. — 2 марта.

⁹¹ Там же.

⁹² См. высказывания президента Путина по поводу предложения лидера СПС Немцова о проведении переговоров с Масхадовым (8 сентября 2001 г.) и выступление генерала Трошева в программе «Время» 9 сентября 2001 г.

⁹³ Из выступления генерал-полковника Манилова на конференции «Армия. Право. Гуманизм» (Крас. звезда. — 2001. — 3 февр.).

⁹⁴ Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001—2005 гг.». Утверждена постановлением Правительства РФ от 16 февраля 2001 г. № 122.

⁹⁵ *Saradzyan S.* Teaching Russians To Be Patriots // The Moscow Times. — 2001. — March.

⁹⁶ *Азаров В., генерал-полковник, Марущенко В., полковник.* Кавказ в составе России // Крас. звезда. — 2001. — 19 янв.

⁹⁷ Генерал-полковник Борис Громов, последний командующий советским военным контингентом в Афганистане, был впоследствии заместителем министра внутренних

дел СССР, кандидатом в вице-президенты России, депутатом Госдумы, а в 2000 г. был избран губернатором Московской области.

Генерал армии Павел Грачев, командир дивизии в Афганистане, стал командующим ВДВ, а затем министром обороны России (1992—1996 гг.).

Александр Руцкой был вице-президентом России (1991—1993 гг.), лидером парламентского мятежа, узником Лефортовской тюрьмы, губернатором Курской области (1996—2000 гг.).

Александр Лебедь командовал 14-й армией в Приднестровье, был кандидатом в президенты России (1996 г.), секретарем Совета безопасности (1996 г.), губернатором Красноярского края (1997—2002 гг.).

Руслан Аушев был президентом Ингушетии (1993—2001 гг.).

⁹⁸ *Ельцин Б.* Указ. соч. — С. 62.

⁹⁹ *Трошев Г.* Моя война. — С. 67.

¹⁰⁰ Это утверждает, в частности, Бислан Гантамиров (см.: *Гантимурова Т.* Очередной провал? // Сев. Кавказ. — 2000. — № 30. — Авг. — С. 8).

¹⁰¹ *Гольц А., Пинскер Д.* Война невыученных уроков // Итоги. — 1999. — 19 окт. — С. 16.

¹⁰² *Ельцин Б.* Указ. соч. — С. 369.

¹⁰³ По данным ВЦИОМ, в начале 2001 г. 37% россиян считали, что угроза военного нападения на Россию существует, 38% считали это маловероятным и только 8% полагали, что нападение совершенно исключено.

¹⁰⁴ По данным Фонда «Общественное мнение», в феврале 1998 г. 43% респондентов считали, что вооруженные силы сегодня совершенно не способны обеспечить безопасности страны. К маю 2000 г. число скептиков уменьшилось в десять раз — до 4%, в то время как 31% был уверен, что армия способна защитить страну. Опубликовано на сайте <http://vvr.ru> 3 апреля 2001 г.

¹⁰⁵ Соответственно с 29% до 49% и с 55% до 40%.

¹⁰⁶ *Маркушин В.* Возвращение к эволюции // Крас. звезда. — 2001. — 22 марта.

¹⁰⁷ Косово и контроль над Вооруженными Силами. — М., 2000. — (Вестн. / Межрегион. фонд информ. технологий; № 5).

¹⁰⁸ Россия (СССР) в локальных войнах. — С. 219.

¹⁰⁹ *Радаев Н. Н., полковник.* Показатели риска и управление безопасностью военнослужащих // Воен. мысль. — 1999. — № 4. — С. 48—56.

¹¹⁰ Говорит Масхадов // Коммерсантъ. — 2000. — 1 нояб.

¹¹¹ *Козырев М.* Тогда считать мы стали раны // Коммерсантъ. — 2000. — 4 авг.

¹¹² Россия (СССР) в локальных войнах. — С. 401.

¹¹³ *Радаев Н. Н., полковник.* Цена жизни и социально-экономические компенсации // Воен. мысль. — 2001. — № 1. — С. 44—47.

¹¹⁴ *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина / Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 1999. — С. 185.

¹¹⁵ The Military Balance 1996/97. — P. 109.

¹¹⁶ *Мукомель В.* Вооруженные межнациональные и региональные конфликты: людские потери, экономический ущерб и социальные последствия // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: Сб. статей / Под ред. М. Б. Олкотт, А. Малашенко, В. Тишкова; Моск. Центр Карнеги. — М., 1997. — С. 311.

¹¹⁷ *Иванюк И.* Бюджет-2001: на волне оптимизма // Крас. звезда. — 2001. — 2 февр.

¹¹⁸ *Георгиев В.* 330 млн долл. на борьбу с чеченскими боевиками // Независимое воен. обозрение. — 2001. — № 26. — С. 2.

¹¹⁹ *Арбатов А., Ромашкин П.* Какие войны России по карману? // Независимое воен. обозрение. — 2001. — № 15. — С. 3.

¹²⁰ *Соловьев В.* Вместе против терроризма // Независимая газ. — 2001. — 26 апр.

¹²¹ Новые ориентиры военной интеграции: Выступление президента Путина на встрече с министрами обороны стран СНГ // Крас. звезда. — 2001. — 23 нояб.

¹²² *Стрешнев Р.* Чувство локтя // Там же. — 11 апр.

¹²³ *Панфилова В.* В огне противостояния // Содружество НГ. — 2001. — № 2. — 28 февр.

¹²⁴ Крас. звезда. — 2001. — 23 нояб.

¹²⁵ Интервью министра обороны Таджикистана Шерали Хайруллоева (Крас. звезда. — 2001. — 22 февр.).

¹²⁶ К началу 2001 г. войска талибов вышли к северной границе Афганистана на участке 150 км, однако не предприняли никаких попыток продвинуться дальше на север.

¹²⁷ Россия (СССР) в локальных войнах. — С. 220.

ГЛАВА V

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Чеченские кампании и кризисы в Центральной Азии не только открыли новую главу «южной» политики Москвы, но и в конечном итоге способствовали повороту России в сторону Запада. На южном направлении традиционная экспансионистская модель отношений с соседями сменилась по существу оборонительной. Главной задачей Москвы здесь стал поиск *modus vivendi* с увеличившимся в размерах и пришедшим в движение мусульманским миром. В контексте антитеррористической операции Россия, США и Западная Европа заявили о совпадении своих основных интересов в регионе. В результате возобновившаяся была «Большая игра» за геополитическое влияние на Ближнем и Среднем Востоке стала уступать место более сложной модели сотрудничества с элементами конкуренции — преимущественно на экономическом уровне.

ГЕНЕЗИС «ЮЖНОЙ» ПОЛИТИКИ МОСКВЫ

Прежде чем анализировать влияние Чеченской войны на «южную» политику России, необходимо дать краткий обзор генезиса самой этой политики. Когда в 50—80-е годы Советский Союз активно соперничал с США за влияние на Арабском Востоке, Кавказ и Средняя Азия выступали в качестве рекламной витрины и одновременно тыловой базы советской политики в регионе. Главная цель этой политики заключалась в том, чтобы приобрести в лице радикальных арабских режимов активных союзников в противостоянии с «мировым империализмом и его агентом на Ближнем Востоке — сионизмом». Традиции этого подхода до сих пор живы в сознании части российского истеблишмента. Именно на них, в частности, опиралась во второй половине 90-х годов политика формирования «многополярного мира».

Иранская революция 1978 г. заставила Москву впервые со времен разгрома феодальной антисоветской оппозиции в Туркестане (басмачества) обратить серьезное внимание на социально-политические процессы и этнорелигиозную ситуацию в мусульманских республиках СССР. Впрочем, проделанный тогда анализ развития обстановки оказался неглубоким, а выводы — самонадеянными. Многим казалось, что Советский Союз даже перешел в контрастступление, поддержав лево-

радикальный переворот в Афганистане, а затем направив в эту страну свои войска «для защиты революции». Хотя переворот был неожиданностью для советского руководства, а ввод войск в соседнюю страну — шагом отчасти вынужденным, коммунистическая идеология заставляла трактовать события в Афганистане как свидетельство расширения и углубления «мирового революционного процесса». Присоединение Афганистана к «странам социалистической ориентации» наглядно контрастировало с крахом проамериканского режима в соседнем Иране и публичным унижением США в ходе 250-дневного кризиса с американскими дипломатами, ставшими заложниками исламских революционеров.

В *той* Афганской войне соперничество сверхдержав наложило на противостояние двух тенденций внутри мусульманского мира — умеренной (модернизаторской и традиционалистской) и радикальной (националистической и фундаменталистской). Логика глобального противостояния заставляла США, опираясь на первых, заключать тактические союзы с фундаменталистами для борьбы с распространением советского влияния. СССР, со своей стороны, опираясь на националистов в борьбе с умеренными прозападными режимами, оказывался врагом религиозных радикалов, видевших в коммунистах прежде всего воинствующих атеистов. Уже на исходе «холодной войны», однако, наиболее пронизательным наблюдателям становилось ясно, что мусульманский радикализм («фундаментализм») угрожает долгосрочным интересам как Москвы, так и Вашингтона.

Война в Афганистане привела к глубокому кризису внешней политики Москвы на Ближнем и Среднем Востоке. Оказавшись не в состоянии подавить военными средствами вооруженную оппозицию, пользовавшуюся поддержкой извне, Советский Союз был вынужден вывести в 1989 г. свои войска из Афганистана. Политическое и моральное поражение СССР, который впервые после 1945 г. оказался не в состоянии защитить клиентский режим в соседней стране, ускорило эрозию, а затем и демонтаж советского присутствия в регионе — от Дамаска до Адена. Возник так называемый афганский синдром — боязнь вовлечения в новый военный конфликт с мусульманским противником. Это имело последствия и для республик тогда еще советской Средней Азии, где стали распространяться идеи исламского возрождения и мусульманской солидарности.

Последовавший вскоре распад самого Советского Союза — означавший, с точки зрения руководства новой России, освобождение метрополии от имперского бремени и конкретно от «азиатского балласта» — привел к политическому дроблению бывшего советского юга и сопут-

ствовавшим этому вооруженным конфликтам. В эти конфликты оказались вовлечены бывшие советские войска, перешедшие под юрисдикцию России. В начале 90-х годов афганский синдром, которым были охвачены и общество, и правящие элиты, требовал продолжения геополитического отступления России на север. Проблему обеспечения безопасности «южного фланга» в Кремле и МИДе пытались тогда решить простым способом: *прочь из «горячих точек»!* Насажденный Москвой режим Наджибуллы, державшийся в Кабуле целых три года после ухода советских войск, пал, когда российское руководство окончательно отказало ему в материально-технической помощи.

Полного выхода, однако, не получилось — отчасти по «объективным причинам», отчасти из-за упорного сопротивления российских военных, видевших в «беспорядочном политическом отступлении» угрозу для безопасности страны. Вплоть до первой чеченской кампании Министерство обороны не только являлось фактически единственным российским ведомством, «осуществлявшим присутствие» в бывших южных республиках, — посольства еще только создавались, МИД искал специалистов и добровольцев. Гораздо важнее то, что военные от Министерства обороны и Генерального штаба в Москве до командиров на местах фактически превратились в самостоятельных или по меньшей мере автономных «делателей» российской политики на южном направлении.

К моменту свержения Наджибуллы и занятия Кабула войсками моджахедов (весна 1992 г.) уже началась гражданская война в соседнем Таджикистане, в которую с самого начала оказались втянуты дислоцированные там советско-российские войска. Принятое осенью того же года решение Москвы делами поддержать один из кланов в межтаджикском конфликте и последовавший затем разгром местных «исламистов» силами российской армии привели к новому, «таджикскому» раунду вовлеченности России в центрально-азиатские конфликты.

Ситуация обострилась и внутри Российской Федерации. В 1991—1992 гг. противостояние между двумя Кремлями — московским и казанским — едва не привело к вооруженному конфликту в самом центре страны. Здесь благодаря разумной умеренности президента Татарстана Минтимера Шаймиева и выдержке федеральных властей удалось достичь компромисса, в результате которого существенно повысился формальный и реальный статус мусульманских республик в составе России. Татарстан и Башкирия конституционно закрепили свой государственный суверенитет и заключили специальные договоры с федеральным Центром. Реальная угроза распада России по модели СССР была тем самым устранена.

Москве, конечно, пришлось иметь дело с последствиями распада Советского Союза, но это касалось периферийных территорий, прежде всего Кавказа. Причем если советское руководство, старавшееся использовать нараставшие противоречия в регионе для спасения Союза, пыталось опереться на Азербайджан, то российские власти, опасавшиеся усиления влияния Турции, сделали ставку на Армению и — негласно — на карабахских армян. В начавшемся в августе 1992 г. грузино-абхазском вооруженном конфликте влиятельные военно-политические круги в Москве и на Кавказе по геополитическим, эмоционально-личным и сугубо материальным причинам поддержали абхазов. Все это имело важные долговременные последствия. Российские власти не только косвенно способствовали победе сепаратистской идеи на южных границах Российской Федерации, но и попустительствовали военно-политической мобилизации экстремистских сил на Северном Кавказе и их «просачиванию» в Закавказье. Там, в Абхазии, получил свой первый боевой опыт чеченский батальон под командованием Шамиля Басаева.

С середины 1992 г. российское правительство, круто изменив первоначальной риторике «ухода на север», попыталось, напротив, стянуть военно-политическое пространство бывшего СССР под флагом *миротворчества*. «Продукты распада» СССР и Югославии к этому времени выстроились в дугу нестабильности, протянувшуюся от Адриатики до Памира. Ближайшей целью Москвы стало прекращение огня на постсоветском пространстве под контролем российской армии. В начале 1993 г. устами президента Ельцина и министра иностранных дел Козырева Россия заявила претензии на особую роль гаранта стабильности в пределах бывшего СССР. В том же году были оформлены коллективные миротворческие силы СНГ в Таджикистане, в 1994 г. — в Абхазии. Еще летом 1992 г. российские войска разместились в зоне грузино-осетинского конфликта. Россия при этом еще пользовалась авторитетом страны, сумевшей избежать вооруженного конфликта на своей территории¹. Вынужденное в условиях гражданской войны и под нажимом Москвы вступление Грузии в СНГ (конец 1993 г.) и более тесная привязка Азербайджана к этой организации в результате насильственной смены власти в Баку (середина 1993 г.) подтверждали, казалось, эффективность новой политики Москвы.

Повышению интереса России к Каспийскому региону после 1993 г. существенно способствовал *нефтяной фактор*. Конкуренция с западными (американскими и британскими) компаниями и Турцией за право добычи и особенно транспортировки каспийской нефти быстро приняла такие острые формы, что немедленно возник образ возрождаю-

щейся «Большой игры» как геополитического противоборства между только что отброшившей коммунизм и распустившей Советский Союз Россией и торжествующим после победы в «холодной войне» Западом во главе с США. Идеология ушла, но различия в интересах сохранились. Более того, эти различия многим тогда представлялись фундаментальными и более долговечными, чем противостояние коммунизма и «свободного мира». Традиционная геополитика в духе XIX в., казалось, торжествовала.

В этой обстановке многие российские традиционалисты-евразийцы охотно соглашались с тезисом Збигнева Бжезинского о вакууме силы как главной характеристике региона «Большого Каспия»². Председатель думского комитета по обороне генерал-полковник Андрей Николаев предупреждал, что «в условиях нестабильности, хаоса, отсутствия элементарного порядка» государства региона, «...занятые внутренними разборками и борьбой с терроризмом, становятся уязвимыми со стороны внешнего окружения. Всегда находятся внешние силы, желающие использовать чрезвычайно сложную внутреннюю ситуацию исключительно в своих интересах»³. Разумеется, Бжезинский и его российские адепты в корне расходились в качественной характеристике этих «внешних сил».

На самом деле, однако, образ «Большой игры», воскресивший картины прежнего противоборства Российской и Османской империй и соперничества Петербурга и Лондона, мало соответствовал реальностям рубежа XXI в. Вместо сложной шахматной партии, разыгрываемой великими державами на карте региона, Россия столкнулась с вызовом совершенно иного рода. Проблемой стала не борьба с конкурентами за заполнение вакуума, а наличие самого вакуума и его принципиальная *незаполняемость* извне — по крайней мере традиционными способами, что угрожало постоянной нестабильностью. Этот вызов впервые был брошен Москве еще до формального роспуска СССР, но российское руководство поначалу его не поняло и, соответственно, проигнорировало.

На международные последствия одностороннего провозглашения независимости Чечни (6 сентября 1991 г.) в Москве первоначально обращали мало внимания. В этот день только что созданный Госсовет распадавшегося СССР признал независимость балтийских республик, а самым главным вопросом были будущие отношения с Украиной. После неудачной вялой попытки руководства РСФСР подавить «дудаевский мятеж» (октябрь 1991 г.) Москва, сознавая свое бессилие, фактически признала независимость территории. Весной 1992 г. руководство России не только вывело из Чечни регулярные войска, но и пере-

дало генералу Дудаеву значительную часть размещенного в республике вооружения, в том числе танки, артиллерию, авиацию. В вопросе раздела военного наследия СССР Москва, таким образом, пошла навстречу Грозному дальше, чем была готова идти в отношениях с Тбилиси или Баку.

В Москве вполне сознательно закрывали глаза на превращение непризнанного государства во *внутренний офшор*, канал для масштабной контрабанды и других незаконных финансово-экономических операций. Границы Чечни оказались открытыми и не контролируемыми в обе стороны — во внешний мир и внутрь России. Пресловутый «приватизированный метр госграницы» (реально — грозненский аэропорт, ставший международным, но оставшийся неподконтрольным федеральным властям) приносил огромные выгоды не только чеченским вождям, но и влиятельным группам в федеральном Центре. В целом существование де-факто независимой Чечни в 1991—1994 гг. стало осязаемым свидетельством не только внутренней, но и международной немощи и рыхлости российской власти. Россия *по слабости и в интересах коррумпированных групп* не приняла тогда чеченский вызов, и тем самым был дан сигнал странам региона и остальному миру: «вакуум власти» появился уже на российской территории.

В Центральной Азии Россия внешне действовала более решительно. В ходе гражданской войны в Таджикистане в 1992 г. произошли первые столкновения российских войск с исламскими боевиками на территории бывшего СССР. Исламисты были вскоре вытеснены на территорию Афганистана, где получили убежище и помощь от местных военно-политических группировок. Чтобы пресечь возможность возвращения исламистов в Таджикистан, российские пограничники организовали своего рода санитарный кордон вдоль пограничной реки Пяндж. В то же время российская политика в Таджикистане, не имея собственных долгосрочных целей и четких ориентиров, подпала под сильное влияние новых душанбинских властей (кулябского клана во главе с Эмомали Рахмоновым), которые были обязаны приходом к власти российской армии.

С течением времени, однако, ситуация менялась. Россия неуклюже попыталась силой вернуть Чечню в лоно федерации, но к 1996 г. потерпела тяжелое поражение и была вынуждена отступить. Это поражение имело огромный международный резонанс. Журналист, исследователь и наш соавтор Анатолий Ливен дал своей известной книге «Чечня» характерный подзаголовок «A Tombstone of Russian Power», что по сути означает «могила российской мощи». В самой России, однако, «первая Чечня» и Таджикистан еще рассматривались *в международном*

отношении как сравнительно изолированные локальные ситуации второго-третьего плана. Соответственно поражения или победы в этих конфликтах, оставаясь чувствительными и болезненными, не рассматривались как ведущие к региональной катастрофе или, напротив, к международному триумфу. Россия проигрывала (в Чечне) или выигрывала (в Таджикистане) в «умеренных пределах», поскольку ставки считались сравнительно небольшими. Российская власть и общественность готовились вновь отвернуться от тяжелого южного направления. Вскоре, однако, ставки стали стремительно расти.

В сентябре 1996 г., всего через месяц после сдачи «федералами» Грозного, афганские радикалы из движения «Талибан» заняли Кабул, а еще спустя два года установили контроль над 90% территории страны. Афганских талибов в Москве в то время воспринимали с не меньшей тревогой, чем на Западе в начале 80-х годов — иранских фундаменталистов. Хотя в 1997 г. при посредничестве Москвы и Тегерана удалось урегулировать межтаджикский конфликт, новая угроза стабильности Центральной Азии, исходившая теперь из Афганистана, казалась еще более масштабной. По оценке российского посла в Душанбе, исламисты и их союзники ставили перед собой задачу создания государственных образований в составе так называемого «Великого Исламского Халифата», включающего Самарканд, Бухару, Ферганскую долину. «В случае укрепления позиций в Центральной Азии религиозных радикалов, — предостерегал он, — может начаться “священная война” за создание мусульманского государства и на территории России»⁴.

Афганистан, однако, был хотя и самым крупным, но не единственным звеном цепи «угроз с Юга». Еще боснийская война (1992—1995 гг.) привела к активизации мусульманского фактора на Балканах. Гораздо бóльшие последствия имело обострение албанского вопроса. В 1997—1998 гг. Албания оказалась фактически неуправляемой, а кризис в соседнем Косово (1998—1999 гг.) привел к интервенции НАТО и превращению провинции в «главный террористически-криминальный очаг в Европе»⁵, по выражению главы российского МИД. Весной 2001 г. Косово стало базой для боевых действий этнических албанцев против славянского правительства Македонии. Достигнутый летом 2001 г. компромисс, для реализации условий которого НАТО по договоренности с правительством Македонии ввело воинский контингент на территорию этой страны, все еще остается хрупким. Президент Путин в 2001 г. неоднократно сравнивал ситуацию в Македонии с Чечней, а македонских албанских боевиков — с чеченскими террористами (для полноты сравнения стоит заметить, что и некоторые действия властей Скопье, подобно действиям Москвы, вели не к урегулированию конфликта, а

к его расширению и углублению). По мнению российского руководства, угроза приняла трансконтинентальные масштабы: на рубеже веков в мире сформировался исламско-экстремистский «стратегический треугольник» Афганистан — Северный Кавказ — Косово⁶.

Тема международного терроризма стала занимать Москву с конца 90-х годов. В 1996 г. президент Ельцин участвовал в первом «антитеррористическом» саммите в египетском Шарм-эш-Шейхе, но это участие, как и сама встреча, было скорее символическим. Терроризм на Ближнем Востоке в России давно привыкли рассматривать как неотъемлемую часть политического процесса и военного противостояния в регионе; волна террора в Алжире, последовавшая после того, как армия силой не допустила победы исламистов на выборах, виделась как сугубо местное явление. Исламистов Неджмеддина Эрбакана, на недолгое время ставшего премьер-министром Турции, в Москве опасались, по-видимому, не больше, чем романтиков-пантюркистов или консерваторов-геополитиков из турецкого генштаба. Это устоявшееся отношение не поколебали даже рейды Басаева на Буденновск и Радуева на Кизляр. Перемену во взглядах Москвы на регион привнес Усама бен Ладен.

Взрывы американских посольств в Кении и Танзании в 1998 г. и последовавшие за ними ответные удары США по объектам в Афганистане и Судане свидетельствовали: «линии фронтов» в регионе от Западного Средиземноморья до Юго-Восточной Азии кардинально изменились. Борьба великих держав за регион сменялась борьбой радикалов против Запада, Израиля и России, а также их союзников. По «талибскому вопросу» США и Россия впервые оказались по одну сторону этой новой линии фронта. Москва, резко реагировавшая в тот период на удары США против Ирака, сравнительно спокойно отнеслась к американской ракетной бомбардировке Афганистана.

Другое событие 1998 г. — серия индийских и пакистанских ядерных испытаний — не только подчеркнуло общий интерес Москвы и Вашингтона в сдерживании ядерного распространения. Проблема в конце концов состояла не в самом факте появления ядерного оружия в руках той или иной страны. Проблему представлял характер режима, получившего в свое распоряжение оружие массового уничтожения. В этой связи тревогу вызывала не Индия, а Пакистан. Реальностью стала если не «исламская ядерная бомба», то крупное — по численности населения равное России — и внутренне нестабильное исламское государство, имеющее на вооружении ядерное оружие. Забегая вперед, заметим, что «вторая интифада» в Палестине, начавшаяся в 2000 г. после провала арабо-израильского мирного процесса, привела к тому, что

для многих россиян впервые более естественным стало отождествлять себя с израильтянами, чем с арабами.

В таком контексте вторая кампания на Северном Кавказе, начавшаяся в августе 1999 г., первоначально развивалась по контрасту с первой. Чеченцы первыми совершили набег на Дагестан, Россия продемонстрировала волю и способность к массированному ответному применению военной силы. Вслед за последовавшей несколько недель спустя вылазкой исламистов в Киргизии в сознании российского руководства впервые появилась жесткая смычка двух однотипных угроз — чеченской и новой «афганской». При этом характерно, что одна из них была внутренней, а другая внешней. Кумулятивный эффект такого соединения оказался мощным. Россия не только применила силу, но и стала проводить более осознанную и внутренне более скоординированную политику. Эта политика привела к существенным последствиям для отношений Москвы со странами СНГ (Южный Кавказ и Центральная Азия), мусульманскими государствами, а также со странами Запада, Китаем и Индией.

СЕПАРАТИСТЫ, ТЕРРОРИСТЫ И ОТНОШЕНИЯ СО СТРАНАМИ СНГ

Главное, что подтвердили и закрепили Чеченская война и кризисы в Центральной Азии, состоит в том, что бывший Советский Союз уже так же принадлежит истории, как и сам СССР. «Общность судьбы» трансформировалась в общность истории — вернее, отрезка истории, более или менее длительного. Судьбы разошлись. Афганская война 1979—1989 гг. отразилась на Белоруссии не меньше, чем на Таджикистане. Чеченские кампании, напротив, стали событием главным образом для России и стран Южного Кавказа (преимущественно Грузии и Азербайджана); нестабильность в Афганистане и «выбросы» исламского экстремизма заботят прежде всего государства Центральной Азии и опять же Россию. Для прочих стран СНГ эта ситуация становится все более внешней, а ее влияние — косвенным, часто практически незаметным.

Первая чеченская кампания привела к очевидному ослаблению российского влияния в Содружестве, и прежде всего в Кавказском регионе. В первые годы новообретенной независимости грузинская и азербайджанская элиты опасались повторения сценария 1918—1921 гг., когда после непродолжительной паузы, вызванной Гражданской войной в России, Москва восстановила контроль над Закавказьем. При этом военные методы (продвижение 11-й Красной армии) сочетались с политическими (действия местных большевиков против «буржуазных

правительств»). Семьдесят лет спустя миротворческие операции российских войск, помощь влиятельных российских сил абхазам против Грузии и карабахским армянам против Азербайджана, военное присутствие Москвы в регионе, особенно на фоне слабости национальных армий, постоянные заговоры, нити которых, как утверждалось, вели в Москву, предоставление Россией убежища свергнутым правителям (таким, как Аяз Муталибов) или неудачливым претендентам (Сурету Гусейнову, Игорю Георгадзе) рассматривались как подготовка к реализации именно такого сценария. Для южно-кавказских элит в тот период была характерна переоценка возможностей России и *демонизация* ее политики. Отчасти такое отношение было искренним, отчасти было призвано служить инструментальной цели: Россия как противник способствовала консолидации новых государств, хотя бы первоначально на уровне элит.

«Первая чеченская», однако, продемонстрировала всему Кавказу, и не только ему (Украина и страны Балтии, а также Польша и другие страны Центральной Европы обратили на это внимание), что восстановление Советского Союза военным путем нереально. У Москвы, как выяснилось, не было для этого не только политической воли, но и военной силы. Независимая Ичкерия не только продолжила существовать де-факто, как это было в 1991—1994 г. *при непустительстве* Москвы, но и сумела отстоять свою независимость в прямом вооруженном конфликте с центральной властью — подобно Абхазии и Карабаху. Это было уже своего рода материальной гарантией от российского военного вмешательства в Грузии и Азербайджане. В результате Тбилиси и Баку испытали явное облегчение, несмотря на то, что в Чечне восторжествовал принцип вооруженного сепаратизма, а близкое соседство с мятежной Чечней было сопряжено с массой неудобств и даже опасностей.

В итоге СНГ, еще в 1993 г. считавшееся прообразом нового «евразийского» объединения — подобно тому, как военно-дипломатический союз советских республик в 1921—1922 г. проложил дорогу СССР, — уже не могло рассматриваться всерьез как действенный инструмент реинтеграции. В 1994—1996 г. страны СНГ по существу отказались поддержать Москву в ее полемике с Западом по вопросу о расширении НАТО. К 1996 г. «миротворческая» коалиция в Таджикистане практически распалась. Узбекистан, Казахстан и Киргизия вывели войска из состава коллективных сил, оставив Россию в положении единственного миротворца. Двусторонний альянс Москвы и Душанбе вызвал настороженность и подозрения Ташкента в отношении целей политики России в регионе. Предпринятая Узбекистаном в 1998 г. попытка

«стать третьим» в этом союзе, развернув его против исламистов, потерпела неудачу из-за межгосударственных противоречий с Таджикистаном и сохранявшихся у Ташкента сомнений в отношении России.

Внутри СНГ, но в противовес Москве, в середине 90-х годов стала формироваться ассоциация ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия), к которой в начале 1999 г. присоединился Узбекистан (ГУУАМ). «Гуамовцы» заявили о стремлении активно развивать военно-политическое сотрудничество с США и НАТО, что нашло понимание и поддержку на Западе. В 1997 г. Украина сразу вслед за заключением Основополагающего акта Россия-НАТО подписала хартию об особом партнерстве с НАТО. Грузия заявила о желании присоединиться к Североатлантическому альянсу. Азербайджан открыл публичную дискуссию о размещении на своей территории военных баз США или Турции. Контингенты стран НАТО стали регулярно принимать участие в учениях на территории Украины, в том числе в Крыму и на Черном море («Sea Breeze») и в Центральной Азии («Centrasbat»). США стремились подготовить новых партнеров к отражению будущих угроз — в частности, для обеспечения безопасности нефтепроводов, но главной задачей являлось укрепление и распространение «геополитического плюрализма» на постсоветском пространстве. Фактически речь шла не просто об укреплении независимости новых государств, а об укреплении *их независимости от России*. Не все эти события, конечно, явились прямыми следствиями поражения Москвы в первой чеченской кампании, но все они стали возможны в условиях политической и военной слабости России, которую так выпукло и ярко продемонстрировала Чечня-1.

Необходимо иметь в виду, что в период президентства Бориса Ельцина российская внешняя политика подверглась не только децентрализации, но отчасти и «приватизации». Феликс Станевский, посол России в Грузии (1996—2000 гг.), так характеризовал тогдашнюю ситуацию: «Никакой МИД не был в состоянии координировать действия министерств, ведомств и субъектов Федерации, просто высокопоставленных чиновников»⁷, каждый из которых преследовал групповые или личные цели. Не координировал ситуацию и Кремль. Наряду с актерами государственными (но действовавшими часто порознь и даже друг против друга) на внешнеполитическую арену вышли частные игроки — представители деловых кругов, часто соперничавших и использовавших в этой борьбе аппарат государства. Борис Березовский, бывший в 1997—1998 гг. заместителем секретаря Совета безопасности «по Чечне», откровенно лоббировал интересы компаний, владельцем которых он являлся. Огромную роль стали играть откровенно криминальные круги.

Вторая чеченская кампания и нападения боевиков в Центральной Азии резко изменили ситуацию по обе стороны Каспия. Что касается самой России, то с приходом к власти Владимира Путина она отказалась от ельцинской имитации интеграции постсоветского пространства и перешла к жесткому отстаиванию и продвижению (экспансии) своих национальных интересов в конкретных странах и по конкретным направлениям. Символическим, хотя поначалу почти символическим шагом стал выход России из Бишкекских соглашений 1992 г. о безвизовом режиме поездок внутри СНГ (декабрь 2000 г.). Россия впервые приступила к развертыванию пунктов пропуска на границе с Казахстаном⁸. На этой границе, самой протяженной в мире, а также в Ставрополье и Краснодарском крае население, привыкшее за столетия к жизни в глубоком тылу, оказалось в 90-е годы на линии соприкосновения с зонами конфликтов и нестабильности. В 2001 г. Москва потребовала от стран СНГ поддержки своей генеральной внешнеполитической линии, угрожая в противном случае отменой сохраняющихся после распада СССР «привилегий» — от льгот по долгам до свободного перемещения и трудоустройства граждан.

В этой связи наиболее существенно изменилась политика по отношению к кавказским государствам. В целом снисходительное при Ельцине отношение к прозападной ориентации Грузии и Азербайджана сменилось при Путине жестким выяснением отношений с явными элементами давления. Давно копившееся раздражение российских верхов проиллюстрировали слова Андрея Николаева: «Расписавшись в собственном бессилии, они (Грузия и Азербайджан. — *А. М., Д. Т.*) устремились на поиски спонсоров в области не только экономики, но даже безопасности и обороны». Бывшие советские республики, по мнению думского генерала, фактически «сдают Кавказ» американцам и их союзникам⁹.

Катализатором для политических выводов стала вторая чеченская кампания. «Грузинский нейтралитет в чеченских делах, первоначально откровенно благожелательный для боевиков», по выражению Ф. Станевского, помог Москве «скорректировать линию» политики в отношении Тбилиси¹⁰. Российское руководство было разгневано отказом Тбилиси разрешить российским пограничникам, как это было в 1995—1996 гг., взять под контроль чеченский участок российско-грузинской границы со стороны Грузии. Грузинские власти также фактически смирились с утратой контроля над приграничным с Чечней Панкисским ущельем, где, по различным оценкам, приводившимся в российской печати, скопилось от 1,5 до 12 тыс. чеченских беженцев и боевиков¹¹.

Символом «корректировки» стало введение в 2000 г. визового режима на российско-грузинской границе — за более чем оскорбительным для Грузии исключением неподконтрольных Тбилиси Абхазии и Южной Осетии. «Исключения» были призваны оказать дополнительный политико-психологический нажим на грузинские власти, но в действительности еще больше оттолкнули большинство грузинских политиков от России. Российские компании также предъявили Грузии к оплате счет за газовые долги. В результате российско-грузинские отношения резко ухудшились¹². Руководство Грузии открыто демонстрировало стремление сблизиться с США, Турцией и вступить в НАТО, добивалось вывода российских баз со своей территории, а Россия отвечала болезненными для соседней страны контрмерами. Наибольшую опасность на рубеже 2000 и 2001 гг. представляли сценарии перехода российскими войсками границы с Грузией для уничтожения лагерей чеченских боевиков, что почти наверняка спровоцировало бы жесткую реакцию Вашингтона. Несколько позже провокационную роль сыграл рейд отряда Руслана Гелаева из Панкиси через Западную Грузию для нанесения удара по российским военным базам в Абхазии¹³. Осенью 2001 г. Москва прямо обвинила Тбилиси в использовании чеченских бандформирований для решения абхазской проблемы.

Азербайджан еще с первой чеченской кампании также рассматривался российским правительством в качестве базы отдыха и места размещения полувоенных лагерей боевиков под вывеской различных исламских благотворительных фондов. В 1995 г. Россия ввела ограничения на передвижение людей и грузов через российско-азербайджанскую границу, что создало многочисленные неудобства, но реально привело лишь к повышению уровня коррумпированности должностных лиц по обе стороны пограничной линии.

В 1999 г. Москва оказала более целенаправленный нажим на Баку — аналогичный тому, которому она подвергла Тбилиси. «Выяснение отношений», однако, привело к совершенно иным результатам, чем в случае Грузии. Президент Гейдар Алиев, озабоченный решением проблемы преемственности власти в рамках своей семьи и разочаровавшийся в способности и готовности США содействовать обеспечению такой преемственности, решил пойти навстречу Москве и продемонстрировать лояльность ей. В России, в свою очередь, «высоко оценили понимание и действенные меры руководства Азербайджана, направленные на предотвращение распространения международного терроризма в Закавказье»¹⁴.

Президент Путин нанес в январе 2001 г. официальный визит в Баку. Это стало первым приездом кремлевского лидера в Азербайджан со

времени поездки Брежнева в 1982 г. (по иронии истории в обоих случаях принимающую сторону возглавлял Гейдар Алиев). В 2002 г. Алиев неоднократно приезжал с визитами в Москву и С.-Петербург. Несмотря на сохраняющиеся между Москвой и Баку разногласия, сближение по Чечне и статусу Каспия существенно изменили климат российско-азербайджанских отношений. Баку вынужден был учесть интересы безопасности России и в вопросе о Габалинской радиолокационной станции, входящей в систему раннего предупреждения о ракетном нападении.

Итак, если первая чеченская кампания ослабила российские позиции в Закавказье, то вторая способствовала их укреплению. На этом фоне стали проясняться контуры региональной стратегии Москвы. В политическом отношении, утверждая себя в качестве *четвертой кавказской державы*, Россия в 2000—2001 гг. сделала заявку на создание единой (фактически замкнутой) системы региональной безопасности в рамках так называемого Большого Кавказа. Этот регион охватывает российский Северный Кавказ, Южный Кавказ, а также прилегающие к ним акватории Черного и Каспийского морей. Он тесно связан с Центральной Азией. С точки зрения авторов этой идеи Турция и Иран лишь *примыкают* к Большому Кавказу, а США и страны ЕС являются внешними, посторонними силами по отношению к нему¹⁵. В рамках такого подхода каспийская политика Москвы основывалась на принципе решения всех проблем исключительно самими прикаспийскими государствами, без вмешательства посторонних сил — в данном случае опять Соединенных Штатов, Турции и Европейского союза. Речь шла, таким образом, о том, чтобы Россия стала единственно «законно присутствующей» державой не только на Кавказе, но и на всем постсоветском Юге.

Провозглашая еще задолго до сентября 2001 г. курс на борьбу с «международным терроризмом», Россия опиралась на военно-политический союз с Арменией, развивающееся асимметричное партнерство с Азербайджаном и проводила жесткий курс в отношении Грузии, заставляя Тбилиси учитывать российские геополитические и стратегические интересы в регионе. Помня уроки Афганистана и первой чеченской кампании (а также конфликтов в Абхазии и Карабахе), Москва решительно стремилась к физической изоляции чеченских боевиков, перекрытию всех каналов их подпитки. В дальнейшем сотрудничество с соседями должно было исключить повторение ситуаций чеченского типа. Москва также была первоначально полна решимости предотвратить постоянное военное присутствие стран НАТО в регионе Большого Кавказа и на Каспии, ограничить сотрудничество новых государств

с Западом в военной сфере. Важной экономической задачей российской политики являлось противодействие строительству нефте- и газопроводов в обход России. Укрепление российских позиций в СНГ позволило Москве рассчитывать на более благожелательный учет ее интересов со стороны Алма-Аты и Ашхабада. Для сохранения своей конкурентоспособности в качестве транзитной страны Россия изменила трассу нефтепровода Баку — Новороссийск, которая с 1998 г. обходит Чечню.

Подобно миротворчеству в начале и первой половине 90-х годов Москва стремилась, таким образом, превратить сотрудничество в борьбе с международным терроризмом в фактор военно-политического объединения стран СНГ вокруг России. В период гражданской войны в Таджикистане сотрудничество в рамках Коллективных миротворческих сил было чисто номинальным, а в 1997—1998 гг. прекратилось вовсе. Договор о коллективной безопасности, реально так и не заработавший из-за явных различий в восприятии внешних угроз, дал трещину: в апреле 1999 г. Азербайджан, Грузия и Узбекистан отказались продлить свое членство. Эту тенденцию удалось переломить во многом благодаря успеху второй чеченской кампании.

Постсоветские режимы Центральной Азии действительно испугались вызова со стороны исламистов. Хорошо понимая, что собственных средств для обеспечения выживания у них недостаточно, правящие кланы пришли к выводу, что в экстремальной ситуации США не окажут им реальной помощи. Для Америки Центральная Азия — несмотря на каспийскую нефть — вплоть до сентября 2001 г. стояла сравнительно невысоко в шкале приоритетов, когда речь заходила о возможности применения силы. В этих условиях в столицах бывших советских республик сочли, что реальную военную помощь можно ожидать только от Москвы.

Чрезвычайно важно, что за прошедшее с момента распада Советского Союза десятилетие у постсоветских элит появилась достаточная степень уверенности в том, что руководство России действительно не стремится к восстановлению СССР. Первая чеченская кампания, которая велась под лозунгом борьбы с сепаратизмом, возможно, предотвратила опасный кризис между Москвой и Киевом из-за Крыма. После избрания Юрия Мешкова в январе 1994 г. президентом Республики Крым противостояние между Киевом и Симферополем стало быстро нарастать. Ключевым фактором являлась позиция Москвы. К осени 1994 г. стало ясно, что Россия не вмешается во внутриукраинский конфликт. Точка невозврата была отмечена российско-украинским «большим договором», подписанным в 1997 г. и ратифицированным

российским парламентом двумя годами позже. С середины 90-х годов Россия также перестала оказывать прямую поддержку Приднестровью и Абхазии, не прерывая, однако, отношений с ними. Российская дипломатия восприняла принцип «общего государства» при решении этнических конфликтов.

Такая эволюция политики Москвы позволила правящим группировкам в странах СНГ также занять прагматичную позицию — если Россия не посягает на независимость их государств (а значит, и на положение новых элит), сотрудничество с ней не только не рискованно, но может быть полезным, а иногда просто необходимым для укрепления постсоветских режимов.

В обмен на «учет своих интересов» Москва отказалась даже от символических попыток воздействовать на государства Центральной Азии, чтобы стимулировать там процессы демократизации. В контексте «борьбы с международным терроризмом», стремясь выглядеть менее проблемным партнером по сравнению с «разборчивым» Западом, Россия закрыла глаза не только на репрессии в отношении любой оппозиции в государствах Центральной Азии, но и на ущемления прав русских меньшинств (показательно сравнение такой *тихой* позиции с постоянным публичным прессингом Латвии и Эстонии). В этой связи деятельность ОБСЕ в регионе не представляет, по мнению российских властей, особой ценности. Демонстрация Москвой отсутствия аллергии к авторитаризму и деспотии на постсоветском пространстве пришлась как раз на период ужесточения всех без исключения режимов центрально-азиатских стран. С такими режимами, считается, легче и, главное, эффективнее работать (характерно, что в контексте собственной контртеррористической операции аналогичный подход к проблеме продемонстрировали и США — в отношении Узбекистана, Пакистана, Египта, Саудовской Аравии и ряда других стран).

Еще до начала второй чеченской кампании Россия попыталась переориентировать военно-политическое сотрудничество в рамках СНГ и Договора о коллективной безопасности на «борьбу с международным терроризмом», но неудачно. Как уже упоминалось, в 1998 г. Москва, Ташкент и Душанбе заключили тройственный союз для борьбы с «религиозным экстремизмом». Союз этот, однако, распался через несколько месяцев. Причиной размолвки стал мятеж полковника Худойбердыева в северном Таджикистане и последовавшие за ним взаимные обвинения Душанбе и Ташкента — между прочим, совершенно справедливые — в поддержке подрывных сил на территории друг друга. В том же году Киргизия добилась вывода из страны российских пограничников.

Лишь после того, как в феврале 1999 г. исламисты устроили мощные взрывы в центре Ташкента, руководство Узбекистана приняло решение возобновить сотрудничество с Москвой в области безопасности. В 1999 г. в рамках СНГ был заключен договор о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, а в 2000 г. было принято решение о создании антитеррористического центра. Одновременно активизировался совет руководителей спецслужб стран СНГ в составе министров внутренних дел, руководителей прокуратур, спецслужб, налоговых органов. Бишкек, со своей стороны, попросил помощи у России в обустройстве границ. В декабре 1999 г. Владимир Путин, тогда еще председатель правительства России, подписал в Ташкенте договор о военном и военно-техническом сотрудничестве. Были проведены совместные учения «Южный щит Содружества». Характерно, однако, что ни Узбекистан, ни даже Киргизия не просили у Москвы помощи войсками и не предлагали свою территорию для постоянного размещения российских военных баз.

Правительства центрально-азиатских государств рассматривали не только Афганистан, но и так называемый Ферганский треугольник (долину на стыке границ Узбекистана, Киргизии и Таджикистана) в качестве источника стратегической угрозы. Работала историческая память: в период советизации Туркестана Ферганская долина была центром басмаческого движения. В то же время у местных элит появляется ощущение того, что в ходе начавшейся «борьбы с международным терроризмом» они являются пешками в игре крупных держав за собственную — «имперскую» — безопасность. В результате самостоятельность новых государств региона была поставлена в новые жесткие рамки. Милитаризация внутри отдельных стран и их зависимость от внешних сил усилились. В этом контексте вплоть до появления в Центральной Азии осенью 2001 г. американских войск Россия как относительно слабеющая внешняя сила — по сравнению, например, с быстро укрепляющим свою мощь Китаем — считалась менее опасным и потому предпочтительным партнером ¹⁶ (разумеется, финансовые, экономические и политические возможности США ставят их вне конкуренции).

Ускоренная милитаризация региона создает, впрочем, дополнительные условия для роста влияния России. Вооруженные силы бывших советских республик представляют собой фрагменты Советской армии. Они организованы по советской модели, вооружены советским оружием, служат, учатся и воюют по советским уставам, широко используют русский язык и т. д. С начала первой Чеченской войны и вплоть до обострения ситуации в Центральной Азии (1995—1999 гг.) военные расходы стран СНГ выросли: в Узбекистане — на 137%, в Азербайджане — на 73%, в Туркмении — на 71%, в Армении — на 45%. Сократи-

лись военные расходы только в Грузии и Казахстане¹⁷. После 1999 г. этот рост еще более ускорился.

Страны СНГ не располагают средствами для закупок современных систем оружия. В начале 2001 г. Москва, изменив подход к торговле оружием, практиковавшийся на протяжении первых десяти лет после распада СССР, приняла решение о льготных условиях поставок российского вооружения своим союзникам — членам Договора о коллективной безопасности. Тем самым Россия пыталась максимально ограничить военное и военно-техническое проникновение США и Турции на Южный Кавказ и в Центральную Азию. Ситуация резко изменилась после начала контртеррористической операции США в Афганистане. США не только практически решают задачу создания современной афганской армии, но и активизировали военное сотрудничество с постсоветскими государствами региона — прежде всего с Узбекистаном и Грузией. В этих странах советская военная традиция, вероятно, не будет иметь продолжения в XXI в.

Существенную роль в отношениях Москвы с южными соседями играет наркоторговля. Поток наркотиков в Россию с южного направления начался еще в период войны в Афганистане. Распад СССР, гражданская война в Афганистане и Таджикистане, конфликты на Северном Кавказе придали наркоторговле мощный импульс. Российские официальные лица считают, что наркотики превратились в «тихое оружие» исламских экстремистов в борьбе с «неверными», «лучшее средство истребления русских, которые ими объявлены «врагом номер один»»¹⁸. Не только Афганистан, но и Таджикистан превратились в *наркозависимые государства*, экономика которых зависит от производства и/или транзита наркотиков. Киргизский город Ош стал важнейшим перевалочным центром «северного маршрута» наркотрафика. По оценкам, каждый четвертый ферганец участвует в обороте наркотиков¹⁹. Обычно в производстве и распространении наркотических средств обвиняли афганских талибов, узбекских исламистов и «неинтегрированных» таджикских оппозиционеров. Этот список был усечен по политическим соображениям. Союзник Москвы в Афганистане Северный альянс, влиятельные группировки в руководстве Таджикистана и Киргизии, наконец, сами российские военные оказываются прямо или косвенно вовлеченными в наркобизнес. Итак, с одной стороны, подрывается здоровье нации, с другой — Россия оказывается в союзе с правительствами, имеющими связи с наркобаронами, с третьей — происходит разложение российских силовых структур. Местные власти мало что в состоянии сделать, даже если бы хотели: непрекращающиеся войны и конфликты создают благоприятную обстановку и обес-

печивают надежное прикрытие для извлечения колоссальных прибылей²⁰.

Контрабанда наркотиков тесно связана с контрабандой оружия. При этом деньги, полученные на торговле наркотиками в России, иногда тратятся там же, в России, или на Украине для закупок оружия для исламистов. Чеченский конфликт способствовал колоссальному росту как наркоторговли, так и оружейной контрабанды.

Вооруженные конфликты и нестабильность на Кавказе и в Центральной Азии вызвали потоки беженцев, вынужденных переселенцев, экономических мигрантов из стран СНГ в Россию. Особой проблемой стал исход русского и русскоязычного населения в северном направлении. В Чечне — экстремальный случай — осталось всего несколько тысяч русских из 300 тыс. в 1989 г., в Таджикистане — менее 100 тыс. из почти 400 тыс. в 1991 г. Существенно упала (соответственно до 32% и 15%) доля русского населения в Казахстане и Киргизии. Это, в свою очередь, привело к угасанию русской культурной традиции, образования на русском языке и, как следствие (по крайней мере в краткосрочной перспективе), — к традиционализации и архаизации местных обществ и институтов.

С другой стороны, улицы российских городов наполняются выходцами из стран Закавказья и Центральной Азии. По распространенным оценкам, в России на рубеже XXI в. находилось около 2 млн азербайджанцев, почти 1 млн грузин, сотни тысяч таджиков. В большинстве случаев это нелегальные иммигранты, занимающиеся розничной торговлей, строительством и т. п. Население России сокращается на 700—750 тыс. человек ежегодно. Тем не менее идея взаимодополняемости России и Центральной Азии в рамках формулы «земля и люди» (т. е. проект переселения граждан центрально-азиатских государств в малонаселенные районы России) находит мало приверженцев в России²¹, скорее наоборот. Неурегулированность правового статуса, тяжелое экономическое положение большинства иммигрантов с постсоветского Юга создают условия для вовлечения некоторых из них в деятельность криминальных организаций. Это вызывает протест и ответную реакцию. Власти ряда регионов — в частности, Кубани — выступают за депортацию нелегальных иммигрантов (причем не только мусульман, но и армян). В оправдание произвола со стороны милиции, бытового шовинизма русского населения часто выдвигается тезис о том, что «Россия находится в состоянии войны»²². Это имеет долговременные и опасные последствия для отношений России с южными соседями.

Несмотря на попытки Москвы удержать страны СНГ в своей геополитической орбите, республики Средней Азии — невзирая на унасле-

дованное от СССР формальное членство в ОБСЕ — на деле постепенно становятся частью Большого Среднего Востока. Еще до террористической атаки против США в сентябре 2001 г. этот регион приобретал все более существенное значение для международной стабильности и безопасности в начале XXI в. На фоне быстрого роста населения, усиления неравномерности развития отдельных стран, вызревания противоречий и конфликтов внутри них и усиления межстрановой конкуренции в регионе общая непредсказуемость развития нарастает. Терроризм представляет колоссальную проблему сам по себе, но он также указывает на многие противоречия фундаментального характера. Важнейшее значение в этой связи приобретают вопросы о судьбах Турции и Ирана — тоже, как и Россия, традиционно имперских государств. Неясно будущее Пакистана и Саудовской Аравии. В этом широком контексте чеченские войны и кризисы в Центральной Азии непосредственно влияют на роль и место России к югу от старой советской границы, кардинально меняя содержание и формы российской политики.

Итак, на фоне продолжающейся войны в Чечне и периодических вторжений боевиков в Центральной Азии Россия пытается заново определить свои национальные интересы в Кавказском и Центрально-Азиатском регионах. Путинское руководство прагматично стремится реализовать сравнительные преимущества России в отношениях с более слабыми соседями. Речь идет не о возобновлении «традиционной русской экспансии», а скорее о стремлении удержать ситуацию в сфере безопасности от резкого обвала и максимально продвинуть при этом российские национальные — преимущественно коммерческие — интересы. Иначе говоря, в области политики безопасности Россия проводит преимущественно оборонительный курс на юго-восточном направлении, в области внешнеэкономической политики ее линия откровенно наступательная.

В изменившейся обстановке руководству России важно не переоценить свои возможности. В экономическом, финансовом и политическом отношениях ресурсы Москвы жестко ограничены, ее военные возможности довольно скромны. Проецирование силы даже в пределах ближайшей российской периферии еще долго будет оставаться трудной задачей.

В то же время, как известно, исламисты могут быть прагматичны. Примеры этого демонстрируют Таджикистан конца 90-х годов и Иран. Не исключено, что лидеры других исламских движений сочтут, что в их интересах скорее поддержание нормальных отношений с Россией, чем продолжение нажима на нее извне и расшатывания изнутри. В перспективе, таким образом, России, быть может, предстоит не только

сталкиваться, но и сотрудничать с исламскими или исламизированными режимами. Отказавшись от погони за призрачной «победой», российские власти, возможно, придут к выводу, что оптимальной политикой являются сотрудничество с умеренными исламскими кругами, диалог с радикалами, изоляция экстремистов и достижение выполнимых договоренностей. Непременным условием успеха такой стратегии является налаживание прочных отношений с основными силами современного мусульманского мира.

ЧЕЧНЯ И ОТНОШЕНИЯ МОСКВЫ С СЕРДЦЕВИНОЙ МУСУЛЬМАНСКОГО МИРА

Среди российских элит нет единой точки зрения на значение мусульманского мира для внешней политики страны.

Для российских *традиционалистов* союз с мусульманским миром против Запада — важнейший фактор восстановления России как мировой державы. На протяжении 90-х годов политики и публицисты имперско-националистического толка и даже высокопоставленные государственные деятели призывали к союзу с Ираном, Ираком и Ливией в рамках стратегии многополярного мира. На этом направлении естественно смыкаются три демона российского прошлого — великодержавность, антиамериканизм и антисемитизм. Чеченская война и конфликты в Центральной Азии, однако, — серьезный удар по этим унаследованным от СССР и резко обострившимся после его развала настроениям. Никто не в состоянии игнорировать тот факт, что союзниками боевиков выступают арабские экстремистские организации, которые объявили своими врагами также США и Израиль.

С точки зрения *алармистов* — отчасти неопочвенников, отчасти западников — Россия находится на передовой линии уже начавшейся борьбы между Западом и Югом. В начале 90-х годов стали популярны рассуждения об экспансионистском «исламском блоке», стремящемся к доминированию на Ближнем и Среднем Востоке и обладанию ракетно-ядерным оружием. Характерными в этой связи являются следующие высказывания: «На наших глазах в мучительных противоречиях и междоусобицах начинает складываться исламская империя»; «уже слышны призывы восстановить Золотую Орду от Волги до Хуанхэ»; «нас просто сметут, как последних могикиан». Ощущение слабости, почти обреченности порождают не только геополитические, но и демографические тенденции. Численность населения России, составлявшая в 1991 г. 148 млн человек, сократилась к 2000 г. до 144 млн, а к 2005 г., как ожидают, опустится до 141 млн. В дальнейшей перспективе России предрекают настоящий «обвал»: до 86,5 млн человек к 2050 г.

Вывод алармистов неутешителен: «выморочной русской нации» противостоят растущие мусульманские общества. Их трудовая экспансия уже началась. Ставропольский и Краснодарский края, Астраханская и Оренбургская области заполняются переселенцами с юга. «Москва завтра, — пророчествует известный социолог Игорь Кон, — это Париж и Лондон сегодня. Помноженные на Бейрут или Кабул вчера»²³.

Алармистские настроения распространяются даже в военной среде, причем воспринимаемые новые угрозы иногда для убедительности обряжают в знакомые одежды. Так, для некоторых военных публицистов «исламская восьмерка» (Нигерия, Египет, Турция, Иран, Пакистан, Бангладеш, Малайзия, Индонезия) является прообразом «мусульманского НАТО». Заключения этой группы военных мрачны. «Пассионарный подъем ислама», отмечается в публикации Института военной истории Минобороны, уже оказывает влияние на Россию через события на Северном Кавказе. В перспективе новые войны могут даже «уничтожить Россию»²⁴.

Наиболее влиятельная сила в российском руководстве, однако, — «реальные политики». Имея в тылу Чечню, а по фронту Центральную Азию, они предпочитают разыгрывать геополитические партии, особенно с участием традиционных контрагентов Москвы в этом регионе — Турции, Ирана и Пакистана. Еще в проекте Концепции обеспечения безопасности и военной доктрины России, подготовленном МИДом в апреле 1992 г., ставилась задача «использовать соперничество Ирана и Турции» с целью недопущения создания коалиций и альянсов, направленных против России²⁵. Относительно новым направлением стала работа против международных организаций исламских радикалов. В этой связи представляется целесообразным проанализировать влияние чеченского фактора на отношения России с рядом ключевых государств региона.

ТУРЦИЯ — «ВЕЧНЫЙ» СОПЕРНИК?

Чеченская война стала одним из важнейших факторов становления новых российско-турецких отношений. Этот фактор сыграл, особенно на протяжении 90-х годов, скорее негативную, обременительную роль. У Москвы выстроился целый ряд претензий к Анкаре в связи с Чечней. В основном они сводятся к следующему.

1. После распада СССР, как убеждены многие в Москве, Турция стремится взять исторический реванш за поражения в борьбе с Российской империей в XVIII—XIX столетиях. Опираясь на тесные связи с Азербайджаном, она осуществляет политическое, военное и экономическое проникновение в Центральную Азию, а также в Грузию, изолируя един-

ственного союзника России в регионе — Армению. Активность Турции простирается и в пределы российской территории — на Северный Кавказ и в Поволжье. При этом Анкара, как убеждены многие российские аналитики, руководствуется доктриной «пантюркизма-пантура-низма»²⁶. Соответственно стратегической целью Турции, по мнению части российской элиты, является ослабление России и ее вытеснение с постсоветского юга. Чеченский сепаратизм способствует достижению этой цели.

2. Турция является ведущим геополитическим партнером и агентом США, действующим на Ближнем и Среднем Востоке, в бассейне Каспия и на всем постсоветском пространстве в интересах Вашингтона. Чечня — фактор в «Большой игре», идущей на этом пространстве.

3. Турецкие власти снисходительны к чеченским боевикам. Пользуясь покровительством со стороны высокопоставленных турецких чиновников, лидеры боевиков (например, главный ичкерийский пропагандист Мовлади Удугов) получали возможность беспрепятственно вести политическую и пропагандистскую работу, отдыхать и лечиться на территории Турции. Существуют подозрения, что в Турции располагались лагеря по подготовке чеченских боевиков. Территория Турции, как долго считалось, использовалась боевиками и террористами и как плацдарм для проникновения на Северный Кавказ²⁷, и как коридор для переброски сил на другое направление (например, в Афганистан)²⁸.

4. По «частному» мнению российских военных, офицеры турецкого Генерального штаба не только активно вели разведку на Северном Кавказе, но и помогли боевикам разрабатывать операции против российских войск. В отрядах чеченских боевиков, как утверждалось, воевали турецкие добровольцы.

5. В Турции действует около 80 организаций северокавказской диаспоры, оказывающих материальную помощь боевикам.

6. Чеченские террористы неоднократно совершали террористические акты на территории Турции. Например, в январе 1996 г. был захвачен морской паром «Аврасия», в марте 2001 г. угнан российский самолет, совершавший рейс по маршруту Стамбул — Москва, в апреле 2001 г. произошел захват гостиницы в Стамбуле.

7. Самопровозглашенная Турецкая республика Северного Кипра признала независимость Чечни.

Этот список свидетельствует о том, что чеченский фактор способствовал укреплению традиционного геополитического мышления в российской правящей элите. Турция в соответствии с этой логикой предстает как «вечный» конкурент, и взаимоотношения с ней — практиче-

ски «игра с нулевой суммой». Интересно, однако, что несмотря на чеченские кампании и вызванные ими подозрения и антипатии, Россия и Турция в 90-е годы быстро превратились в крупных экономических партнеров. Символом этих новых отношений стал реализованный проект транспортировки в Турцию российского газа по дну Черного моря «Голубой поток». Турция превратилась в одного из ведущих покупателей продукции российского «Газпрома». Более того, внешняя торговля — и общение — между двумя странами стали «народными» благодаря многочисленным российским «челнокам». Еще важнее, по-видимому, что именно турецкие курорты заменили нарождающемуся российскому «среднему классу» Крым и Кавказ. Наконец, борющаяся за выживание российская военная промышленность и лоббирующий ее интересы Генштаб рассматривают Вооруженные силы Турции в качестве привлекательного клиента. Так экономический интерес постепенно, но неуклонно «отвоевывает территорию» у геополитического.

Что касается действий исламистов, то в России не могут не замечать, что турецкие власти решительно борются с влиянием ваххабитов, фундаменталистов и прочих радикалов, причем часто используя жесткие меры. Турецкие правящие круги более всего опасаются собственных исламских радикалов, претендующих на власть и открыто выступающих за исламизацию турецкого общества. Приход к власти в 1995 г. правительства Исламской партии Спасения во главе с Неджмеддином Эрбаканом (кстати, всегда симпатизировавшим исламским радикалам на Северном Кавказе) вызвал настоящую панику среди светски ориентированной части турецкого общества. Под давлением армии Н. Эрбакан вскоре ушел в отставку.

Более того, турецкие власти даже считают себя обязанными противодействовать религиозной радикализации в регионе. Именно в этом направлении действует турецкий *Диянет*, выполняющий функции министерства по делам религии, который всячески, в том числе финансово поддерживает Духовное управление мусульман Республики Дагестан — главный оплот борьбы против «ваххабитов». Террористы Усамы бен Ладена являются заклятыми врагами турецкого правительства. Позиция Анкары по Афганистану полностью солидарна с позицией США.

Наконец, резко критикуя действия российской армии в Чечне, турецкое правительство нетерпимо относится к любым сепаратистским поползновениям на своей территории. Между проблемой курдского сепаратизма и сепаратизмом чеченцев существует очевидная связь. Независимая Чечня — пример для тех, кто выступает за независимость Курдистана, и наоборот. Не менее очевидна параллель между войсковой операцией на Северном Кавказе и действиями турецкой армии в

населенных курдами провинциях Восточной Анатолии в 80—90-е годы. Обе операции — притом в схожих выражениях — критикуются Европейским союзом и Советом Европы как наглядный пример «недостаточной цивилизованности» России и Турции.

Неудивительно поэтому, что сдержанность Анкары в чеченском вопросе стимулировалась и компенсировалась встречной сдержанностью Москвы на курдском направлении. Когда турецкие власти, по мнению Москвы, забывали об этой взаимосвязи, им напоминали активизацией неформальных контактов российских представителей с курдскими деятелями в Сирии. Бывали и противоположные сигналы. Российские власти, в частности, в 1998 г. отказали в политическом убежище лидеру Курдской рабочей партии Абдаллаху Оджалану, предварительно разрешив ему негласно въехать в Россию под гарантии лидера ЛДПР Владимира Жириновского. Бесцеремонно выдворенный из России, Оджалан после недолгих скитаний предстал перед турецким судом, после чего курдское сопротивление сошло на нет.

В целом для Турции чеченский конфликт не был главным рычагом проведения политики в отношении России. После терактов в США и начала военных действий в Афганистане, где обнаружилось некоторое количество чеченских соратников талибов, турки вообще «отказались от многолетней терпимости по отношению к чеченским мятежникам»²⁹.

ИРАН: ЦЕННЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР

В самом начале 90-х годов министр иностранных дел Андрей Козырев рассматривал «фундаменталистский Иран» как потенциально наиболее опасную для России силу на южном направлении. Еще до начала первой чеченской кампании, однако, эти страхи почти полностью рассеялись — во многом благодаря совпадению интересов Москвы и Тегерана в отношении необходимости урегулирования в Таджикистане и иранской позиции невмешательства в конфликты в Закавказье. Последовавшая в середине 90-х ревизия внешней политики Москвы, выразившаяся в принятии концепции многополярного мира, привела к повышению значения отношений с Ираном для России. Материальной основой этих отношений стали поставки Ирану российского вооружения, технологий, а также участие России в реализации гражданских ядерных программ Ирана. Сближение двух государств выразилось в поддержке Тегераном московской позиции в вопросе расширения НАТО и готовности Москвы игнорировать протесты США по поводу строительства атомной электростанции в Бушере.

Первая чеченская кампания не отразилась негативно на прагматичном российско-иранском сотрудничестве. Вторая кампания, более

того, развязала руки российским сторонникам самого тесного сближения с Ираном. На первом плане при этом оказались интересы российских военных, военно-промышленных кругов, атомной отрасли. «Иранское лобби» в российских верхах активно рекламировало перспективы освоения иранского рынка вооружений, емкость которого оценивалась ими — с многократным завышением — от 2 до 7 млрд долл. в год³⁰. Под давлением этих сил российское руководство осенью 2000 г. денонсировало договоренность с Вашингтоном от 1995 г. о свертывании российско-иранского военного сотрудничества. Последовавший в декабре 2000 г. визит в Иран тогдашнего министра обороны Игоря Сергеева подавался военными как прорывной, подготовивший почву для поездки президента Хатами в Москву в 2001 г.

В ходе многочисленных контактов с Ираном российские дипломаты и военные давно пришли к выводу, что религиозный фундаментализм иранцев не приводит их к проведению экспансионистской внешней политики. В Москве учитывают, что шиитский Иран не может рассчитывать на особую поддержку среди суннитов Северного Кавказа. Значительное число шиитов (от 30% до 50% населения) присутствует только в Азербайджане, отношения с которым у Тегерана прохладные. Российский Генштаб оценивает военную доктрину Ирана как оборонительную — во всяком случае, на северном направлении. Даже иранские ракетные программы не очень беспокоят официальную Москву. Тегеран, как считают в российских правительственных кругах, способен «проявить ответственность» и «не станет распространять ракетные технологии дальше».

Столь спокойная российская оценка международной роли Ирана, резко контрастирующая с оценкой США и Израиля, во многом основана на опыте российско-иранских контактов в ходе Чеченской войны и центрально-азиатских кризисов. Иран как бы повернут к России другой стороной, чем к США и Израилю. Будучи председателем Организации «Исламская конференция», Иран, по сути дела, поддержал Москву в ее политике в Чечне. Тегеран и Москва совместно добились в 1997 г. прекращения гражданской войны в Таджикистане и много лет оказывали военно-техническую и материальную помощь главному противнику талибов Ахмад Шаху Масуду. Основываясь на этих фактах, российские официальные круги делают однозначный вывод: «без Ирана многие проблемы Кавказа... решить нельзя», а в Центральной Азии, Афганистане и на Ближнем Востоке «стратегия России... немыслима без Ирана»³¹.

По оценке американских наблюдателей³², именно «уязвимость Москвы в чеченском вопросе» помогает понять движущие силы россий-

ско-иранского партнерства. Считается, что пока Россия участвует в чеченском конфликте, Москва будет кровно заинтересована в стабильных отношениях с Тегераном. Иранцы же, будучи прагматиками, нуждаются в России как в противовесе США, источнике вооружений и технологий и, соответственно, обращают мало внимания на то, что в Чечне русские солдаты воюют с мусульманами. В принципе с этой оценкой можно согласиться, хотя среди ключевых факторов отношений двух стран нужно также назвать параллельность их интересов в Центральной Азии, особенно в Афганистане, а также в рамках регионального «треугольника» Россия — Иран — Турция.

В то же время российско-иранские противоречия (например, в вопросе о статусе Каспия) сохраняются и даже углубляются. Обострение отношений между Ираном и Азербайджаном летом 2001 г. и перспектива вооруженных инцидентов между ними заставляют Москву уточнить свою позицию. Отказать Баку в поддержке в отношениях с гораздо более сильным соседом означает не оставить Азербайджану иного выхода кроме обращения за помощью к Турции и США, что, в свою очередь, противоречит российской стратегии сдерживания вмешательства «посторонних сил» в ситуацию на Кавказе. Среди внимательных наблюдателей происходящего на средневосточной политической сцене зреет убеждение, что Иран все-таки только «временный попутчик», не союзник России. В будущем он — в соответствии со своими экономическими потребностями — вполне способен повернуться в сторону США, пойти на дальнейшее сближение со странами Европейского союза.

Контртеррористическая операция США в Афганистане первоначально привела к потеплению в американо-иранских отношениях, что вызвало обеспокоенность в некоторых российских кругах. Когда Иран наконец выйдет из изоляции, Россия может лишиться важного клиента и партнера. Поэтому, считают заинтересованные лица в Москве, нужно развивать сотрудничество с Тегераном, пока для этого существуют благоприятные условия.

АФГАНИСТАН: ЯБЛОКО РАЗДОРА, ОЧАГ НАПРЯЖЕННОСТИ, БУФЕР?

Вторая чеченская кампания и особенно конфликты в Центральной Азии стимулировали активизацию российской политики в отношении Афганистана. После короткой паузы 1992—1995 гг. Россия вновь, хотя уже косвенно, оказалась вовлеченной в гражданскую войну в этой стране. Рассматривая успехи талибов как угрозу для своих интересов в Центральной Азии, Москва вступила в союз со своими недавними злей-

шими врагами — афганскими моджахедами. Со второй половины 90-х годов Россия предоставляла Северному альянсу военно-техническую помощь, санкционировала размещение баз Ахмад Шаха Масуда на территории своего союзника Таджикистана, инициировала антиталибские санкции в ООН и даже угрожала Кабулу в 2000 г. нанесением авиационных и ракетных ударов по лагерям чеченских боевиков в Афганистане.

Как Аслан Масхадов, так другие лидеры сепаратистов настойчиво добивались международного признания Чечни. Они открывали свои политические и коммерческие представительства везде, где условия позволяли им это делать, стремились к подписанию «межправительственных» и прочих соглашений на «официальном уровне». При этом Масхадов и его соратники, выезжая за рубеж, вынуждены были предъявлять российский паспорт. Тем не менее во время таких визитов чеченский лидер всегда подчеркивал (например, во время посещения Грузии в 1997 г.), что «прибывает как президент независимой Чеченской республики»³³.

Не признанный международным сообществом режим талибов стал единственным признавшим независимость Чечни. В этой связи Москва в 2000 г. впервые в своей дипломатической практике выдвинула принцип: признание каким-либо государством независимости Чечни влечет немедленный разрыв Россией дипломатических отношений с этим государством. Аналогичный принцип применяла ФРГ в 50—60-е годы в отношении стран, устанавливавших дипотношения с ГДР, он же лежит в основе политики КНР в тайваньском вопросе. После российского демарша других желающих установить дипломатические отношения с Чечней не появилось. Этому, впрочем, в немалой степени способствовало снижение интенсивности боевых действий на Северном Кавказе.

Помощь талибов являлась единственным случаем *государственной* поддержки северокавказским исламским сепаратистам. В действительности масштабы этой поддержки были довольно скромными. Характерно, что когда в конце 90-х годов лидер талибов мулла Омар обратился к своему главному противнику Масуду с предложением заключить перемирие, чтобы оказать помощь чеченцам, Масуд отмолчался, и талибам пришлось действовать самостоятельно. Помощь ограничивалась в основном обучением небольших групп чеченцев военному делу. Интересно, что даже эта помощь оказывалась как бы без ведома официального Кабула. Ведь, по словам министра иностранных дел талибов Вакиля Ахмада Мутавакиля, Афганистан оказывал чеченцам моральную поддержку, но не экономическую и военную помощь³⁴.

Очевидно, что «моральной поддержкой» чеченцев талибы считали свой призыв в начале 2000 г. к мусульманскому миру объявить России джихад и тем самым вынудить ее к прекращению военных действий в Чечне (этот призыв совпал с интенсивными поисками Масхадовым места для чеченского правительства в изгнании). Разумеется, призыв к священной войне, к тому же исходящий от не слишком популярного у правительств стран Ближнего и Среднего Востока режима, не мог стать переломным моментом в отношении мусульманского мира к России. Тем не менее устойчивая поддержка талибами чеченского сопротивления была в каком-то смысле знаковым событием: талибы тем самым подкрепляли свою репутацию самого радикального исламского правительства (о чем также свидетельствовало преднамеренное уничтожение в Бамиане в начале 2001 г. буддийских памятников, символизирувавших в глазах талибов идолопоклонство) и добивались международного признания именно в таком качестве.

С этой точки зрения талибы действительно могли быть заинтересованы в том, чтобы поддерживать прочих исламских радикалов. Сражавшиеся под исламскими лозунгами чеченские сепаратисты были удобным объектом демонстрации международного влияния талибов. Финансовую сторону талибской помощи чеченцам в значительной степени обеспечивал бен Ладен. Утверждают, что саудовский террорист неоднократно бывал в Чечне и встречался с местными «ваххабитами». Принимал он чеченских эмиссаров также и в Афганистане. Одна из таких встреч якобы состоялась в Кандагаре в конце зимы 2000 г. Не все исламские радикалы, однако, поддерживают версию о тесных связях бен Ладена с чеченскими сепаратистами и исламистами. Так, глава известной экстремистской группировки «Ансар аш-шари'а» («Сторонники шариата») египтянин Абу Хамза в интервью российской журналистке заявил, что лично он «сомневается, что бен Ладен отправляет в Чечню бойцов или помощь»³⁵. Вероятно, помощь талибов чеченцам в большей степени являлась опосредованной и заключалась в дипломатическом признании Чечни и в предоставлении приюта бен Ладену и его международной террористической организации.

Взаимное демонстративное признание талибского Исламского Эмирата Афганистан и сепаратистской Чеченской Республики Ичкерия было важно для обеих сторон. Талибы были заинтересованы в продолжении чеченского сопротивления, а чеченские сепаратисты — в существовании базы международной поддержки в виде не признанного, но внушавшего страх соседям государства. Следует учитывать, что обе страны, официально признавшие режим талибов, — Саудовская Аравия и ОАЭ — оказывали моральную и материальную поддержку Чечне³⁶.

Свою интерпретацию связки «талибы — чеченцы» предложил служивший в Афганистане в 80-е годы в составе советского «ограниченного контингента» дагестанец генерал Омар Муртазалиев. Он считает, что одна из причин конфликта в Дагестане и Чечне — «...месть талибов за (советское) вторжение в Афганистан... Сегодняшние талибы — это дети, оставшиеся без родителей после апрельской революции 1978 года. Их вывозили в Пакистан под предлогом обучения в медресе»³⁷. Возможно, прямой связи и нет, однако генерал Муртазалиев уловил тот нерв, который связывает афганское и чеченское сопротивление, — чувство общей обиды, нанесенной тем, кто в 80-е годы под исламским знаменем сопротивлялся российскому вторжению, а в 90-е стал одновременно заложником и жертвой борьбы за суверенитет. Оба движения возникли под влиянием внешнего фактора — давления со стороны, идеологией обоих стала священная война. Оба продемонстрировали при этом невероятное упорство джихада.

АРАБСКИЙ МИР И ОРГАНИЗАЦИЯ «ИСЛАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ»

В результате боевых действий в Чечне Москва впервые после ввода войск в Афганистан (когда при голосовании в ООН в январе 1980 г. ее действия поддержали всего 18 государств) в принципе столкнулась с возможностью изоляции в мусульманском мире. Отчасти для того, чтобы отвести эту угрозу, в первую кампанию Москва неоднократно практиковала перемирия и переговоры с противником, что вызывало протесты военных. Тогдашний глава Службы внешней разведки Евгений Примаков убеждал арабских лидеров не поддерживать сепаратизм в Чечне³⁸. Сами эти лидеры не были заинтересованы в дестабилизации России, а использование ислама как средства укрепления их позиций на Северном Кавказе было вряд ли целесообразно. Многие государства Арабского Востока и после распада СССР сохраняли заинтересованность в России как в политическом союзнике, а отчасти также и как в экономическом партнере. Слабая, раздираемая конфликтами на конфессиональной и этнической основе Россия внушала им скорее озабоченность и даже страх, чем чувство удовлетворения. Как бы то ни было, Примаков добился поставленной цели. Аналогичной линии поведения Москва придерживалась и с началом второй кампании.

В арабском мире единой позиции в отношении Чечни не было и быть не могло хотя бы по причине его собственной дробности и внутренней противоречивости. Египет, Ирак, Сирия изначально выступили в поддержку России, страны Персидского залива включая Саудовскую Аравию, а также Ливия выступали с ее осуждением. Лишь Катар и Объе-

диненные Арабские Эмираты принимали чеченские делегации на официальном уровне. Однако ни одна из арабских стран не признала чеченскую независимость, и их правители подчеркивали, что поддерживают целостность России. Показательно, что даже Иордания, в которой проживает пятнадцатитысячная и очень влиятельная чеченская диаспора, устами своих дипломатов неоднократно подчеркивала, что «Хашимитское королевство выступает против терроризма и ни в коем случае не вмешивается в дела других государств»³⁹.

В целом отстраненную позицию заняла и самая влиятельная в мусульманском мире Организация «Исламская конференция», председатель которой министр иностранных дел Ирана Камаль Харрази в 1999 г. выступил с заявлением, в котором сказал, что она не имеет намерений быть посредником между Россией и Чечней и что чеченский конфликт — внутреннее дело России⁴⁰. В целом достаточно нейтральной оказалась и резолюция по Чечне, принятая в 2000 г. в Куала-Лумпуре на совещании министров иностранных дел «Исламской конференции».

Сами чеченские сепаратисты невысоко оценивали солидарность с ними на исламской основе, да и вообще поддержку исламским миром их борьбы за независимость. Об этом не раз говорили и президент Масхадов, и Басаев, и другие. Пожалуй, лишь бывший и. о. президента Чечни Зелимхан Яндарбиев поначалу полагал, что оказываемая поддержка эффективна, но такая позиция была обусловлена тем, что именно Яндарбиев добивался ее получения. Однако даже он, устав однажды уговаривать единомышленников, с огорчением признал, что «руководители исламских стран присоединились к Америке и Израилю в их поддержке России с целью не допустить создания исламского государства на Северном Кавказе»⁴¹. Когда же началась международная антитеррористическая кампания, подобная помощь практически сошла на нет.

Таким образом, реакция мирового мусульманства на вторжение советских войск в Афганистан в 1979 г. и на Чеченскую войну несопоставима. Поддержка чеченских сепаратистов осуществляется не государствами, а исходит от различных национальных и международных мусульманских организаций и движений радикального толка. Ее реальные масштабы зачастую преувеличиваются — по очевидным причинам — как сепаратистами, так и российскими военными и спецслужбами.

Проявляя в основном сдержанность в отношении Чечни, арабские правительства, однако, оказались не в состоянии (или не захотели) воспрепятствовать вербовке в своих странах добровольцев для участия в войне на Северном Кавказе. По российским официальным данным,

за два года (осень 1999 — осень 2001 г.) в Чечне было убито около 500 арабских боевиков и еще 500—700 продолжали воевать⁴². Для сравнения: число только моджахедов-арабов, прошедших через Афганистан, составляет примерно 15 тыс., что многократно превышает численность всех мусульманских волонтеров в Чечне.

С началом второй чеченской кампании российские службы безопасности стали более внимательно, чем прежде, отслеживать деятельность различных международных радикальных исламских организаций, а также спецслужб ряда консервативных арабских монархий — прежде всего **Саудовской Аравии**, а также ОАЭ и Кувейта. Ваххабизм является официально признанной религиозной идеологией Саудовского королевства, за пределами которого, по оценке первого директора СВР Евгения Примакова, он является «агрессивно-экстремистским движением»⁴³.

Для ультраконсервативной саудовской монархии финансово-политическая поддержка ваххабитов за пределами страны является своего рода индульгенцией за несправедливый образ жизни и неисламскую форму правления. Аналитики российской контрразведывательной службы — ФСБ — считают, что конечной целью ваххабитов является создание в Центральной Азии и в регионах проживания российских мусульман «государственных образований исламского типа в составе так называемого Великого исламского халифата»⁴⁴. Столкнувшись с таким вызовом, Москва фактически открыла в 90-х годах новый контрразведывательный фронт, основываясь на заделе, созданном еще в годы Афганской войны.

При этом, однако, религиозный фундаментализм и политический радикализм, а также культурную исламизацию в самом широком смысле слова сотрудники спецслужб иногда отождествляют с разведывательно-подрывной деятельностью. Такая неизбирательность не только снижает эффективность работы российских государственных органов, но и ведет к взаимному отторжению между исламскими обществами России и государством.

Осуждая действия российских войск в Чечне, саудовские власти, однако, жестко обошлись с чеченскими террористами, захватившими в 2001 г. российский самолет, который был посажен в Саудовской Аравии. Местный спецназ штурмовал лайнер, а захватчиков саудовский суд приговорил к тюремному заключению.

Чеченский кризис и развитие ситуации в Центральной Азии усилили подозрения Москвы относительно роли **Пакистана** и, в частности, пакистанских спецслужб как покровителей экстремистов и террористов. Пакистанскую разведку обвиняли в финансировании полевого

командира Гелаева⁴⁵. Ситуация отчасти повторялась: в 80-х годах Пакистан выполнял роль тыловой базы афганского сопротивления советским войскам. Такая оценка деятельности Исламабада способствовала политическому сближению Москвы и Дели, начавшемуся во второй половине 90-х годов после длительного застоя в двусторонних отношениях. В конце 2001 г., однако, логика борьбы с терроризмом заставила российское руководство пойти на публичную поддержку действий пакистанского президента Первеза Мушаррафа, решительно вставшего на сторону международной коалиции.

Интереснейшим следствием чеченских кампаний, особенно второй, стал рост взаимопонимания и сотрудничества между Россией и **Израилем**. Еще в период Косовского кризиса стало заметно сближение позиций Москвы и Тель-Авива по проблеме отношения к албанскому сепаратизму и действий НАТО в этой связи. Сыграло роль то, что вторая Чеченская война (1999—?) и вторая интифада (2000—?) совпали по времени, а в трудные для них моменты Шамиль Басаев и руководители палестинских террористических организаций публично обещали оказать помощь друг другу — против Израиля и России соответственно. Российские военные, упоминая об иностранных наемниках в Чечне, часто обходятся без эвфемизмов и прямо говорят об «арабах».

Появляется, таким образом, ощущение общности угрозы, с которой сталкиваются Россия и Израиль, — экстремизма и терроризма, вдохновляемых радикальными исламскими лозунгами. Объединяющую роль играет наличие в Израиле более 1 млн недавних иммигрантов из России и бывшего СССР (20% населения страны), многие из которых поддерживают тесные связи с Россией. Ведущие российские телеканалы имеют корреспондентов в Израиле, и после каждого теракта палестинцев находится много очевидцев, которые готовы дать интервью ОРТ, РТР или НТВ на родном для них русском языке. Итак, несмотря на сохраняющийся и временами усиливающийся в России антисемитизм, проарабские чувства не могут одержать верх в российской элите из-за явной внешней схожести чеченского и палестино-израильского конфликтов.

Контакты президента Путина с израильским руководством и политическими деятелями — особенно правого толка — приобрели более регулярный и более сердечный характер, чем у его предшественника. Развивается сотрудничество спецслужб⁴⁶. Со времен Павла Грачева российские военные открыто выражают свое восхищение спецоперациями израильских коллег, а в более широком плане — военной организацией еврейского государства. В то же время значение этой новой тенденции в российской политике не стоит преувеличивать. Стремясь

сохранить свои ослабевшие позиции на Ближнем Востоке, Москва временами еще пытается балансировать между новыми отношениями с Израилем и старой советской политикой поддержки арабов. В этой связи Россия время от времени упрекает Израиль в «непропорциональном применении силы», несмотря на то, что акции российских военных в Чечне носят гораздо менее избирательный характер.

Итак, под воздействием событий в Чечне и Центральной Азии Россия пересмотрела традиционную политику поддержки арабов в их спорах с Израилем и США. В этой связи осенью 2001 г. российское правительство по существу отказалось солидаризироваться с ОПЕК в вопросе снижения нефтедобычи для поддержания цен на нефть, что привело к дальнейшему снижению цен. При этом некоторые ведущие предприниматели — в частности, глава нефтяной компании ЮКОС Михаил Ходорковский — прямо призывали встать на сторону Запада против «арабских шейхов». К 2002 г. Россия и Запад (США и ЕС) заявили о намерении создать отношения энергетического партнерства, в рамках которых Москва обеспечивала бы бесперебойные поставки энергоносителей по приемлемым ценам, а Запад вкладывал бы средства в развитие российской топливно-энергетической отрасли.

ОТНОШЕНИЯ СО СТРАНАМ ЗАПАДА

«Как только началась операция в Чечне, — писал в своих мемуарах Борис Ельцин, — я сразу понял: вот теперь-то и настал “момент истины” в наших отношениях с Западом! Теперь попытаются прижать нас по-настоящему!»⁴⁷. Размолвка произошла всего через три-четыре месяца после примирительного (вслед за Косовским кризисом) саммита «восьмерки» в Кельне 20 июня 1999 г. На сессии ОБСЕ в Стамбуле в декабре 1999 г., вспоминал первый российский президент, «...западные страны готовили крайне жесткое заявление по Чечне... По сути дела, начинался новый этап изоляции России. Этому надо было помешать во что бы то ни стало»⁴⁸. Ответом на это послужила ключевая фраза из выступления Ельцина, которую, по его словам, он вставил в текст вопреки осторожным советам МИД: «Никто не имеет права критиковать нас за Чечню». Открытое противостояние с Западом было преподнесено как «важная международная победа России».

На самом деле с Косовского кризиса начался краткий, но болезненный период «геополитического одиночества» Москвы⁴⁹. Хельсинкская сессия ЕС и Стамбульский саммит ОБСЕ, проходившие на фоне начавшейся второй Чеченской войны, отметили максимальную степень международной изоляции постсоветской России. По существу ее позицию полностью поддерживали только Белоруссия и Таджикистан.

Уже с начала 2000 г., однако, ситуация стала меняться в пользу Москвы. Сыграло свою роль появление в Кремле нового энергичного президента. Еще большее значение, однако, имел первоначальный эффект разгрома основных сил боевиков, вытеснение их отрядов в горы южной Чечни и занятие российскими войсками Грозного. С середины 2000 г. чеченская проблема отошла на второй, затем и на третий план в отношениях с Западом. Тем не менее она не исчезла совсем, приобретая глубинный и фундаментальный характер, что особенно проявилось во взаимоотношениях России с Советом **Европы** и ОБСЕ по чеченскому вопросу.

Еще со времен историка и философа Николая Данилевского⁵⁰ многие в России убеждены, что «Европа» принципиально не признает цивилизаторской роли России на Кавказе и лишь с оговорками — в Центральной Азии, хотя сами западноевропейцы были не менее жестокими завоевателями, чем русские. В 90-е годы к этим представлениям добавилось раздражение в связи с открытыми симпатиями к чеченским сепаратистам, проявившимся в странах Центральной и Восточной Европы. В период первой кампании действовали Чеченский информационный центр, созданная на его базе радиостанция «Свободный Кавказ» в Кракове и филиал радиостанции в Каунасе. Эти акции, а также символические переименования улиц и площадей в честь Джохара Дудаева усилили недоверие в России к Польше и странам Балтии. Чеченская война привела к активизации антироссийских сил (например, УНА-УНСО) на Украине. Оживление этих сил, в свою очередь, углубило отчуждение между Москвой и столицами бывших социалистических стран, взявших курс на интеграцию в западные структуры. Тем более что необходимость такой интеграции аргументировалась помимо прочего непредсказуемостью постсоветской России, которую продемонстрировала война в Чечне. В Центральной и Восточной Европе, сделали вывод в Москве, вышли на поверхность «демоны прошлого». Разговаривать с ними никто в Москве не собирался. В диалоге же с Западной Европой Россия сделала упор на тему использования европейскими политиками практики *двойных стандартов*. Операция властей России в Чечне, жаловались в Москве, оценивается иначе, чем действия правоохранительных органов Испании, Великобритании и Франции, и даже чем акции турецкой армии в Курдистане в 80—90-х годах.

Итак, первоначальный благодушный российский идеализм в отношении Европы, столь ярко контрастировавший с подозрительностью по отношению к США, сменился под влиянием Чеченской войны практически открытым раздражением поведением «ближнего Запада». Зна-

чительная часть российских политиков сочли позицию Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) ангажированной, многие — от Жириновского до Рогозина — стали позволять себе резкие и даже оскорбительные выражения в адрес европейских парламентариев. Российские военные резко отрицательно отнеслись к «ревизиям», которые проводили представители ПАСЕ на Северном Кавказе. Европейским парламентариям говорилось буквально следующее: не лезьте со своим уставом в наш монастырь⁵¹. Очевидно, что с точки зрения военного командования международные обязательства России являются помехой для решения задач «наведения порядка» в регионе. Важно отметить, что предоставление возможности высшим и старшим офицерам открыто заявлять и отстаивать такую точку зрения свидетельствует о неспособности или нежелании государственного руководства России ограничивать вмешательство военных во внешнюю политику.

С другой стороны, резкая критика ПАСЕ российскими политиками и военными способствовала широкому информированию российской аудитории о деятельности этой организации. Было очевидно, что в 2000 г. российские власти всерьез опасались исключения страны из ПАСЕ и Совета Европы и вынуждены были прилагать усилия, чтобы смягчить «необъективную» критику.

В значительной степени под влиянием чеченского опыта официальные круги России фактически пересмотрели свое отношение к одному из фаворитов внешней политики Москвы — ОБСЕ. В 1995 г. руководство Российской Федерации дало согласие на размещение в Грозном миссии ОБСЕ, которая пыталась играть роль посредника между федеральными властями и чеченскими сепаратистами. Спустя четыре года Россия фактически отказалась допустить ОБСЕ в район проведения контртеррористической операции. За эти годы в стране укрепилось отношение к ОБСЕ как к прозападной организации, интересующейся исключительно тем, что происходит на постсоветском пространстве и на Балканах. Это отношение нашло отражение и в принятой в июне 2000 г. новой Концепции внешней политики⁵².

Ревизия отношения к международным организациям, произошедшая под влиянием критики в связи с Чечней, коснулась и ООН, которую в Москве по-прежнему считают основой формирования «стабильного, справедливого и демократического миропорядка». Даже Владимир Каламанов, в то время представитель президента по наблюдению за соблюдением прав человека в Чечне, не скрывал своего раздражения: «Когда (мировое сообщество. — А. М., Д. Т.) постоянно выступает в роли судей, такое положение утомляет». Российские власти однозначно отвергают возможность проведения международного расследования

военных преступлений в Чечне, настаивая на примате национального суверенитета⁵³. Они обвиняют в одностороннем политизированном подходе и Международный комитет Красного Креста, представители которого действуют на Северном Кавказе с 1993 г.

На встречах с президентом США в Любляне и с президентом Франции в Москве летом 2001 г. Владимир Путин задавал коллегам схожий вопрос: что делали бы они, если бы сепаратисты захватили Техас, а террористы высадились на юге Франции? Сравнение не производило нужного впечатления, поскольку неприятие Запада вызывали не принципы суверенитета и территориальной целостности, а прежде всего методы, которые продолжали применять российские войска в Чечне. Объяснения российской стороны, что главная причина гибели мирных жителей в результате ракетных ударов и бомбежек состояла «в том, что террористы прятались за спинами мирного населения»⁵⁴, были признаны неубедительными.

В то же время политика Запада в отношении конфликта в Чечне не всегда была столь однозначной. Во время первой чеченской кампании руководство США в целом снисходительно относилось к действиям ельцинской администрации на Северном Кавказе. Дошло до того, что президент Клинтон, прибывший в мае 1995 г. в Москву на празднование 50-летия победы над фашизмом, сравнил действия Ельцина с политикой Авраама Линкольна в годы Гражданской войны в США. Спустя четыре года ситуация изменилась, и Вашингтон уже открыто осудил неадекватное применение силы федеральными войсками в ходе так называемой контртеррористической операции. Очевидно, что причина перемены оценок заключалась прежде всего в изменении политической конъюнктуры в самих США.

Вторая чеченская кампания, в отличие от первой, началась не на фоне заявлений о стратегическом партнерстве Москвы и Вашингтона, а непосредственно вслед за глубочайшим кризисом в российско-американских отношениях, вызванным военной операцией НАТО в Косово. В существенной степени Чечня и стала ответом на интервенцию в Косово и новую стратегическую концепцию НАТО. Ответом превентивным, призванным исключить возможность военного вмешательства США и их союзников по НАТО где-либо на Кавказе — например, в Абхазии⁵⁵. Ответом рефлексивным, нацеленным на демонстрацию Западу отсутствия у России синдрома неприменения силы после неудачного исхода первой чеченской кампании.

Политику США на Кавказе и в Центральной Азии представители российской политической элиты обычно рассматривают в контексте борьбы за сферы влияния и контроль над энергоресурсами. Тезис Збиг-

нева Бжезинского, что «тот, кто контролирует коммуникации, контролирует регион»⁵⁶, не подвергается сомнениям. Большое впечатление на Кремль и лично на президента Ельцина произвело заявление представителей администрации Клинтона о наличии у США «жизненно важных интересов» в Кавказско-Каспийском регионе. В этой связи в России всегда существовали подозрения, что США были заинтересованы в нестабильности в Чечне, чтобы устранить Россию как конкурента в борьбе за транспортировку азербайджанской нефти. Значение «битвы за нефть» при этом поднималось до уровня крупнейшего геополитического столкновения, а целью политики США однозначно считалось установление американской гегемонии в регионе.

С такими оценками роли США в регионе российское руководство встретило вторую чеченскую кампанию. Официальная Москва в тот момент была разочарована отказом США от формирования общего антитеррористического фронта. Впрочем, о каком «общем фронте» можно было говорить осенью 1999 г. на фоне широкомасштабных военных действий в Чечне и волны статей в западной прессе о коррупции в высших эшелонах российской власти? В России считали, что США проявляют снисхождение к чеченским боевикам и их спонсорам⁵⁷, болезненно реагировали на контакты американских дипломатов с Масхадовым и его представителями.

В ноябре 1999 г. министр обороны Игорь Сергеев в присутствии тогда еще премьер-министра Путина заявил, что США заинтересованы в «постоянном тлении управляемого вооруженного конфликта», что приведет к ослаблению России и установлению полного контроля США на Северном Кавказе⁵⁸. Слова министра отразили сложившуюся в недрах военного ведомства негласную военно-политическую доктрину «противостояния на двух фронтах» — западном и южном. В сентябре 2001 г., за неделю до ударов террористов по Нью-Йорку и Вашингтону, российские силы ПВО вместе с союзниками по Договору о коллективной безопасности отрабатывали отражение одновременного и скоординированного нападения на страны СНГ с запада (НАТО) и юга (талибы).

Справедливости ради следует отметить, что независимые российские аналитики еще с середины 90-х годов обращали внимание на то, что основные центры поддержки чеченских боевиков в исламском мире были расположены в странах — традиционных клиентах США: Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах, Пакистане, Йемене и Иордании, а также в Турции. Большие подозрения в российских правительственных кругах долгое время вызывал факт первоначальной поддержки движения талибов со стороны США, а также тес-

ные отношения американских властей с Освободительной армией Косово и Национально-освободительной армией Македонии, которые сами американские официальные источники в разное время характеризовали как террористические организации. Все это порождало сомнения в приверженности США борьбе с терроризмом, открывало путь спекуляциям относительно наличия у Вашингтона «тайной повестки дня» и т. п.

Эта «тайная стратегия» представлялась в конце 90-х годов «геополитически ориентированным» российским аналитикам следующим образом. Задача-минимум Вашингтона состояла в том, чтобы отсечь Россию от Персидского залива. Орудие исполнения этого замысла — афганские талибы, которые должны были отвлечь внимание Москвы от Ирака, Ирана, Балкан, заставляя ее сосредоточиваться на все более уязвимой Центральной Азии. Талибы — креатура Пакистана, являющегося союзником США. Американцы с самого начала сделали ставку на талибов как на единственную силу, способную консолидировать Афганистан и создать условия для транспортировки туркменского газа в Пакистан. Ликвидация российской монополии на трубопроводы из Центральной Азии — условие для последующего насаждения в регионе проамериканских режимов. Опираясь на этот плацдарм, можно будет оказывать давление не только на Россию, но также на Китай, Иран, Индию. Что касается России, то для нее не только закрывается дорога на юг. Следующим этапом станет проникновение агентов США в мусульманские республики и территории Российской Федерации (в том числе в основные районы нефтедобычи — Татарстан, Тюмень) с целью достижения их независимости и окончательного разрушения территориальной целостности России. Это — задача-максимум. План не был реализован лишь из-за того, что талибы не выполнили свои обязательства перед Пакистаном и США и «отбились от рук»⁵⁹.

Подобные представления, никогда не излагавшиеся российскими официальными лицами публично, являлись тем не менее характерными и весьма распространенными. Привычка мыслить категориями «игры с нулевой суммой» еще достаточно сильна в России. Чеченская война, «наложившаяся» на соперничество за каспийскую нефть, еще более усилила антиамериканские отношения в российских верхах.

Антиамериканизм питал современное евразийство, которое нашло наиболее яркого выразителя в лице философа Александра Дугина⁶⁰. Пытаясь развить «общую евразийскую тенденцию антиамериканизма», Дугин предлагал союзы, выстроенные на принципе «общего врага». Поскольку исламский мир — противник атлантизма, он является естественным союзником России. Предполагается, что ориентация на

Иран (ось Москва — Тегеран как основа евразийского геополитического проекта и необходимый противовес американо-турецкому альянсу) и Ирак («левый арабский режим») даст Москве выход к теплым морям⁶¹. Эти геофилософские рассуждения вполне согласуются с прагматическими интересами части российского бизнеса, заинтересованного в нефтяных проектах в Ираке, оружейно-ядерных сделках с Ираном, а также обслуживающих их политических и пропагандистских структур.

В контексте чеченских кампаний и центрально-азиатских кризисов, однако, неоевразийский проект выглядит недостаточно убедительно. Понимая это, сторонники блокирования с мусульманским миром против США выдвинули тезис: Вашингтон целенаправленно использует исламский фактор против России. По утверждению политика и публициста Мартина Шакума, «умелая рука» США «направляет агрессивный потенциал радикальных исламских режимов в сторону России»⁶². С Шакумом согласны некоторые высокопоставленные военные. Так, по мнению генерала армии М. Гареева, «...т. н. исламский фактор — это хитро придуманный жупел в руках вершителей глобальной политики... “Исламская угроза” — это ловушка для нашей страны, рассчитанная на обострение обстановки внутри Российской Федерации, ее отношений со странами СНГ. Наиболее важный урок из того, что было и происходит сегодня в Афганистане, на Кавказе, состоит в том, что надо наконец развеять всю эту дымовую завесу и разглядеть, что стоит за стеной международного терроризма, экстремизма, сепаратизма. И уяснить, откуда исходит настоящая угроза, перед лицом которой необходимо объединить усилия России, всех других стран и народов, которые намерены противостоять ей и защищать свою независимость»⁶³. Некоторые наблюдатели в Центральной Азии придерживаются схожей позиции. По мнению одного из них, «втягивание России в борьбу (с «международным терроризмом». — *А. М., Д. Т.*) дает время и возможность Западу создать дополнительные необходимые компоненты безопасности»⁶⁴.

Источник реальной угрозы для России не назван, но намек совершенно прозрачен. В самом конце 90-х годов возник призрак нового блокового противостояния на Большом Ближнем Востоке. С одной стороны, США, Турция, страны ГУУАМ, Израиль; с другой — Россия, Иран, Армения, Сирия, Греция⁶⁵. Военные структуры России были озабочены расширением в 1999 г. зоны ответственности Центрального командования Вооруженных сил США (СЕНТКОМ) на Центральную Азию. В это время главнокомандующий СЕНТКОМ генерал Томми Фрэнкс заявлял, что отношения США в военной области со странами

Центральной Азии будут определяться не только угрозой экстремизма, исходящей из Афганистана, но и характером отношений этих стран с Россией. В обоих случаях речь шла о помощи в сохранении независимости, суверенитета и территориальной целостности новых государств⁶⁶. Москва, со своей стороны, была убеждена, что «импортные» советники» не столько помогали становлению систем безопасности новых государств, сколько преследовали собственные цели⁶⁷.

Эти цели, полагало большинство российских наблюдателей, состояли в «выдавливании» России из бассейна Каспия и замещении ее влияния в регионе западным. Радикальные круги шли дальше. С их точки зрения, «война за мировое господство, за монополизм» уже началась. Ее «театрами военных действий» стали расширение НАТО, Югославия и Ирак. Россия, таким образом, уже находится в фокусе новой войны. Перед нею опять поставлен вопрос жизни и смерти. «Холодная война» не закончилась⁶⁸.

Сохранению и даже укреплению традиционного геополитического видения мира в среде российской внешне- и военно-политической элиты способствовали распространенные в США представления о целях политики России в регионе. В этих представлениях Москва представляла неоимперской силой, стремившейся, опираясь на свое военное присутствие, создать систему зависимости новых государств от России, взять под контроль их ресурсы⁶⁹. «Естественный» интерес США предотвратить гегемонию какой-либо одной страны на Кавказе или в Центральной Азии и добиться создания в этих регионах системы многостороннего баланса сил (через утверждение «геополитического плюрализма») рассматривается как откровенно антироссийский.

«Неоевразийцы», бывшие в начале 90-х годов маргиналами, превратились к концу десятилетия в резервный инструмент правящей элиты. Им, однако, так и не было доверено реализовывать российскую политику. После второй чеченской кампании Москва стала чувствовать себя увереннее в отношениях с США. В российском секторе Каспия были обнаружены потенциально значительные запасы нефти. А в США пошла на убыль лихорадка, связанная с перспективами «каспийского Эльдорадо»⁷⁰. Казахстан, Азербайджан, даже Туркмения стали проявлять большую готовность учитывать российские экономические и геополитические интересы. Одновременно Центральная Азия и Кавказ заняли заметное, но сравнительно скромное место в иерархии внешнеполитических и экономических интересов США. Более того, в Вашингтоне, исключив незадолго до сентября 2001 г. возможность непосредственного вмешательства США в кризисы в Центральной Азии, увидели определенную пользу в сохранении российского присутствия в регионе.

Уже к 2000 г. перед лицом вызова со стороны исламских экстремистов стала постепенно складываться новая конфигурация сил, опрокидывавшая традиционные геополитические схемы. США, Россия, Турция, Израиль, а также Китай и даже Иран фактически оказались партнерами. Творцы американской политики были вынуждены признать, что Россия способна играть роль опоры региональной стабильности. Сближение интересов России и Америки по Афганистану привело к институализации сотрудничества в рамках специально созданной в 1999 г. рабочей группы на уровне заместителей глав дипломатических ведомств. Еще в августе 2001 г. появились сообщения о подготовке спецслужбами США операции против бен Ладена с территории союзного Москве Таджикистана. Наконец, после ударов террористов против США в сентябре 2001 г. международная коалиция стала фактом.

Среди факторов, приведших впервые после 1945 г. к военно-политическому союзу Москвы и Вашингтона, Чеченская война занимает центральное место. «Борьба с международным терроризмом» стала официальной основой союза. Российское руководство получило возможность не только «вписать» эту войну в контекст международной контртеррористической операции, но и утверждать, что Москва увидела угрозу и стала бороться с ней раньше, чем Запад.

В прошлом Советский Союз обличал «государственный терроризм» США (например, авиаудары по Ливии) и довольно снисходительно относился к терактам, если они не были направлены против СССР и его клиентов. При этом советские инструкторы сами готовили диверсантов и террористов для борьбы на «антиимпериалистическом фронте». Начиная с середины 90-х годов терроризм, однако, превратился в одно из наиболее заметных явлений российской действительности. Рейды Шамиля Басаева на Буденновск в 1995 г. и Салмана Радуева на Кизляр в 1996 г. повергли страну в шок. Взрывы жилых домов в Москве, Каспийске и Волгодонске осенью 1999 г. создали широкую массовую поддержку второй чеченской кампании, которая была официально названа «контртеррористической операцией».

Указывая на присутствие в рядах боевиков в Чечне иностранных (арабских, афганских) «воинов джихада», проводя связь между ситуацией на Северном Кавказе и в Средней Азии, даже шире — включая Балканы и Ближний и Средний Восток, администрация Путина на всех уровнях проводила тезис о необходимости борьбы с международным терроризмом как главной угрозой безопасности на рубеже XX—XXI вв. Начиная с 1999 г. Россия инициировала обсуждение проблемы терроризма в рамках ООН и Группы восьми, присоединилась к Европейской конвенции Совета Европы о пресечении терроризма, к актам против

бомбового терроризма и финансирования террористической деятельности (2001 г.).

Удары террористов по США стали мощным катализатором российско-американского сближения. Отметив, что террористы перемещаются из Афганистана в Чечню, чтобы воевать против российских войск, а из Чечни в Афганистан — чтобы «убивать американцев», президент Путин пошел не только на беспрецедентное сотрудничество спецслужб в борьбе против общего врага, но и согласился с американским военным присутствием в Центральной Азии⁷¹. В то же время он охарактеризовал действия российских сил в Чечне как «наземную операцию против международного терроризма на территории Северного Кавказа». США в ответ на время приглушили критику методов проведения этой операции.

Путин говорил о *совместной борьбе с терроризмом, о совместном положительном результате*. Сформулирована сверхамбициозная, по существу недостижимая цель — чтобы «терроризм был искоренен, уничтожен, ликвидирован не только в Афганистане, но и во всем мире» для того, чтобы «граждане наших стран чувствовали себя в безопасности». Производным от этой совместной работы должно было стать «новое качество отношений с США»⁷². Наметился стратегический курс — через «союз с союзом» (НАТО) на основе совместного принятия решений по ряду вопросов в рамках учрежденного в мае 2002 г. Совета Россия-НАТО — к созданию новой организации безопасности, охватывающей Европу, Россию и Северную Америку. Подробное рассмотрение развития российско-американских отношений после осени 2001 г., однако, выходит за рамки нашего исследования.

ЧЕЧНЯ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КИТАЙ

Китай — единственная крупная страна, отношения с которой у России однозначно укрепились в результате обеих чеченских кампаний и кризисов в Центральной Азии. Пекин безоговорочно поддержал политику Москвы в чеченском вопросе и сделал шаг к квазисоюзническим отношениям в Центральной Азии.

С точки зрения руководства КНР в чеченском конфликте речь идет прежде всего о защите принципа территориальной целостности. Китай сталкивается с аналогичными проблемами на собственной периферии, в частности в Тибете, но основная параллель, которую усматривает китайское руководство, пролегает между Чечней и Тайванем. Этот вопрос связан с другим принципом — законности неограниченного применения силы для восстановления территориальной целостности государства. Поддерживая силовые действия Москвы против

чеченских сепаратистов вербально, Пекин рассчитывает на практическую помощь России в случае конфликта в Тайваньском проливе. Китайские закупки вооружения в России в основном связаны с наращиванием боевых возможностей Народно-освободительной армии Китая на тайваньском направлении. Для Пекина крайне важно, чтобы в случае начала военных действий Москва не прекратила поставки Китаю вооружений и запчастей.

Настаивая на законности фактически неограниченного применения силы для «воссоединения родины», Китай, как и Россия в Чечне, категорически отвергает вмешательство иностранных государств в свои внутренние дела. Речь идет о противодействии попыткам США и их союзников реализовывать на практике принципы международного гуманитарного права и тем самым ограничить суверенитет государства. Значение Чечни в этом контексте преимущественно символическое. Вооруженный конфликт на Северном Кавказе носит локальный характер, его расширение маловероятно, а непосредственное участие крупных держав практически исключено. Напротив, конфликт между материковым Китаем и Тайванем, если он когда-либо произойдет, с большой вероятностью примет по крайней мере региональные масштабы, а в худшем случае может привести к прямому столкновению между КНР и США.

Вторжения вооруженных боевиков в Киргизию и Узбекистан в 1999 и 2000 г. встревожили Китай, поскольку радикальные исламские силы, организовавшие эти рейды, поддерживают мусульманских сепаратистов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (иначе говоря, в Восточном Туркестане). Китайские службы безопасности и армия в течение ряда лет стремятся искоренить здесь сепаратизм, но не смогли добиться решающего успеха. Дестабилизация обстановки в Центральной Азии, не говоря уже о приходе исламских радикалов к власти где-либо в регионе, сделают достижение успеха вообще невозможным. Ради предотвращения такого варианта развития обстановки Пекин готов, отказываясь от традиционной изоляционистской политики, идти на тесное сотрудничество с соседями.

Обострение ситуации в Центральной Азии привело к двум важнейшим результатам. Во-первых, Россия и КНР вступили в квазисоюзнические отношения для противодействия дальнейшей дестабилизации региона. Шанхайский форум, созданный в 1996 г. как ассоциация соседей по обе стороны бывшей советско-китайской границы с целью урегулирования пограничных споров и укрепления взаимного доверия, постепенно превращается в региональное объединение со своими институтами и механизмами. В 2001 г. форум был переименован в Шан-

хайскую организацию сотрудничества (ШОС), в 2002 г. был принят ее устав.

Во-вторых, хотя неформальными лидерами ШОС на паритетных началах являются Россия и Китай, деятельность организации фактически способствует усилению вовлеченности КНР в центрально-азиатские проблемы и существенно повышает роль Пекина в регионе. Китай настаивает на скорейшей институционализации ШОС и рассматривает возможность своего участия в различных «антитеррористических» учениях и акциях на территории бывших советских республик. В долгосрочном и даже среднесрочном плане «шанхайский процесс» ведет к постепенному «дружественному» замещению российского влияния в Центральной Азии влиянием Китая. Эта задача усложняется тем, что с осени 2001 г. США превратились в региональную центрально-азиатскую державу — наряду с Россией и КНР.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Чеченские войны и кризисы в Центральной Азии обозначили наиболее уязвимое и наиболее опасное в ближней и среднесрочной перспективе направление российской внешней политики и политики безопасности. На западе, несмотря на расширение НАТО и балканские кризисы, ситуация собственно для России (в отличие от «старой редакции» ее интересов) становится все более стабильной и благоприятной. На востоке отношения с Китаем основываются на балансе интересов, который, вероятно, сохранит устойчивость еще по крайней мере 15 лет, а возможно, и много дольше. На юге, напротив, Россия уже оказалась в положении обороняющегося. Практически весь постсоветский Юг находится в зоне конфликтов. Москва пытается сдержать угрозу сепаратизма, экстремизма и терроризма, действуя одновременно на дальних подступах (Афганистан), в пределах своей «зоны безопасности» (Таджикистан, другие страны СНГ) и, наконец, в пределах собственной территории (Чечня, Дагестан, другие республики Северного Кавказа, а также — профилактически — в Поволжье).

Вооруженные конфликты продемонстрировали, что главным источником испытываемых Россией проблем в сфере безопасности является слабость новых независимых государств. «В первом приближении» все бывшие советские республики состоялись как государства. Государствами, однако, все они являются слабыми, а некоторые могут быть отнесены к категории *failing or failed states*. Не будучи способны справиться с вызовами со стороны политического ислама, центрально-азиатские режимы транслируют свои проблемы дальше в Москву. Востребованность России как страны — протектора Центральной Азии мо-

жет вызвать у части политиков и военных естественный соблазн попытаться восстановить имперскую роль России в регионе. Поддаться такому соблазну означает пойти на серьезный риск. Россия окажется вовлеченной в конфликты, где ее собственные интересы будут подменены интересами ее клиентов. В результате вместо укрепления геополитического буфера между собственной территорией и зоной радикального ислама Москва может получить «зеленый фронт». Тогда она столкнется именно с тем, от чего всеми силами старается сейчас убежать.

В такой ситуации российскому руководству имеет смысл делать упор не на защиту статус-кво в регионе, тем более преимущественно военными и военно-полицейскими средствами, а на укрепление новых государств путем расширения социально-политической и идеологической базы их режимов.

К угрозам сегодняшнего дня в перспективе могут добавиться новые. Распространение ядерного оружия и ракетных технологий уже привело к тому, что Большой Ближний и Средний Восток превратился в регион интенсивного ракетно-ядерного соперничества. Пакистан, Иран, Сирия, Саудовская Аравия, Ирак (с оговорками), а также Израиль обладают существенными и постоянно совершенствуемыми арсеналами современных вооружений. Угроза ракетных кризисов, применения оружия массового уничтожения различных видов в непосредственной близости от границ России не может не тревожить.

Опасности «второго ядерного века» беспокоят другие страны, в том числе США и государства Евросоюза. В этой связи обсуждаются идеи американо-российского сотрудничества в области ПРО, а также совместной разработки, создания и развертывания системы противоракетной обороны, способной защитить страны Европы включая Россию, равно как и интересы США в Европейском регионе.

Вызов со стороны экстремистов привел также к корректировке отношений России с Турцией и Израилем. Традиционные геополитические противники Российской империи (в первом случае) и Советского Союза (во втором) оказались во многом в схожем с Россией положении. Анкара вынуждена решать курдский вопрос, Тель-Авив — палестинский. Относительная сдержанность Турции в отношении чеченского конфликта и «понимание» российских действий со стороны Израиля, безусловно, влияют на традиционную конфигурацию сил в регионе.

Наконец, тот факт, что чеченский и центрально-азиатский сюжеты активно обсуждаются в рамках российско-китайских отношений, свидетельствует о двух вещах. Во-первых, о значительном совпадении принципиальных подходов Москвы и Пекина (примат государственного интереса) и о большой степени параллельности их интересов в

Центральной Азии. Во-вторых, о существенном повышении международного веса и авторитета Пекина. В дипломатическом плане на центрально-азиатском участке Китай впервые «вышел за пределы своих границ». Постепенно Китай становится страной, без участия которой и тем более вопреки интересам которой решение международных проблем в Восточной и Центральной Азии является затруднительным. Если вообще возможным.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Осетино-ингушский конфликт (октябрь — ноябрь 1992 г.) был быстро потушен федеральными властями; во всяком случае, вплоть до первой Чеченской войны российские войска не воевали на собственной территории.

² *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard. — New York: BasicBooks, A division of Harper Collins Publ., 1997. — P. 123.

³ *Николаев А.* «Большой Кавказ» — стратегия России // Крас. звезда. — 2001. — 5 янв.

⁴ «Что нас держит в Центральной Азии»: Интервью Максима Пешкова, посла РФ в Таджикистане // Крас. звезда. — 2001. — 21 февр.

⁵ *Иванов И.* Внешняя политика России на современном этапе. Выступление на первом конвенте РАМИ 20 апреля 2001 г., док. ДИП МИД РФ № 707—20-04—2001, с. 6.

⁶ *Примаков Е.* Восемь месяцев плюс. — М., 2001. — С. 107.

⁷ *Станевский Ф.* Тбилиси свой выбор сделал // Независимая газ. — 2001. — 31 мая.

⁸ О ситуации на российско-казахстанской границе см.: *Соколов-Митрич Д.* Рубеж инкогнито // Известия. — 2001. — 11 июля.

⁹ *Николаев А.* Указ. соч.

¹⁰ *Станевский Ф.* Указ. соч.

¹¹ *Малашенко А.* Постсоветские государства Юга и интересы России // Pro et Contra. — 2000. — Т. 5. — № 3. — Лето. — С. 43.

¹² Подробный анализ последствий этого решения российского правительства содержится в статье: *Церетели В.* Россия и Грузия: «постсоветский развод» // Центр. Азия и Кавказ. — 2001. — № 3. — С. 135—145.

¹³ См., например, интервью бывшего министра обороны Грузии Тенгиза Китовани (Независимая газ. — 2001. — 28 авг.).

¹⁴ Крас. звезда. — 2001. — 4 янв.

¹⁵ *Николаев А.* Указ. соч.

¹⁶ *Мирзоев З.* Парадоксы безопасности // Бизнес и политика [Душанбе]. — 2000. — 22 сент.; *Он же.* Тезисы безопасности // Там же. — 2000. — 9 февр.

¹⁷ В постоянных долларах (1998 г.). Данные СИПРИ.

¹⁸ Интервью посла России в Таджикистане М. Пешкова (Крас. звезда. — 2001. — 21 февр.).

¹⁹ *Мальшева Д.* Конфликты у южных рубежей России // Pro et Contra. — 2000. — Т. 5. — № 3. — Лето. — С. 17.

²⁰ В период гражданской войны дотировавшийся из Москвы Таджикистан являлся местом, где продолжали хождение утратившие свои функции во всех других странах СНГ наличные рубли (Там же. — С. 22).

²¹ Среди них — известный исследователь и философ Сергей Панарин. См. его статью «Россия и Центральная Азия: взаимодополняемость и свободное движение населения» (Pro et Contra. — 2000. — Т. 5. — № 3. — Лето. — С. 118—140).

²² 8 августа 2000 г., непосредственно после взрыва на Пушкинской площади, министр правительства Москвы Александр Музыкантский публично заявил, что «Москва является столицей воюющего государства». Проведенное впоследствии расследование не подтвердило версию о «чеченском следе» этого преступления.

²³ *Кон И.* Постигнет ли русских судьба могикиан? // Крас. звезда. — 2001. — 21 февр.

²⁴ *Золотарев В. А., генерал-майор.* Предисловие // Россия (СССР) в локальных конфликтах. — С. 8.

²⁵ Концепция обеспечения безопасности и военной доктрины Российской Федерации (1992 г.). Проект МИД РФ. Пункт VI.6.

²⁶ *Сваранц А.* Нефть и газ Каспия в геостратегии США // Независимая газ. — 1998. — 11 дек.

²⁷ *Никушкина О., Сборов А.* Терроризм с человеческим лицом // Коммерсантъ. — 2001. — 24 апр.

²⁸ Интервью президента Путина американским СМИ // Коммерсантъ. — 2001. — 12 нояб.

²⁹ *Петров Е.* У Анкары кончилось терпение // Независимая газ. — 2001. — 29 нояб.

³⁰ Крас. звезда. — 2001. — 28 дек.

³¹ *Николаев А.* Указ. соч. См. также: *Фаличев О.* Восточный вектор приоритетов России // Крас. звезда. — 2001. — 4 янв.

³² *Shaffer B.* Washington Cannot Stop Russian Nuclear Deal With Tehran // Intern. Herald Tribune. — 2000. — Dec. 28.

³³ Независимая газ. — 1997. — 2 сент.

³⁴ Дипкуррьер НГ. — 2000. — 17 февр.

³⁵ «Москва станет мусульманским городом»: Интервью Абу Хамзы Елене Супониной // Время МН. — 1999. — 15 нояб.

³⁶ Есть, однако, сведения о том, что талибы были готовы отказаться от поддержки чеченцев в ответ на прекращение российской помощи Масуду. См.: *Трошев Г.* Моя война: Чеченский дневник окопного генерала. — М.: Вагриус, 2001. — С. 99.

³⁷ Пойдет ли впрок афганский урок? // Новое дело [Махачкала]. — 2000. — 1 янв.

³⁸ *Примаков Е.* Указ. соч. — С. 97.

³⁹ *Супонина Е.* Гражданин мира // Время МН. — 1999. — 2 сент.

⁴⁰ Iranian foreign minister says no to mediation in Chechnya // BBC Worldwide monitoring. — 1999. — Dec. 5.

⁴¹ *Борисов А.* Война в Чечне и исламский мир // Ближний Восток и современность. — М., 2001. — Вып. 10. — С. 65.

- ⁴² Интервью Владимира Путина американским СМИ (Коммерсантъ. — 2001. — 12 нояб.).
- ⁴³ *Примаков Е.* Указ. соч. — С. 107.
- ⁴⁴ *Фальков М.* На пути к московскому халифату // Независимое воен. обозрение. — 2001. — № 16.
- ⁴⁵ *Трошев Г.* Указ. соч. — С. 348—349.
- ⁴⁶ *Фальков М.* Указ. соч.
- ⁴⁷ *Ельцин Б.* Президентский марафон. — М.: АСТ, 2000. — С. 377.
- ⁴⁸ Там же. — С. 378.
- ⁴⁹ Россия (СССР) в локальных войнах. — С. 321.
- ⁵⁰ *Данилевский Н.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому: 6-е изд. — СПб.: Глагол, 1995. — С. 37.
- ⁵¹ *Денисов В.* Установить судьбу каждого // Крас. звезда. — 2001. — 6 июня.
- ⁵² Концепция внешней политики Российской Федерации (2000 г.), раздел IV.
- ⁵³ Интервью В. Каламанова (Сегодня. — 2001. — 9 апр.).
- ⁵⁴ *Ельцин Б.* Указ. соч. — С. 371.
- ⁵⁵ После операции в Косово, писал, например, директор Института военной истории Минобороны, возник «...закономерный вопрос: не рассматривают ли США удара по российскому Кавказу. Другим беспокойным регионам ближнего зарубежья» (*Золотарев В.* Указ. соч. — С. 8). О перспективе вмешательства США под предлогом миротворческой операции говорили и раньше. Еще в конце 1998 г. начальник разведки группировки Внутренних войск на чеченской границе говорил в интервью: «Если в Чечне еще нескольких иностранцев шлепнут, особенно американцев, те ведь могут и вмешаться под видом миротворческой операции» (*Бородай В.* Группировка // Завтра. — 1999. — № 1. — С. 3).
- ⁵⁶ *Brzezinski Z.* Op. cit. — P. 119.
- ⁵⁷ *Курбаналиев М.* Терроризм — это совсем близко // Новое дело [Махачкала]. — 2000. — № 40. — 6 окт.
- ⁵⁸ *Булавинов И.* Второй фронт маршала Сергеева // Коммерсантъ. — 1999. — 13 нояб.
- ⁵⁹ *Гафарлы М.* Угроза безопасности центрально-азиатских республик и России // Независимая газ. — 1999. — 5 февр.
- ⁶⁰ *Дугин А.* Евразийство: от философии к политике // Независимая газ. — 2001. — 30 мая.
- ⁶¹ *Он же.* Основы геополитики. — М.: Арктогея, 1997. — С. 238—242.
- ⁶² *Шаккум М.* Будет ли Чечня управлять Россией? // Независимая газ. — 1998. — 6 апр.
- ⁶³ *Гареев М., генерал армии.* Напрасно ли сражались герои Афганской революции? // Крас. звезда. — 2001. — 11 янв.
- ⁶⁴ *Мирзоев З.* Парадоксы безопасности // Бизнес и политика [Душанбе]. — 2000. — 22 сент.
- ⁶⁵ *Михайлов В.* Капризные дети исламской революции // Власть. — 1999. — 20 июля. — С. 35—36.

⁶⁶ Из выступления генерала Фрэнкса на слушаниях в Комитете по делам Вооруженных сил Палаты представителей Конгресса США 28 марта 2001 г. (<http://www.house.gov/hasc/openingstatementementsandpressreleases/107thcongress/01-03-28franks.html>).

⁶⁷ Николаев А. Указ. соч.

⁶⁸ Коновалов С. Н., капитан I ранга, Юдин В. В., полковник. Традиционный смысл понятия «война» устарел // Воен. мысль. — 2001. — № 1. — С. 53–57.

⁶⁹ См., например: *McFarlane R. Fueling a Revival* // *The Moscow Times*. — 2001. — Apr. 11. — P. 10. Р. Макфарлейн, бывший советник президента США по национальной безопасности в администрации Р. Рейгана, является представителем «энергетического лобби» США.

⁷⁰ *Menon R. After Empire: Russia and the Southern «Near Abroads»* // *The New Russian Foreign Policy* / М. Mandelbaum, ed. — New York, 1998.

⁷¹ Выступление президента Владимира Путина по российскому телевидению, 24 сентября 2001 г.

⁷² Россия и антитеррористическая операция США: Стенограмма интервью президента Путина шеф-корреспондентам американских средств массовой информации // Коммерсантъ. — 2001. — 12 нояб.

ГЛАВА VI

ЧЕЧНЯ И ЗАКОНЫ ВОЙНЫ ¹

АНАТОЛЬ ЛИВЕН

Начавшаяся в августе 1999 г. чеченская кампания рассматривается нами с точки зрения законов войны и, в частности, в контексте сложившихся на сегодня в мире представлений о военных преступлениях. На примере чеченского и других конфликтов, имевших место за последнее время в разных регионах мира, показано, что западные аналитики и некоторые представители российской либеральной интеллигенции зачастую трактовали эти законы не только предвзято и односторонне, но и без учета существенных особенностей уличных боев и партизанской войны.

Это способствует возникновению ряда пагубных тенденций: росту отчуждения между вооруженными силами и частью интеллигенции, тем более тревожному, что прецеденты такого рода уже встречались в российской истории, формированию у многих россиян предубеждения против «лицемерного и недоброжелательного» Запада и, что не менее важно, неуклонно растущему противоречию между законами войны, о которых вещают с международных трибун юристы и правозащитники, и реальными законами войны, которыми руководствуются солдаты на поле боя.

С самого начала необходимо отметить, что российские вооруженные силы действительно причастны ко многим эпизодам, связанным с вопиющим нарушением прав человека в Чечне. Такие действия не только преступны сами по себе, они подрывают международную репутацию России и ставят под сомнение весь смысл проводимой Москвой в этом регионе операции. Вследствие этого у чеченских боевиков расширились возможности вербовки добровольцев даже среди тех, кто до российской интервенции ненавидел боевиков и не разделял их целей. Подобные действия российских военных сильно осложнили выход из конфликта путем переговоров, фактически исключив возможность конструктивного дипломатического посредничества третьих

Анатоль Ливен — старший сотрудник Фонда Карнеги за Международный Мир в Вашингтоне. Его репортажи о Чеченской войне 1994—1996 гг. публиковались в лондонской «Таймс», а его книга «Чечня: могила российской мощи» опубликована издательством Йельского университета в 1998 г.

стран. Именно в этом следует искать причину пробуксовки усилий России по установлению более тесных отношений с Западной Европой, а также неудачи попыток обратить в свою пользу обеспокоенность европейцев политикой США. И, конечно, эти действия серьезно подорвали позиции России в мусульманском мире.

Свидетельств указанных преступлений более чем достаточно. Прежде всего они совершались российскими войсками в процессе облавы на лиц, подозреваемых в принадлежности к боевикам. В распоряжении «Human Rights Watch», «Мемориала» и многих других российских и международных правозащитных организаций имеются документы, свидетельствующие, что эти операции сопровождались вымогательствами, избиениями, похищениями людей под видом ареста с целью получения выкупа, а нередко и убийствами и изнасилованиями. Некоторые конкретные зачистки подробно анализируются на основе многочисленных свидетельских показаний в докладе «Human Rights Watch» по Чечне за февраль 2002 г.²

Есть серьезные основания полагать, что в некоторых случаях настоящие боевики платили российским военным за возможность избежать поимки, а иногда, опасаясь вступить в столкновение с чеченцами, войска продвигались при зачистках так медленно, что боевикам удавалось скрыться. Во время первой чеченской кампании 1994—1996 гг. автор видел все это собственными глазами. Это помогает понять, почему вооруженное сопротивление боевиков не ослабевает и многие их главаря остаются на свободе после двух с половиной лет боевых действий, несмотря на небольшие размеры Чечни и присутствие там десятков тысяч солдат.

Хотя некоторые преступления и совершаются по прямому указанию высокого начальства, по большей части это результат деморализации и недисциплинированности, усугубленных равнодушием, черствостью и попустительством старших офицеров. Даже если рассматривать применение пыток на допросах как средство достижения стратегических задач следствия, то совершаемые солдатами изнасилования, похищения людей и грабежи вряд ли предусмотрены официальными оперативно-стратегическими установками. Это симптомы загнивания российской армии, разьедаемой коррупцией и пораженной «дедовщиной»; за последние несколько лет зверские издевательства, которым новобранцев подвергают «старшие товарищи», унесли почти столько же солдатских жизней, сколько обе чеченские кампании.

Масштабы этой проблемы и ущерб, который Чеченская война нанесла интересам России, были в конце концов признаны российскими властями под сильным нажимом пророссийски настроенных че-

ченских руководителей. В частности, генерал-лейтенант Владимир Молтенской, командующий федеральными силами в Чечне, издал в марте 2002 г. приказ № 80, в котором говорится, что незаконные действия солдат сводят на нет усилия командиров по укреплению безопасности, правопорядка и созданию благоприятных условий для восстановления нормальной социально-экономической обстановки, способствуют росту антироссийских настроений и дают главарям незаконных вооруженных формирований дополнительные возможности для вербовки новых сторонников и пополнения своих рядов. В соответствии с этим приказом зачистки отныне будут проводиться только по личному распоряжению командующего. Солдатам, задействованным в этих операциях, запрещается надевать маски, номерные знаки их транспортных средств должны быть легко читаемы. Фамилии арестованных следует немедленно сообщать местной администрации и непосредственному начальству участвующих в операции солдат.

Однако наблюдатели, наученные горьким опытом, сомневаются, что российские военачальники на деле намерены обеспечить соблюдение новых правил и имеют для этого реальные возможности. Мировая практика показывает, что контролировать поведение солдат в полевых условиях нелегко. В данном конкретном случае заставить солдат уважать права человека можно лишь путем проведения всеобщей военной реформы. Одним из условий успеха такой реформы была бы замена армии, созданной на основе закона о всеобщей воинской обязанности, армией чисто профессиональной, а также повышение денежного содержания военнослужащих до уровня, который сделал бы службу привлекательной. Кроме того, необходимо сурово наказывать коррумпированных офицеров невзирая на чины и звания, без чего солдаты не смогут уважать командиров и испытывать гордость за свою службу.

С другой стороны, автор отдает себе отчет в том, что страдания гражданского населения в условиях уличных боев и партизанской войны неизбежны. К сожалению, подобные жестокие действия по отношению к гражданскому населению совершали почти все армии, проводившие подобные операции, в том числе и армии ведущих западных государств. В Афганистане американские войска пока не совершили каких-либо серьезных преступлений против гражданского населения, но степень их непосредственного участия в боевых действиях и уровень их потерь несопоставимы с аналогичными показателями российских войск в Чечне. Наземные боевые действия ведут в основном местные афганские союзники США. Они-то и совершают массовые злодеяния против населения.

Западных критиков действий России в Чечне можно условно разделить на две категории: людей, предвзято относящихся к России и несведущих в военных вопросах, и злопыхателей, которыми движет не сочувствие к чеченцам или подлинная забота о правах человека, а патологическая ненависть к России. По крайней мере до террористических актов, совершенных в США 11 сентября, многие на Западе довольно спокойно относились к зверствам чеченских боевиков и их исламистских союзников. Запад можно обвинить в применении двойных или даже тройных стандартов в оценках злодеяний, совершаемых российскими войсками, с одной стороны, и практикой своих союзников (таких, как Турция) — с другой.

Прежде всего это относится к позиции, занятой многими западными наблюдателями по поводу того, вправе ли Россия вообще вести военные действия в Чечне. Но ведь по традиционным и общепринятым законам и обычаям войны юридическое право России на ведение этой войны неоспоримо. Изначально эти законы предусматривали *jus ad bellum* (право — или его отсутствие — на ведение войны) и *jus in bello* (правила ведения войны). Начнем с классического *jus ad bellum*: Чечня, признанная международным сообществом неотъемлемой составной частью российской территории, восстала против верховной власти. Государства всегда подавляли (и до сих пор подавляют) силой оружия вооруженные сепаратистские поползновения своих субъектов. Напротив, лишь в очень редких случаях той или иной территории удавалось отделиться от суверенного государства мирным путем. Как правило, Соединенные Штаты, когда речь шла об их собственной территории или о территории их союзников, поддерживали международно признанные многонациональные государства в их борьбе с сепаратизмом, таким, например, как движение курдов за отделение от Турции.

После предоставления Чечне фактической самостоятельности в 1996 г. тамошнее правительство оказалось не в силах удерживать ситуацию под контролем. По республике и по Северному Кавказу в целом прокатилась волна похищений и других преступлений в отношении российских граждан, в Чечне укрепили позиции силы, публично выступавшие за развязывание религиозной войны против России и за дальнейшее расчленение российской территории. Даже если оставить в стороне спорное утверждение о том, что Чечня является оплотом терроризма, факт остается фактом: в августе 1999 г. эти силы спровоцировали широкомасштабное вооруженное вторжение из Чечни в Дагестан, которое стоило жизни 270 российским солдатам и сотням дагестанских милиционеров и мирных жителей.

В этой ситуации Россия, несомненно, имела законное право нанести ответный удар. Кроме того, обратившись к международной практике, мы увидим, что на протяжении XX в. Соединенные Штаты неоднократно осуществляли интервенции против независимых государств Центральной Америки в тех случаях, когда считалось, что развитие событий внутри этих стран (в частности, обострение криминальной обстановки) представляет угрозу интересам США. Самый свежий пример — Панама 1998 г. Лишь в одном случае на территорию США было совершено вторжение из соседней страны в результате гражданской войны (рейд Панчо Вильи на Колумбус в марте 1916 г.), на что США немедленно отреагировали контрвторжением гораздо более широкого масштаба.

Интересно сравнить юридические и моральные аспекты войн в Чечне и Косово. Когда НАТО решило предъявить ультиматум Югославии, это было сделано совершенно без всякого законного основания. Приводившееся НАТО обоснование интервенции могло бы с таким же успехом быть применено и к ситуациям в Чечне, Кашмире, Курдистане и других конфликтных территориях, поэтому не только Россия, но и большинство государств были так встревожены действиями НАТО. Как уже говорилось, многие страны включая США имеют опыт грубого вмешательства в дела суверенных государств с целью подавления сепаратистского движения.

Уже *после* того, как НАТО приняло решение объявить войну, правительство Югославии предоставило оправдание этому решению своими действиями в Косово, осуществив военные репрессии и этнические чистки среди албанского населения. Несмотря на истерические и глупые высказывания западных, а также некоторых российских комментаторов, подобного не произошло в Чечне, также как и в Индии, Турции и большинстве других стран, столкнувшихся с проблемой сепаратизма.

Какими бы ни были действия российских войск, официальной и истинной целью правительства России была не этническая чистка среди чеченцев и их замещение русским населением, а включение Чечни в Российскую Федерацию в качестве равноправного субъекта. Поскольку именно этнические чистки стали для НАТО официальной причиной войны в Косово, в будущем использование этого обоснования в качестве прецедента представляется очень ограниченным.

Как только начались этнические чистки среди албанского населения, аргумент, используемый НАТО для военной интервенции, был безупречен с точки зрения международной традиции и мог бы быть использован Россией в Чечне. Действительно, НАТО пришлось проигнорировать Совет Безопасности ООН, однако НАТО могло бы оп-

равдать это тем, что оно предотвращало непреодолимую угрозу национальным интересам своих членов и безопасности большинства стран европейского континента, поскольку невмешательство привело бы к массовому потоку беженцев в Западную Европу и дестабилизации целого региона.

Исходя из патологического поведения в Чечне в 1996—1999 гг., это был справедливый и легитимный аргумент для российской интервенции 1999 г. Однако было бы гораздо лучше, если бы России удалось получить явную общественную поддержку большего числа стран региона. В своих действиях в Косово НАТО могло по крайней мере заявить о своей роли представителя если не «международного сообщества», то хотя бы большинства стран европейского континента.

Разумеется, законность и мораль — не одно и то же, равно как мораль и действия США на международной арене в прошлом. С нравственной точки зрения с нынешним российским вторжением в Чечню не все ясно. Те патологические проявления, сведения о которых просачивались из Чечни в 1996—1999 гг., могут рассматриваться как прямое следствие ненужного и даже преступного российского вторжения в декабре 1994 г. и последовавшей за ним кровавой и разрушительной войны.

Это вторжение было гораздо менее оправданно, чем произошедшее в 1999 г., хотя воспоминания о бессмысленном кровопролитии 1994—1996 гг. и о яростном чеченском сопротивлении должны были бы заставить российское руководство хорошенько подумать, прежде чем развязывать новую войну. Любая война, а тем более антипартизанская, бесчеловечна по определению. Убедиться в том, что все иные возможности исчерпаны и альтернативы нет, — моральный долг всех, кто прибегает к этому крайнему средству разрешения конфликтов.

Из этого положения исходит, например, резкое осуждение атомной бомбардировки Соединенными Штатами японских городов в августе 1945 года, когда Япония была уже фактически разгромлена. Те, кто применил тогда это оружие, вероятно, впоследствии испытывали угрызения совести, которые были бы гораздо менее мучительны, если бы атомные бомбы уже существовали в 1942 г. и были сброшены на Германию или Японию, когда исход войны еще не был предрешен и капитуляция государств «оси», достигнутая такой ценой, спасла бы миллионы жизней. Моральная сторона уничтожения Хиросимы и Нагасаки до сих пор вызывает мучительные сомнения в оправданности этого акта и его соизмеримости с реальной стратегической задачей заключительного этапа войны.

Как говорил Фома Аквинский, средства ведения войны должны быть адекватны ее конечной цели. Российское руководство явно не задумы-

валось, адекватны ли его действия в Чечне поставленной задаче (как не задумывалось об этом в годы Вьетнамской войны американское руководство). Результаты Чеченской войны никоим образом не служат ни российским национальным интересам, ни достижению целей России в этом регионе. Угроза, исходившая от исламского радикализма, во многом нейтрализована, количество случаев похищений людей и бандитских нападений на территории Чечни сократилось, престиж российской армии в определенной степени восстановлен после катастрофического падения в 1996 г. Тем не менее преступления, совершенные российскими войсками против гражданского населения Чечни, привели к тому, что Россия увязла в жестокой партизанской войне, конца которой не видно даже в самой отдаленной перспективе, угроза терроризма нисколько не утратила своей остроты, а лидерам пророссийской чеченской администрации не удается завоевать авторитет, а зачастую и просто остаться в живых.

Все это можно было предвидеть, исходя не только из событий 1994—1996 гг., но и из уроков многих аналогичных конфликтов, имевших место в различных регионах мира. Поэтому прежде чем предпринять полномасштабную вооруженную интервенцию, Путину и его администрации следовало тщательно проработать и попытаться применить другие варианты разрешения конфликта (например, сочетание ввода войск в Чечню к северу от Терека с попытками убедить Масхадова методом кнута и пряника в необходимости подавления экстремизма).

И только после того, как стало бы предельно ясно, что такая тактика не работает, что чеченцы не собираются прекращать вооруженные набеги на российскую территорию, Россия, как и любое другое государство на ее месте, получила бы полное моральное и юридическое право пойти войной на Чечню. Следует, однако, признать, что даже юридически и морально оправданная война такого рода неизбежно бьет по гражданскому населению и сопровождается массовыми нарушениями прав человека, в особенности если ведущая войну страна не имеет на вооружении самой современной боевой техники наподобие американской и не в состоянии ее приобрести.

* * *

В этой связи уместно поднять вопрос о *jus in bello* в применении к Чечне и уточнить, что является военным преступлением, а что — нет, так как в трактовке этого вопроса как российскими, так и западными аналитиками очень много путаницы. Если западные правительства не определятся с этим понятием, то в перспективе может быть поставлена под угрозу некоторая, хотя и относительная, гуманизация ведения

военных действий. Как и другие человеческие законы, законы войны должны составляться с учетом реалий той области, которую они призваны регулировать. Если их не применяют на практике солдаты, они перестают быть законами и превращаются в пустую схоластику, к которой прибегает каста жрецов от международной юриспруденции — их проповеди, быть может, красиво звучат, но не имеют никакого отношения к реальной деятельности конкретных людей.

Крах коммунизма как идеологической силы создал — впервые в истории — реальную возможность для повсеместного утверждения западных гуманитарных ценностей. Но даже в отсутствие коммунизма этот процесс будет идти медленно и поэтапно. Прежде всего следует довести до сознания мировой общественности тот факт, что это подлинные общечеловеческие ценности, а не грубо сколоченные «троянские кони», используемые циничными американскими политиками для подрыва государств-конкурентов изнутри. Вспомним: в XIX в. европейские и североамериканские «империалистические державы» также претендовали на распространение того, что они называли цивилизующими ценностями, среди «младших братьев» по всему миру. К несчастью, неприкрытая колониальная алчность, территориальные захваты, крайняя жестокость и лицемерие, которыми сопровождалась эти «цивилизаторские миссии», фатально скомпрометировали их в глазах других народов, у которых в результате развилась патологическая аллергия на все западное — и даже на модернизацию в целом.

При любом конфликте военные преступления можно разделить на две категории. К первой относятся умышленные преступления, совершаемые по указанию руководителей государства или военачальников, ведущих военную кампанию. Это допросы с применением пыток, казни без суда и следствия, массовые репрессии и т. д. Ко второй категории относятся спонтанные преступления, совершенные солдатами по собственной воле или в нарушение приказа из мести, для собственного удовольствия или из корыстных побуждений: убийства, изнасилования, грабежи и т. д.

Очевидно, что эти категории нередко могут переходить одна в другую. После падения Бадахоса в 1811 г. британский генерал Веллингтон отдал город на разграбление войскам, что обычно влекло за собой массовое насилие и грабежи и считалось законным правом солдат, проявивших храбрость при штурме, и средством поддержания их высокого морального духа. Так же, говорят, поступил и французский маршал Жюэн после взятия Монте-Кассино в 1944 г. Во время Кавказской войны в XIX в. такое право иногда предоставлялось русской императорской армии, а в 1944—1945 гг., в значительно более широком масшта-

бе, — Красной армии в Германии. В Боснии массовое насилие, видимо, санкционировалось верховным командованием армии боснийских сербов как средство устрашения, деморализации и вытеснения боснийских мусульман. Политика поощрения массовых репрессий против гражданского населения открывает перед рядовыми солдатами широкие возможности для удовлетворения похоти и чувства мести, для выхода накопившейся злости и личного обогащения.

И все же следует учитывать разницу. Направленные против населения спонтанные преступления, совершаемые солдатами, обычно обесценивают то дело, во имя которого они сражаются, и лишь способствуют притоку добровольцев в ряды противной стороны. Классическим примером здесь могут служить «аресты» чеченцев на российских блокпостах. Имеются многочисленные свидетельства того, что во многих случаях (может быть, даже в большинстве случаев) российские солдаты, производящие аресты, не имеют оснований подозревать арестованных в участии в боевых действиях, а просто рассчитывают получить выкуп. В сущности, это не что иное, как не санкционированный сверху рэкет, который никак не служит российским интересам в Чечне и не способствует достижению целей, преследуемых там российской стороной.

Такого рода преступления являются чаще всего следствием морального разложения армии и отсутствия должной дисциплины, что подрывает моральный дух солдат; нередко подобные действия могут быть направлены против своих сержантов и офицеров. Совершая массовые преступления против гражданского населения во Вьетнаме, американские солдаты также попутно убивали («мочили») непопулярных офицеров и сержантов, что могло остановить любого, кто хотел бы предотвратить насилие.

Из опыта вьетнамской и чеченской кампаний напрашивается вывод: когда солдаты в массе своей не хотят воевать, недовольны командирами и денежным довольствием, суровые взыскания, налагаемые за преступления, вызывают у них полную апатию — они начинают вообще уклоняться от выполнения воинского долга, что равносильно поражению в войне.

Подобная дилемма стоит перед любым государством, любым политическим классом и в отношении полицейских сил внутри страны. Если правительство закрывает глаза на полицейский произвол, то в результате получает разгул беззакония, криминализацию целых классов, взрыв общественного негодования и в конечном счете ослабление самих устоев государства. Но если полицию наказывать слишком сурово, она вообще перестанет вести серьезную борьбу с преступностью со

всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями для общества. Нью-Йорк стал свидетелем нескольких эпизодов подобного рода. Поэтому даже многие западные либералы стараются вести себя по отношению к органам правопорядка осмотрительно, чтобы не вызвать отчуждения у тех сил, которые охраняют их жизнь и собственность. Государство несет полную моральную ответственность за злоупотребления своих служащих, но не следует упускать из виду, что на практике все гораздо сложнее.

Эта проблема приобрела особую остроту в российской армии. Предательство, которое совершила российская элита по отношению к собственным солдатам, не имеет прецедентов в истории по цинизму, и в любой другой стране это неминуемо привело бы к военному мятежу. Деморализованность, во многом обусловившая масштабы военных преступлений в Чечне, также вылилась в массовое нежелание там служить: весной 2002 г. целые подразделения ОМОНа отказались выполнить приказ выдвинуться в Чечню, при этом их поддержали местные представительные органы.

Бывает и так, что того или иного военнослужащего (полицейского), совершившего преступление, отмечают в приказах командования за храбрость. К сожалению, из-за специфики подготовки и в силу личностных особенностей, которые и приводят новобранца в такие войска, многие военнослужащие элитных сил, таких, например, как британские парашютно-десантные части и подразделения, отличаются крайней жестокостью по отношению к гражданским лицам и склонны к насилию в быту. В отличие от штабистов, не говоря уже о гражданских юристах, боевые офицеры, сержанты и старшины нередко сталкиваются с необходимостью решать острые моральные и эмоциональные проблемы, непонятные для тех, кто не бывал в бою и не знает, что такое боевое братство.

* * *

Необходимо достичь полной ясности в вопросе о военных преступлениях, якобы совершенных по прямому указанию российского руководства. Те действия, которые квалифицируются российской либеральной интеллигенцией и западными СМИ и политиками как военные преступления, можно разделить на три категории.

К *первой категории* относятся деяния, повсеместно признанные преступлениями и трактуемые как таковые с самого начала процесса юридического оформления законов и обычаев войны, который начался во второй половине XIX в. Это пытки, массовые убийства, казни без суда. Почти все государства, войска которых вели антипартизанские дейст-

вия, в какой-то степени повинны в подобных преступлениях, однако, по крайней мере после 1945 г., упорно отрицали этот факт и всячески стремились скрыть любые улики. С тех пор ни одно государство (за исключением правительства народности хуту в Руанде и некоторых маниакальных коммунистических режимов) открыто не возводило пытки и массовый террор в ранг официальной политики.

Французский генерал Поль Оссарес недавно признал, что в 50-х годах в Алжире французы применяли пытки в массовом масштабе по приказу командующего французским экспедиционным корпусом. Этот приказ, в свою очередь, был санкционирован тогдашним министром юстиции Франсуа Миттераном (впоследствии президентом Франции). Однако французы никогда ранее не признавали факта одобрения пыток властями своей страны, и когда генерал Оссарес выступил со своим заявлением в апреле 2001 г., официальная Франция разыграла крайнее изумление и негодование. Правительство Израиля также пыталось отрицать систематическое применение пыток во время оккупации Южного Ливана и подавления первой интифады, хотя это и подтверждалось многочисленными свидетелями и показаниями самих израильских солдат.

Существует много свидетельств о широком применении пыток в Чечне и о многочисленных казнях без суда. Последние (как это имело место в Алжире) явно совершаются для того, чтобы скрыть следы особенно зверских пыток. «Human Rights Watch» располагает материалами, свидетельствующими о совершении 853 казней без суда до февраля 2001 г. По крайней мере одно массовое захоронение было обнаружено вблизи от российского лагеря для интернированных. Много гражданских лиц уничтожалось в ходе зачисток, хотя это и не сопоставимо по масштабам с планомерными карательными операциями, проводившимися в Боснии (по состоянию на весну 2001 г. «Human Rights Watch» задокументировала три резни, в ходе которых погибло около 130 человек).

Ко *второй категории* относятся действия, ранее не квалифицированные западными государствами как преступления, но постепенно перешедшие в разряд таковых под давлением общественного мнения. Это бомбардировки населенных пунктов, находящихся вне зоны непосредственного боевого взаимодействия враждующих сторон, и применение варварских средств массового уничтожения — таких, как напалм и вакуумные бомбы. В прошлом подобные действия производились и западными вооруженными силами открыто, в массовом порядке. Во время Второй мировой войны, войн в Корее и (в более ограниченном масштабе) во Вьетнаме систематическое истребление граждан-

ского населения с воздуха являлось основным направлением военной стратегии США. И американские, и французские войска широко применяли напалм в ходе антипартизанских операций, что имело ужасающие последствия.

Соединенные Штаты использовали «термобарическое» оружие против пещерных комплексов «Аль-Каиды» и «Талибана» в Афганистане, несмотря на то, что американские политические обозреватели ранее осудили это оружие как аморальное. Но и сейчас раздаются резкие протесты против применения этого оружия в густонаселенных районах, а цели, против которых оно было применено, находятся именно в таком районе — там бытовая культура, мировоззрение и даже поведенческие модели населения претерпели заметные изменения за последние тридцать лет.

К *третьей категории* относятся действия, которые принято считать военными преступлениями, хотя рассматривать их как таковые было бы на самом деле лицемерием, доводящим само понятие военного преступления до абсурда. Речь идет прежде всего о бомбардировке осажденных городов, таких, как Грозный, который сепаратисты обороняли до последнего и в 1995, и в 1999—2000 гг. и который они атаковали в марте и августе 1996 г.

Совершенно очевидно, что если представители одной из враждующих сторон закрепились в городе, другая сторона предпримет попытку захватить его независимо от того, находятся там мирные жители или нет, и что при этом многие из них обречены на гибель. К сожалению, американские разработчики новейшей военной техники до сих пор не создали эффективных средств для штурма упорно обороняемого города, которые позволили бы обойтись без значительных разрушений и тяжелых потерь собственных живой силы и техники. Во время штурма Манилы (столицы Филиппин, тогда еще находившихся под формальным протекторатом США) зимой 1944—1945 гг. генерал Макартур сначала хотел избежать артиллерийского обстрела и бомбардировок, чтобы пощадить гражданское население, но вскоре был вынужден отказаться от этого намерения, так как потери американских войск резко выросли. Ситуация повторилась позже в Сеуле в 50-х годах, Хюэ в 60-х годах и т. д.

Во время вывода американских рейнджеров из Могадишо (Сомали) в октябре 1993 г. за каждого погибшего американского солдата сомалийцы заплатили пятьюдесятью жизнями. Неприменение оружия в тех условиях было бы равносильно предательству участвовавших в бою американских солдат, и если юрист-международник еще мог приводить какие угодно аргументы против стрельбы на поражение по гражд-

данским лицам в тех условиях, у командира выбора не было. В реальных условиях боя этика действий командира сводится к выполнению двуединой задачи: во-первых, добиться победы, во-вторых, сберечь своих людей. Во время боя он может предотвращать действия, юридически или традиционно считающиеся военными преступлениями. Но ничто не заставит его пожертвовать жизнями солдат во имя какого-то расплывчатого или противоречивого морального принципа. Во всяком случае, законы и обычаи войны всегда допускали возможность ведения беспорядочного огня в зоне боевых действий, исходя из того, что попытки помешать этому совершенно бесполезны.

Разумеется, нападающая сторона может дать гражданскому населению возможность заблаговременно покинуть город. Российские федералы так и сделали: они предупредили население Грозного о готовящемся штурме. Их, конечно, можно критиковать за то, что они не обеспечили достаточно безопасных коридоров для эвакуации жителей. Западным аналитикам следовало бы обратить внимание на это упущение, а также на отказ российских военных предоставить большую свободу действий представителям Международного комитета Красного Креста — традиционной и общепризнанной нейтральной организации, предназначенной для оказания гуманитарной поддержки людям, оказавшимся в подобных ситуациях. Вместо этого большинство западных экспертов заклеили именно это предупреждение российского командования как преступление, что просто нелепо.

И все же традиционное средство предотвращения разрушения осажденного города существует: оно заключается в том, что обороняющаяся сторона объявляет его «открытым» и обязуется не размещать в нем войска и не препятствовать вводу в него войск противника. Если такое соглашение заключено, но другая сторона тем не менее осуществляет бомбардировку города, это должно рассматриваться как военное преступление. В отсутствие же такого соглашения квалифицировать применение нападающей стороной тяжелого вооружения как военное преступление равносильно объявлению вне закона войны как таковой.

Такую позицию заняли многие представители российской либеральной интеллигенции и активисты западных неправительственных организаций. Майкл Вальцер, известный исследователь законов и обычаев войны и опыта их практического применения, заметил, что многие из пишущих на эту тему упускают из вида одно существенное обстоятельство. Ненависть войну и порождаемую ею жестокость, они забывают, что законы о военных преступлениях призваны лишь регламентировать ведение войны, а не положить ей конец. Покончить с войнами, может быть, и удастся на каком-то этапе истории человечества,

но определенно не на нынешнем; в любом случае, как уже говорилось, *ius ad bellum* — право на войну — регламентируется иными международными законами, традициями и договорами.

При любом конфликте ряды принципиальных противников войны как таковой пополняются теми, кто по той или иной причине выступает против данного конкретного конфликта или, что более типично, примыкает к одной из враждующих сторон, желает ей победы и осуждает любые действия противоположной стороны как «преступления». Такая позиция явно просматривалась в выступлениях некоторых западных наблюдателей по войне в Чечне, а также в отношении многих левых европейцев и американцев к войнам, которые вели Соединенные Штаты. Поддержка некоторыми российскими экспертами подобной точки зрения, естественно, дискредитировала их в глазах многих россиян.

* * *

Как неоднократно отмечалось, есть что-то изначально алогичное в попытках регламентировать ведение войны, этого крайнего проявления насилия и анархии, что нашло отражение в таких популярных поговорках, как «Война все спишет» и «На войне как на войне». И все же за сто с лишним лет с начала обсуждения и разработки современного международного законодательства, касающегося военных преступлений, произошел значительный прогресс в гуманизации обращения с военнопленными.

В ходе Второй мировой войны бесчеловечность немцев по отношению к советским военнопленным — по сравнению с их в общем цивилизованным обращением с пленными из западных союзных армий — объяснялась главным образом расистскими предубеждениями нацистов. Но здесь сыграло роль и то обстоятельство, что западные державы и Германия подписали Гаагскую конвенцию, а Советский Союз в нее не входил. Расовая ненависть немцев к полякам была ничуть не меньше, чем к русским, однако благодаря тому, что Польша подписала упомянутую конвенцию, польские военнопленные содержались гораздо лучше, чем пленные бойцы Красной армии. С захваченными членами польских подпольных групп сопротивления немцы, разумеется, обращались иначе: в 1939—1944 гг. они подвергались пыткам, их расстреливали или отправляли в концлагеря.

Здесь мы подошли к важнейшей проблеме военно-уголовного права — проблеме партизанского движения и антипартизанской войны. К концу XIX в., когда европейские державы всерьез приступили к разработке международных соглашений о военных преступлениях, отношение к партизанам было однозначным: лица в гражданской одежде,

задержанные с оружием в руках или уличенные в его боевом применении, подлежали расстрелу на месте без суда.

Эта установка потребовала пересмотра после того, как европейцы (и американцы) оказались вовлечены в операции против «туземных» бойцов за национальное освобождение, далеко не всегда облаченных в военную форму. В целом западные войска уважали своих противников как воинов и не совершали массовых казней пленных, но судьба последних была в руках начальника местного гарнизона и его окружения. Если (как это нередко бывало на американском Западе вдоль линии так называемого фронта или во время восстания 1857—1859 гг. в Индии) коренное население допускало жестокость по отношению к пришельцам, то «носители цивилизации», как правило, отвечали на это массовыми кровавыми расправами — и, насколько известно автору, без всяких на то санкций.

Основная нравственная проблема, возникающая в борьбе против партизан, связана с их тактикой, которая состоит в том, что они растворяются в гражданском населении, в лучшем случае используя его как прикрытие, в худшем — пытаясь спровоцировать зверства против мирных жителей со стороны противника, чтобы усилить ненависть к нему. Эта тактика сочетается с попытками при любых обстоятельствах уничтожать не только военнослужащих противника, но и гражданских лиц из вражеского лагеря, одновременно маскируя своих боевиков под мирных жителей и выбирая густонаселенные районы для совершения таких действий. Именно подобного рода тактику используют чеченские боевики и их союзники.

Проблему сокращения числа жертв среди гражданского населения в ходе антипартизанских операций можно решить, в частности, путем эвакуации мирных жителей из зоны боевых действий и их сосредоточения в других местах под надежной охраной — в так называемых «охраняемых деревнях» (американский термин, применявшийся во время войны во Вьетнаме). Цель такой акции — не только вывести гражданское население из-под огня, но и, перефразируя известное изречение Мао Цзэдуна, «процедить воду, в которой плавают партизаны». Такой тактики придерживались французы в Алжире и американцы во Вьетнаме. В Чечне федеральные силы пока так не поступают, хотя появление огромной армии беженцев дает практически тот же результат. Иногда эта тактика срывается. Гуманна ли она? Как правило, вместо того, чтобы погибнуть от бомб, снарядов и от рук солдат-мародеров, эвакуированные семьи умирают от недоедания и болезней в импровизированных «охраняемых деревнях», а женщины превращаются в проституток, обслуживающих оккупационные силы.

Но в таких местах, как Чечня, где партизаны наносят удары из густонаселенных районов, гражданское население принимает на себя всю тяжесть возмездия со стороны сил по борьбе с партизанами, и с этим ничего нельзя поделать. Солдаты могут испытывать нечто вроде уважения и сочувствия к противникам, подвергающимся тем же опасностям и испытывающим те же трудности, что и они сами, и даже предпочитать их штатским соотечественникам, живущим дома в безопасности и уюте.

Однако почти всегда такого рода уважение распространяется лишь на солдат противника, которые служат в аналогичных условиях. По признанию известного британского военного историка Джона Кигана, опыт многих войн свидетельствует, что солдат скорее пощадит пленного, служащего в тех же войсках, что и он сам, чем солдата другого рода войск. Пехотинцы уважают пехотинцев, но при этом ненавидят кавалеристов или танкистов и т. д. По воспоминаниям участников Верденского сражения времен Первой мировой войны, пехотинцы обеих противоборствующих армий испытывали самую жгучую ненависть к артиллеристам — даже своим собственным, — которые били по ним с дальнего расстояния. Конечно, захваченных в плен пехотинцев тоже иногда убивали, но в среднем у них оставалось гораздо больше шансов выжить, чем у пленных артиллеристов.

С учетом этих особенностей армейского менталитета военнослужащих регулярных войск трудно заставить уважать «нерегулярных» партизан и укрывающих их штатских. Готовность солдат брать в плен солдат противника и обращаться с ними по-человечески объясняется еще и надеждой на взаимность, на то, что если они сами попадут в плен, с ними тоже будут поступать гуманно. Партизаны таких гарантий дать не могут, даже если бы хотели. Они практически не берут пленных, а с теми, для кого делают исключение, обращаются бесчеловечно. Это относится и к чеченским партизанам, а иностранные моджахеды, воюющие в Чечне, открыто заявляют о казнях пленных и пытаются оправдать это законами ислама.

И наконец, борьба с партизанами — это в значительной мере полицейская акция, которая неизбежно сопряжена с типичными полицейскими преступлениями; не следует забывать, что эта акция проводится в экстремальных условиях, практически бесконтрольно и без соблюдения установленных правил, при этом в ее осуществлении участвуют лица, не пригодные для выполнения полицейских функций ни профессионально, ни психологически. В этих условиях применение силового воздействия на пленных и штатских неизбежно, хотя степень этого воздействия, разумеется, зависит от характера государственного строя и

особенностей политического курса стран — участников конфликта, от морального облика командиров и дисциплинированности солдат.

Зависит она и от того, насколько успешно партизаны уничтожают задействованные против них войска, провоцируя их тем самым на массовые акции возмездия. Весной и осенью 2001 г. войска НАТО на границе Косово и Македонии обращались с албанскими партизанами и гражданскими лицами чрезвычайно цивилизованно по сравнению с тем, как ведут себя русские в Чечне. Дело в том, что силы НАТО в сущности так по-настоящему и не воевали против албанских экстремистов, которых им надлежало сдерживать, поэтому (по состоянию на 2002 г.) они не понесли серьезных потерь. Больше всех досталось македонцам, которых НАТО якобы защищает. При проведении подобных операций солдатам НАТО нетрудно вести себя «цивилизованно». Вся операция прошла очень цивилизованно, хотя для ее характеристики можно найти и другие слова.

* * *

В этих заметках автор не пытался никому навязывать какие-либо обязательные интеллектуальные и моральные критерии оценки войны в Чечне или войны вообще. Хотелось бы просто пожелать, чтобы такие оценки выносились с учетом конкретной специфики и не были столь прямолинейными, как это нередко случается. Многочисленные преступления, действительно совершенные российскими войсками в Чечне, следует осудить. Но сначала нужно определить, что называть преступлением, а что нет. В своем очерке я попытался показать, что никакие правовые и моральные нормы, на основании которых то или иное деяние квалифицируется как военное преступление, нельзя считать корректными, если они исходят из посылки, что все солдаты — преступники, и не учитывают специфические особенности их суровой и жестокой профессии.

Все это имеет огромное значение для России. С одной стороны, выявление правонарушений в Чечне и наказание виновных, командиров и солдат, — это не только моральный императив для российского государства, это и важнейшее средство восстановления дисциплины и порядка в армии и необходимый элемент процесса реформирования и модернизации вооруженных сил, который давно уже назрел. Это, в свою очередь, будет способствовать тому, что армия сможет более успешно защищать Россию в будущих войнах.

Следует также иметь в виду, что в ходе этих грядущих войн предстоит *воевать* и чаще всего на суше. Россия — не США, Канада или Западная Европа. Она не защищена морями. Она имеет протяженные

сухопутные границы с регионами, отличающимися крайней нестабильностью. Тысячи миль океана и территорий союзнических стран отделяют США от Афганистана, а Россия находится совсем рядом. В отличие от США у России нет возможности направлять компактные экспедиционные силы для ведения военных действий вдали от своих границ и последующего вывода их оттуда после выполнения тактических боевых задач. Воюя на своей территории, Россия не может использовать местные вспомогательные средства в той степени, в какой это делают США (хотя и с переменным успехом) в Афганистане и других странах.

Россия не имеет возможности по примеру Западной Европы держать в состоянии повышенной боевой готовности небольшие отряды особого назначения с приданными им подразделениями авиационной поддержки, используя регулярную армию для выполнения главным образом ненасильственных миротворческих миссий, а не для ведения военных действий. Датчане или шведы могут, в отличие от России, позволить себе содержать армию, являющуюся по сути не более чем субсидируемыми государством отрядами хорошо экипированных туристов. Наконец, учитывая строгие ограничения, наложенные на расходную часть российского бюджета на ближайшую перспективу, Россия определено «не потянет» массовое производство бомб и снарядов с лазерным или телевизионным наведением, которые способны, в отличие от прошлых войн, не только поражать военные объекты без ущерба для прилегающих районов, но и позволяют США избегать сухопутных боевых действий с применением живой силы, которые всегда сопровождаются тяжелыми потерями среди военных и страданиями мирного населения.

Однако высокие технологии не следует отождествлять с высокой нравственностью, хотя у русских в любом случае такого оружия нет. Пусть они и считают себя европейцами и претендуют на соответствующее к себе отношение, их вооруженные силы сопоставимы разве что с индийскими по характеру стоящих перед ними проблем, по военной структуре и средствам, используемым для решения этих проблем.

Очень важно, чтобы освещение событий в Чечне российской стороной сочетало объективность документального репортажа и суровое осуждение совершаемых там военных преступлений. Одной из наиболее неприятных особенностей публичных дискуссий на тему войны в Чечне стало то, что они вновь обнажили старый и опасный конфликт между российской либеральной интеллигенцией, с одной стороны, и «государственниками» — с другой и что в ходе этих дискуссий проявились худшие качества обеих сторон.

Подобный конфликт существует в той или иной степени во всех западных обществах. Он лишь подтверждает наличие грани, проведенной Максом Вебером между *Gesinnungsethik* (этикой, основанной на принципах и чувствах) и *Verantwortungsethik* (этикой, основанной на чувстве ответственности за последствия действий и политики). В России, где демократии не было ни при царях, ни при коммунистах, этот конфликт значительно и опасно обострился. Практически неуязвимые для внешней критики и пользующиеся судебным иммунитетом государственные структуры отождествляют свои ведомственные интересы с интересами страны, что дает широкий простор для произвола, коррупции, вымогательства и безответственного политиканства. Лучшим подтверждением этому служит история советских и российских вооруженных сил, свидетелями которой стали два последних поколения россиян, и в особенности первая чеченская кампания 1994—1996 гг.

С другой стороны, отлучение либеральной интеллигенции от большой политики и власти означало, что ее политическая безответственность и моральный абсолютизм нередко выходили за разумные пределы. В очень многих случаях презрение к реальной политике и к учету практических последствий слов и поступков становилось чуть ли не делом чести. На государство и армию возлагалась вина не только за каждое военное поражение России и за любой просчет администрации, но и за все проявления общественно-экономической отсталости, причем обвинения эти выдвигали люди, чей собственный военный и административный опыт практически равнялся нулю.

Такое отношение достигло апогея во время Первой мировой войны, когда оно привело к развалу государства и армии, к большевистскому перевороту и общероссийской катастрофе. Россиянам не стоит забывать эти печальные страницы своей истории, из них следует извлечь уроки на будущее. При этом интеллектуалам, равно как и генералам, необходимо понять, что они несут полную ответственность за судьбы солдат, охраняющих границы России.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Текст основан на статье, опубликованной в «East European Constitutional Review» (2001. — Vol. 10. — № 2/3. — Spring/Summer).

² Russia/Chechnya. — 2002. — Vol. 14. — № 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полтора десятилетия спустя после начала горбачевской *перестройки* Россия находится гораздо ближе к началу трансформационного периода, чем к его завершению. Задача, стоящая перед российским обществом — по сравнению не только со странами Центральной и Восточной Европы, но и с бывшими советскими республиками, — осложняется тем, что к трансформации экономической, политической, социальной добавляется переход от имперского, точнее, уже от постимперского состояния к иному, до конца еще не артикулированному «образу жизни».

Можно утверждать определенно, что путь к восстановлению евразийской империи (под любым названием) окончательно закрыт. Уход Бориса Ельцина не привел к откату, имперскому реваншу. Второй президент России Владимир Путин — деятель безусловно национальный, а не имперский. Главной целью политики его администрации является модернизация страны, и с этой точки зрения империя представляется неэффективной архаикой.

Выход России из имперского состояния полностью не завершён. Оказалось, что как элитам, так и основной массе населения страны легче отказаться от Украины *включая* Крым и Севастополь, чем заново — и по-новому — интегрировать Северный Кавказ. Наряду с проблемами национальных республик в составе Российской Федерации в повестке дня региональной политики остаются проблемы колонизированных окраин — «северов», Дальнего Востока, Сибири.

Становление России как федерации идет трудно. Советская тоталитарно-централистская модель государственного устройства сменилась в 90-е годы состоянием, по существу напоминающим феодальную раздробленность. Затем маятник качнулся в другую сторону, и в 2000 г. была провозглашена и частично осуществлена рецентрализация управления страной.

Так называемая путинская стабилизация, вполне возможно, станет инкубационным периодом для становления новых государственных и общественных структур. Ожидать «на выходе» возрождения унитарной России не следует, но и «Россия регионов», если под этим понимать слабую конфедерацию, в которой столица — всего лишь место для ве-

дения переговоров и заключения сделок, также вряд ли состоится. Достижение оптимального баланса между централизмом и децентрализацией будет зависеть от успеха экономических реформ и социально-политических последствий этого успеха. Созревание демократии в России непосредственно зависит от становления главного субъекта демократии — собственника-налогоплательщика.

В этом широком контексте поворот, происшедший в отношениях России и Запада после террористической атаки против США 11 сентября 2001 г., только формально имеет внешнеполитическое содержание. Этот шаг отражает внутренние потребности страны, но он также требует отказа от привычных, хотя и устаревших представлений и амбиций. С этой точки зрения историческое значение изменений в российской внешней политике, происшедших осенью 2001 г., в том, что Москва в одностороннем порядке прекратила бесперспективное и разорительное геополитическое соперничество с США.

В то время как отношения России с Западом, прежде всего с Европой, носят во все большей степени внутренний характер («интеграция через трансформацию»), будущие отношения России с Востоком будут определяться двумя факторами. Первый из них — перспективы развития российского Дальнего Востока и Сибири. В начале XXI в. это наиболее масштабный геополитический вызов России. Второй фактор — это динамика процессов внутри Азии — от Индии до Японии, — которая все больше становится «вещью для себя». Перестав быть площадкой для соперничества внешних сил, Азия оказывается все более взаимосвязанным конгломератом быстро растущих, жестко соперничающих и одновременно тесно взаимодействующих друг с другом сил. Эти силы будут оказывать воздействие и на Россию — как *европейскую страну в Азии*.

Принципиально иной набор вызовов и возможностей в начале XXI в. являет для России Юг, который в данном случае можно условно определить как Кавказ и Центральную Азию, Ближний и Средний Восток. Это не только ближайшая внешняя периферия России, но отчасти и цепочки анклавов внутри российской территории — от Северного Кавказа до Поволжья.

На этом направлении, как и на других, вызовы и угрозы XXI столетия сильно отличаются от угроз XIX и XX вв. «Большая игра» великих держав утратила прежний смысл. С одной стороны, контроль над окраинными и буферными территориями по царской, советской или даже англо-индийской модели уже невозможен. С другой стороны, в условиях экономической, финансовой и информационной глобализации формальный суверенитет или сюзеренитет не являются препятствием

для того, кто обладает превосходящей *мягкой мощью*. В «игре» по новым правилам сумма выигрышей и проигрышей уже не обязательно равняется нулю.

Так, все «статусные» участники международных отношений — государства — проигрывают от роста экстремизма, радикализма, терроризма. Никто из них не в состоянии извлечь выгоду из трудностей модернизации мусульманских, прежде всего арабских обществ. Слабость новых государств, которая прежде служила приглашением к доминированию и являлась стимулом борьбы за сферы влияния, превратилась в источник угрозы не только для соседей, но и в принципе для мирового сообщества в целом. Общность угроз ведет к образованию новых союзов в форме широких коалиций. Задача, однако, заключается не только в том, чтобы успешно противостоять внешним проявлениям угроз, но и в том, чтобы в конечном счете ликвидировать их глубинные корни. Это, в свою очередь, возможно лишь на путях трансформации традиционных обществ, их модернизации, демократизации и включения в мировые процессы в качестве чего-то большего, чем источник сырьевых запасов.

Освоение топливно-энергетических ресурсов региона Большого Каспия и их транспортировка на мировой рынок в принципе могут создать материальные условия для второй волны модернизации обществ в странах Южного Кавказа и Центральной Азии. Этому также может служить их открытость в сторону США, России, стран Евросоюза, а также азиатских государств — Китая и Японии. В отношениях же между самой Россией и странами Запада энергетика становится одним из важных звеньев взаимозависимости.

Огромные последствия для всего Среднего Востока может иметь успех усилий по сочетанию ислама, демократии и модернизации в Иране. В конечном счете демократизация на собственной культурной и социально-политической основе является важнейшим продуктом и двигателем модернизации региона. Появление предсказуемого и ответственного политического режима в Тегеране может стать одной из основ региональной стабильности.

Устойчивость российской государственности в начале XXI в. будет во многом зависеть от степени и условий интеграции растущего мусульманского меньшинства в гражданский корпус России. Процессы «доисламизации» ряда этнических групп населения России, мусульманского возрождения продолжатся. Более того, они будут развиваться параллельно аналогичным процессам в странах Центральной Азии и в органической связи с развитием ядра современного мусульманства.

Это ставит перед Россией, как минимум, два вызова. Во-первых, вызов мультикультурализма. Во-вторых, необходимость гармонизации мусульманской культурной автономии и европейской модели развития России в целом.

Небольшая Чечня в известном смысле выступает в качестве микроскопа всех или почти всех этих проблем. Россия не станет современной, успешной, демократической, пока не распутает чеченский узел. И наоборот: действительные реформы в России положительно скажутся на перспективах распутывания этого узла.

Не стоит питать иллюзий. Продолжающаяся война в Чечне останется барьером на пути России в Европу. Прежде всего в органическом плане, но и в буквальном тоже. Пример принятия Турции в НАТО, несмотря на нерешенный «курдский вопрос», неубедителен: в 1952 г. решение принималось в контексте «холодной войны», в условиях настойчивых попыток Сталина «надавить» на турок. То была откровенная геополитика. Россиянам гораздо полезнее и поучительнее проанализировать более печальный опыт отношений Турции и ЕС.

Перспективы решения чеченской проблемы остаются туманными. После 2000 г. в Чечне сложилась тупиковая ситуация. Несмотря на непрекращающиеся диверсии и растущее число жертв войны, российские власти на этот раз не выведут войска из республики. Нового Хасавюрта не будет. В то же время навязывание чеченцам московской модели «замирения» также не принесет ожидаемых плодов. Можно принять по инициативе Кремля Конституцию республики, провести под контролем армии выборы и сформировать из лояльных чеченцев представительные органы власти, но само по себе это не придаст власти легитимности в глазах населения. Вместо этого необходимо подвинуть к согласию чеченские элиты, добиться, чтобы они наконец взяли на себя ответственность за республику перед собственным обществом. Определение характера и форм будущих отношений между Федерацией и Чечней — дело следующего этапа. При этом главное с точки зрения интересов России — обеспечение национальной и региональной безопасности. Добиться этой цели без сотрудничества с чеченцами невозможно.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдулатипов Рамазан 24, 111
Абубакаров Сайид-Мухаммад 83
Автурханов Умар 19, 23
Акопов П. 73
Алексий II (Ридигер) 158, 176
Али Фатхи Хабиб 102
Алиев Гейдар 192, 193
Аманпур Кристиан 64
Амиров Саид 87
Арбатов Алексей 35, 167, 173
Аслаханов Асламбек 40
Аушев Руслан 53, 86, 89, 92, 161, 178
Ахмадов Хизар 13
Ахтаев Ахмед-кади 82, 99

Бабаев Тофик 106
Бабицкий Андрей 153, 156
Бабичев Иван 161
Багауддин Мухаммад 32, 82, 84
Байрамова Фаузия 53, 91
Бараев Арби 28, 39
Баранов Валерий 134
Барсуков Михаил 26, 123, 124
Барятинский Александр 150
Басаев Шамиль 7, 21, 22, 24, 28, 30, 31,
32, 33, 34, 37, 39, 48, 50, 56, 78, 83,
84, 85, 88, 94, 98, 99, 101, 104, 110,
122, 123, 127, 140, 164, 183, 187, 210,
212, 221
Белоцерковский Вадим 77
Березовский Борис 22, 146, 157, 162, 190
Бжезинский Збигнев 70, 184, 217
Бобровников Владимир 20
Буданов Юрий 153, 154

Вальцер Майкл 242
Вачагаев Майрбек 15
Вебер Макс 248
Веллингтон Артур Уэлсли 237
Вилья Панчо 234
Вольский Аркадий 35, 45
Воробьев Эдуард 161
Воронцов Михаил 150

Гантамиров Бислан 19, 34
Гареев Махмут 132, 148, 160, 219
Гедеон (Докукин), митрополит
Ставропольский и Бакинский 51
Гелаев Руслан 36, 39, 101, 135, 192, 212
Георгадзе Игорь 189
Говорухин Станислав 50
Гончар Николай 51
Гордин Яков 62, 63, 68
Грачев Павел 26, 54, 117, 118, 119, 120,
136, 161, 162, 178, 212
Грибоедов Александр 62
Громов Борис 161, 163, 177
Гусейнов М. 84
Гусейнов Сурет 189
Гусинский Владимир 156, 157

Добаев Игорь 87
Демирель Сулейман 53
Джемаль Гейдар 72, 99
Дугин Александр 80, 218
Дудаев Джохар 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22,
23, 24, 27, 28, 37, 45, 53, 54, 72, 73,
102, 123, 134, 185, 214
Дудаева Алла 51

- Дятлов Виктор 58
- Е**
Егоров Николай 22
Егоров Владимир 163
Елагин Виктор 38
Ельцин Борис 6, 16, 19, 21, 24, 25, 26, 33, 35, 37, 41, 48, 55, 56, 57, 62, 117, 119, 120, 122, 123, 125, 126, 145, 152, 155, 156, 161, 162, 163, 164, 183, 187, 190, 191, 213, 216, 217, 249
Ерин Виктор 22
Ермолов Алексей 150
- Ж**
Жириновский Владимир 204, 215
Жюэн Альфонс 237
- З**
Завгаев Доку 23
Закаев Ахмед 42
Зюганов Геннадий 26
- И**
Иван Грозный 9
Иванов Игорь 103
Иванов Сергей 129, 153, 162
Ильясов Станислав 38, 45
Исрапилов Хункарпаша 31
- К**
Кадыров Ахмад 30, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 40, 42
Казанцев Виктор 34, 42, 142, 161, 163
Каламанов Владимир 35, 153, 215
Квашнин Анатолий 120, 121, 122, 124, 142, 161, 163
Киган Джон 245
Кириенко Сергей 163
Клинтон Уильям (Билл) 216, 217
Ковалев Сергей 24
Козырев Андрей 183, 204
Коль Гельмут 21
Кон Игорь 201
Константин Павлович, великий князь
- Коржаков Александр 26
Крутиков Евгений 73
Кулаков Владимир 163
Куликов Анатолий 120, 161, 162
Кунта-Хаджи (Кишиев) 30
Кургинян Сергей 79
- бен **Л**аден Усама 97, 98, 100, 105, 106, 128, 138, 187, 203, 208, 221
Лебедь Александр 26, 27, 45, 51, 55, 120, 161, 162, 178
Лермонтов Михаил 62, 63
Ливен Анатолий 5, 105, 185, 230
Линкольн Авраам 216
Лобов Олег 26, 45, 120
Лопухин Алексей 63
Лужков Юрий 56, 92, 131, 163
Лукин Владимир 24, 177
- М**
Маджидов Ваха 101
Макартур Дуглас 241
Максаков Илья 87
Мамаев Шамсудин 154
Манилов Валерий 40, 157, 163
Масуд Ахмад-Шах 170, 205, 207, 227
Масхадов Аслан 27, 28, 30, 31, 32, 34, 35, 39, 42, 53, 73, 91, 92, 99, 100, 103, 122, 134, 162, 177, 207, 208, 210, 217, 236
Масюк Елена 64
Меджиев А.-М. 28
Мельков Сергей 80
Мешков Юрий 194
Милошевич Слободан 127, 128
Миттеран Франсуа 240
Музыкантский Александр 227
Муртазалиев Омар 209
Мутавакийл Вакийл Ахмад 207
Муталибов Аяз 189
Мушарраф Первез 212

- Наджибулла**, мулла 182
Назарбаев Нурсултан 53
Намангани Джума 104, 105, 134, 169
Невзоров Александр 64
Немцов Борис 165, 177
Николаев Андрей 123, 184, 191
Никонов Геннадий 148
- Оджалан Абдаллах** 204
Озроков Замир 101
Омар, мулла 105, 138, 207
Оссарес Поль 240
- Патрушев Николай** 40
Политковская Анна 156
Примаков Евгений 56, 92, 119, 163, 209, 211
Пуликовский Константин 161, 163
Путин Владимир 6, 22, 33, 34, 37, 41, 49, 53, 56, 57, 61, 62, 66, 91, 92, 122, 126, 129, 130, 131, 146, 151, 152, 153, 155, 156, 162, 163, 164, 171, 186, 191, 192, 196, 212, 216, 217, 222, 236, 249
Пушкин Александр 62, 63
- Радуев Салман** 7, 23, 24, 31, 104, 187, 221
Рахимов Муртаза 92
Рогов Сергей 175
Розин Дмитрий 215
Родионов Игорь 120, 126, 133, 151
Романов Анатолий 162
Ромашкин Петр 167
Ротарь Игорь 78
Рохлин Лев 115, 161, 162
Руа Оливье 74
Руцкой Александр 16, 161, 178
Рыбаков Юлий 24
Рыбкин Иван 126, 146
- Саидов Абдрашид** 33
Семенов Владимир 87, 110
- Сергеев Игорь** 120, 121, 122, 124, 205, 217
Ситнов Анатолий 149, 176
Скакунов Эдуард 89
Скобелев Михаил 9, 150
Снегирев Юрий 87
Солженицын Александр 50, 51
Сосламбеков Юсуп 19
Станевский Феликс 190, 191
Степашин Сергей 22, 56, 122, 123, 162, 163
- Таджутдин Талгат** 109
Тахан Мухаммед 98
Тишков Валерий 59
Толбоев Магомед 87
Толстой Лев 62, 63
Тоцкий Константин 169, 175
Трошев Геннадий 39, 153, 154, 161, 163, 173, 176
- Удугов Мовлади** 28, 64, 84, 202
- Фахд ибн Абд аль-Азиз ас-Сауд** 100
Федоров Борис 49
Федоров Николай 54
Фома Аквинский 235
Фрэнкс Томми 219
- Хаджиев Саламбек** 23
Халимов Ислам 28, 99
Хамза Абу 208
Хантингтон Сэмюел 61
Харрази Камаль 210
Хасбулатов Руслан 152
Хатами Мохаммад 205
Хаттаб (Хабиб Абд ар-Рахман) 7, 39, 78, 84, 88, 95, 98, 99, 100, 102, 103, 104, 122, 127, 164
Хачилаев Надиршах 83
Ходорковский Михаил 213
Хултыгов Лечи 31

Хусаинов А. В. 28

Цицианов Павел 150

Черкесов Виктор 162

Черномырдин Виктор 24, 25, 27, 146

Шаймиев Минтимер 53, 56, 92, 182

Шаккум Мартин 219

Шамаев Ахмед-хаджи 39

Шаманов Владимир 115, 153, 161, 163

Шамиль, имам 77

Шапошников Евгений 139

Шахрай Сергей 17, 19

Шевцова Лилия 23

Шейнис Виктор 24

Шогенов Хоген 87, 89

Эльчибей Абульфаз 140

Эрбакан Неджмеддин 187, 203

Юлдашев Тахир 175

Юсупов М. 34

Явлинский Григорий 24

Яндарбиев Зелимхан 28, 29, 30, 31, 32,
210

Ястржембский Сергей 134

SUMMARY

The book *The Time of the South: Russia in Chechnya, Chechnya in Russia* is co-authored by Aleksei Malashenko and Dmitri Trenin with a contribution by Anatol Lieven. Its topic, clearly indicated in the title, is dealt with in five chapters: 1. Chronicle of an Unfinished Conflict; 2. The Chechen War and the Russian *World*; 3. The Islamic Factor; 4. The War and the Military; 5. The International Ramifications; 6. Chechnya and the Laws of War (by Anatol Lieven).

In the words of its authors, this book is not about the Chechen War, but about its consequences. The Chechen War has led to noticeable shifts in Russia's political life. It has been a major influence on inter-ethnic relations within the Russian Federation and it has become one of the most important factors prompting the reorientation in Moscow's foreign policy. Finally, it has forced the Russian military machine—which is still by virtue of its inertia focused on opposing the West—to react to the new security challenges issuing from the South.

The war has also become an endurance test of Russia's post-Soviet borders.

The war in Chechnya has facilitated the radicalization of Islam in the Northern Caucasus, and within Russia as a whole. Today, Islamic extremism—along with the Islamic renaissance from which it draws its strength—is growing inside the country.

The war has led to the appearance in Russia of hundreds of thousands of forced migrants, a development that has sparked tensions between the Slavic majority and the country's growing Muslim population. It has made terrorism a fact of Russia's post-Soviet reality.

Having originally led to Russia's political and diplomatic isolation in the West, the Chechen War has become, in the wake of September 11, 2001, a factor prompting the latest turnaround in Moscow's policy toward rapprochement with the United States and NATO.

The Chechen War is also a unique symbol of Russia's loss of imperial status. The Soviet Union was a continuation of the Russian Empire. The Russian Federation is no longer quite an empire, but neither is it a democracy in the full sense of the word. The problem of Chechnya lies between these two conditions of Russian statehood. The success of the state's positive evolution thus depends in large part on resolving the Chechen issue.

Its critics sometimes compare the Chechen War with the war in Algeria, which was also not considered a colony, but rather a constituent part of the French Republic. A different comparison, offered by those who defend Russian policy in the region, relates the Chechen situation to the situation in Northern Ireland. Both comparisons are approximate and superficial. Algeria is separated from France by the Mediterranean, while landlocked Chechnya is situated in the very center of Russia's Northern Caucasus. The simple "pull out and forget about it" solution is impossible here. The Northern Ireland comparison is equally untenable, as Belfast (unlike Grozny) has never been subjected to Stalingrad-like devastation as the result of aerial and artillery bombardment, and its population (unlike that of Chechnya) has never been reduced to refugee status.

The first Chechen campaign undermined the presidency of Boris Yeltsin, while the second became the political springboard for Vladimir Putin.

The second Chechen campaign was launched under the banner of an anti-terrorist operation. After the terrorist attacks on the United States, "Chechnya" was written into the context of the global war against terrorism. Without doubt, there is terrorism in Chechnya (one needs only to mention the names of Khattab, Bassayev, and Raduyev to recall this). But terrorism is hardly the dominant element of this situation in which such phenomena as separatism and also ordinary banditry play a crucial role. In addition, the war against terrorism—and not solely in Chechnya, but around the world—calls the methods of this battle into question. In a number of cases, the efforts to eradicate terrorism have led to directly opposite results.

In the heat of battle, little attention is usually paid to the problem of a subsequent settlement. Meanwhile, as has been repeatedly shown (particularly in the case of Northern Ireland but also of Palestine), those who fight against terrorism are eventually compelled to recognize their foes as partners in negotiations to resolve the conflict.

Not only the campaign in Chechnya, but the global anti-terrorist operation as a whole raises anew the issue of relations between the North and the South. Thanks to the cooperation between the former Cold War antagonists—the West and the former Eastern bloc—a new sort of international "Northern Alliance" is taking shape. At the same time, the majority of terrorist organizations and those who sympathize with them are coming from various regions of the "South." In Chechnya for example, the civilizational and developmental differences between the principal players often result in the forces of *traditional* society opposing the Federal authorities. Russia for its part is a typical state of the *industrial* era, and its policy is debated (and often judged) by a *postmodern* Western Europe.

The transformational processes under way in Russia have already led to the dislodging of the former Soviet South from its accustomed niche. The

conditions under which the Northern and Southern Caucasus and Central Asia were integrated into the Russian state no longer exist. Following the territorial collapse of the essentially imperial Soviet state, the erosion of the sense of community formerly held among the people within the borders of the U.S.S.R. has become an issue. A dangerous situation has arisen in Russia: the earlier Soviet multi-ethnic community is receding into history, while a nation of "Russian" citizens has yet to take shape. The Chechen War has erected a barrier between the Slavic majority and "persons of Caucasian nationality," while helping to merge the concepts of "Islam." Today, this constitutes a major obstacle toward creating a post-imperial civil nation in Russia.

The book is called *The Time of the South*. In the authors' opinion, it is precisely along the southern axis that the most serious challenges Russia is encountering today (and will continue to encounter in the foreseeable future) are concentrated. In making this connection, Trenin and Malashenko are talking not only about the drawn-out Chechen War but about the problems of the entire North Caucasus and those of the other Muslim enclaves within the Russian Federation as well. Beyond Russia's borders, the most serious potential problem for the Russian Federation is Kazakhstan, on whose stability in inter-ethnic relations Russia's security depends. Kazakhstan is without doubt the only country in Central Asia where truly vital Russian interests are concentrated. However, it is important to note that the processes under way across Central Asia (in particular in the the Fergana Valley) have a direct affect upon the situation in Kazakhstan. The destruction of the Taliban in Afghanistan has not solved the basic problems of stability of the region's post-Soviet regimes as these problems are primarily domestic in nature. Uzbekistan, Turkmenistan, Kyrgyzstan, and Tajikistan continue to remain—to varying degrees—internally unstable states. They are also vulnerable from without, as they abut the unstable regions of the Greater Middle East.

The social and political tension now evident from Xingjian to Palestine is matched only by the proliferation there of missile technologies and weapons of mass destruction. Due to its geographical proximity to this region, Russia is especially vulnerable with regard to the consequences of using nuclear weapons by the states of this region. In 1999 and again in 2002, India and Pakistan brought the nuclear factor into their mutual relations. This testifies to the fact that the main problem of strategic stability that has arisen in the twenty-first century is that of maintaining the balance between so-called new nuclear states.

The security of Russia itself, and the nature of its relations with other nations, depends on the correct choice of a "Southern" strategy and operational tactics. Also dependent on this choice are the very nature of Russian statehood and the quality of Russian society. In this connection, the historical experience already at hand must be reexamined.

Against the mostly positive background of Russia's transition to a modern state, the longer the issue of its relations with the Muslim world drags on the more striking it becomes. The "Muslim world" in this case refers to Muslim communities within Russia itself and along the southern periphery of its borders, as well as the six new Muslim nations (Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan) which sprang up following the collapse of the Soviet Union. The combined population of the above six nations exceeds 60 million, which in itself is equal to over 40 percent of Russia's population. Even more important are the six nations' qualitative changes and their dynamics.

Within the Russian Federation itself, rapid development can be seen in the self-awareness of the national elites, including those in the traditionally Muslim republics of the Volga region and the North Caucasus. At the time of the collapse of the U.S.S.R, Tatarstan and Bashkortostan declared their sovereignty, and they *de facto* claimed a confederative relationship with the rest of Russia. These claims were later toned down and moderated somewhat, but they have not been abandoned entirely.

Inside the Russian Federation, the phenomenon of an Islamic renaissance continues to develop. One part of this rebirth has been the inevitable politicization of Islam and the appearance—on both the national and regional levels—of various Islamic parties and movements which have become (formally or not) legitimate participants in the political process. These organizations are not only "instruments of communication" between different Muslim enclaves; they are also centers for coordinating action within *the Russian segment of the Muslim world*, and are as such conduits for the interests of the Muslim communities.

The Islamic factor is both influencing the situation inside Russia as well as affecting Russia's foreign policy. Giving this factor special importance is the fact that the political radicalization of Islam grew stronger at the end of the twentieth century. In the nations of Central Asia, in the Caucasus, in Afghanistan, in the Near East, and in other parts of the Muslim world (including the Muslim-Christian *borderlands*), conflicts have been developing in which Islam is one of the most important levers of mobilization, setting major ethnic and social groups into motion.

These conflicts have in turn left their mark on the military policies of neighboring states, including Russia. For a quarter of a century now (with only short respites), first Soviet then Russian forces have conducted military operations against exclusively Muslim troops: in Afghanistan (1979-1989), in Tajikistan (1992-1993), during the First Chechen campaign (1994-1996), in Dagestan (1999), and during the Second Chechen campaign (1999-present). The international anti-terrorist coalition led by the United States (which Russia joined in the fall of 2001) has also dealt a blow primarily to terrorists

and radicals from the Muslim world. American armed forces are now operating in Afghan territory and carrying out operations in the areas bordering Pakistan. U.S. advisers and instructors are training government troops in the Philippines and in Georgia to combat local Muslim terrorists, and Iraq has been named the target of a large-scale U.S. military operation. Even excluding Iran, Palestine, Kashmir, and Xinjiang from the list, it is becoming increasingly clear that the nations which take the lead in dealing with armed Islamic separatists, terrorists, and other extremists are going to have to strengthen the *non-military* dimension of their policies, so that separate conflicts are not allowed to mushroom into a *clash of civilizations*.

In many ways, the war in Chechnya has become a landmark event—a unique symbol of post-Soviet Russia. Although the Chechen issue had arisen before the collapse of the U.S.S.R. and the Dudayev government declared that it was seceding from the Russian Federation as early as November 1991, virtually to the beginning of the first campaign in late 1994 the “Chechen issue” remained on the periphery of Russia’s political geography. When war finally did break out, it looked like some kind of theater of the absurd. However in spite of the torment and suffering of its many victims, for many—both in the Russian capital and in the hinterlands—the war remained a distant and foreign entity, seeming at most to provide the material for a never ending television serial. After the Khasavyurt Truce Agreement (1996) many Russians preferred once again to forget about Chechnya and all the issues raised by it.

Three years of *de facto* Chechen independence did not bring peace to either Chechnya, the North Caucasus, or to the rest of Russia. In 1999, Russians were whipped up by an emotional wave of outrage and anger by the invasion of Dagestan by guerrillas from Chechnya, as well as by the terrorist explosions of apartment blocks in Moscow and other cities. This mood was reflected not only in the nature and methods of the second Chechen campaign: it played an enormous and possibly decisive role during the parliamentary and presidential elections of winter 1999-spring 2000.

The Chechen issue has crossed over from the twentieth century to the twenty-first. The intensity of military operations has been reduced but the gunfire, guerrilla raids, and acts of terrorism have not ceased. The number of the war’s victims continues to grow. Though it may seem to be localized, the war in Chechnya is a nationwide problem—not least because of the current policy of universal military service and the practice of ordering militiamen from across the country to do a tour of duty in the North Caucasus. The further unfolding of events in the Caucasus and Central Asia will be of substantial importance in Russia’s subsequent evolution.

We are talking here of transforming an empire into a qualitatively new formation, in two dimensions at once: the domestic (Chechnya, the North Cau-

casus) and the foreign (Central Asia, parts of the Near and Middle East). This “process” is a difficult one, but it is under way. One can definitively state that the path to restoring Russia’s Eurasian empire under any name has been closed off once and for all. Boris Yeltsin’s departure did not lead to any kind of backlash or imperialist revanchism. Russia’s second president, Vladimir Putin, is unquestionably the leader of a national state rather than of an empire. The main goal of his administration’s policy is the modernization of the country and from this point of view an empire is an inefficient anachronism.

Russia’s retreat from imperial status is not entirely complete. It turned out to be easier for both the country’s elites and for the bulk of its population to give up the Ukraine (*including* the Crimea and Sevastopol) than to once again have to integrate the North Caucasus starting entirely from scratch. Alongside the issues of the national republics making up the Russian Federation, the problems of Russia’s “colonized” areas—the Far North, the Far East, and Siberia—remain on the regional policy agenda.

The establishment of Russia as a federation is proceeding with difficulty. The Soviet totalitarian-centralist model of state structure was replaced in the 1990s by an entity that essentially recalled feudal fragmentation. The pendulum then swung the other way and in 2000 the “recentralization” of the country’s government was proclaimed, and partially carried out.

It is entirely possible that the so-called “Putin stabilization” will prove an incubation period for the establishment of new state and social structures. One cannot expect the eventual rebirth of a unitary Russia. Nevertheless, a “Russia of regions” (if by this one means a weak confederation in which the capital is just a place for holding negotiations and making deals) can also hardly be expected to emerge. Achieving the optimal balance between centralism and decentralism will depend on the success of Russia’s economic reforms, and on the socio-political consequences of this success.

In this broad context, the turnabout that has taken place in relations between Russia and the West following the terrorist attacks on the United States on September 11, 2001 is important not only from the point of view of foreign policy. It reflects the country’s internal needs, but it also demands that Russia reject its customary (but outdated) ideas and ambitions. In this sense, the historical significance of the changes in *Russian* foreign policy that have taken place since the fall of 2001 lies in the fact that Moscow has unilaterally ceased its hopeless and ruinous geopolitical competition with the U.S.A.

At the same time that Russia’s relations with the West—and with Europe in particular—are assuming an increasingly domestic character (“integration through transformation”), the future of Russia’s relations with the East will be determined by two factors. The first of these is the long-term development of the Russian Far East and Siberia. At the beginning of the twenty-first cen-

ture, this will be Russia's greatest geopolitical challenge. The second factor is the dynamic of the processes unfolding in Asia—from India to Japan—which is increasingly becoming important for *its own sake*. Having ceased to be the playing field for the rivalries of foreign powers, Asia is turning out to be an increasingly interconnected conglomerate of rapidly developing forces, all of which are at once fiercely competing and closely collaborating with one another. These forces will affect Russia as *a European country in Asia*.

At the beginning of the twenty-first century, an entirely different set of challenges and opportunities for Russia is coming from the South, which in this instance may be conditionally defined as the Caucasus and Central Asia, and the Near and Middle East. This is not only Russia's closest external periphery; it is also part of a chain of enclaves inside Russian territory, from the North Caucasus to the Volga area.

Along this axis, as along others, the challenges and threats of the twenty-first century are very different from the threats of the nineteenth and twentieth centuries. The "Great Game" of the major powers has lost its previous meaning. Control over Russia's traditional border and buffer territories according to the tsarist, Soviet, or even the Anglo-Indian models is already quite impossible. Additionally, under the conditions of economic, financial, and informational globalization, formal sovereignty or suzerainty is no obstacle to those who possess superior *non-coercive power*. According to the new rules, it is no longer a zero-sum game for either its winners or its losers.

Thus *all* the "status" participants in international relations—the nation-states—are losing due to the rise in extremism, radicalism, and terrorism. *None* of them is in any position to benefit from the difficulties inherent in the modernization of Muslim, and especially Arab, societies. The weakness of the new states, which earlier served as an invitation to domination and which was a motivating factor in the battle for spheres of influence, has now been transformed into a source of threat not only to the neighbors of such states, but also in principle to the world community as a whole. The commonality of this threat is leading to the formation of new alliances in the form of broad coalitions. The task, however, is not just to combat successfully the external manifestations of the threat, but eventually to eradicate it entirely. This in turn is possible only via the transformation, modernization, and democratization of traditional societies, and via their inclusion in global processes as something more than mere sources of raw materials.

Harnessing the fuel and energy resources of the Greater Caspian region and transporting them to the world market can in principle create the material preconditions for a second wave of modernization in the societies and nations of the South Caucasus and Central Asia. This can also be served by the opening up of these regions to the U.S., Russia, the European Union, and to

the Asian nations of China and Japan. As a point of illustration, in relations between Russia itself and the Western nations, energy is becoming one of the most important links of interdependence.

The success or failure of efforts in Iran to combine Islam, democracy, and modernization could have enormous consequences for the entire Middle East. In the long run, democratization built upon the region's own cultural and socio-political base will be a most important product if not the very engine of its modernization. The emergence of a predictable and responsible political regime in Teheran might be one of the foundations of regional stability.

The sustainability of Russian statehood at the beginning of the twenty-first century will largely depend on the degree and conditions of the growing Muslim minority's integration into the framework of Russian society. This is especially important as the processes of the "further Islamization" of a number of ethnic groups living in Russia and of the Muslim renaissance will continue into the foreseeable future. Moreover, such developments in Russia will proceed parallel to similar processes now under way in the nations of Central Asia, and in close connection with the development of contemporary Islam's hard core.

It is hardly worthwhile to harbor any illusions. The ongoing war in Chechnya remains a barrier on Russia's road into Europe—in the figurative sense primarily, but also in the literal one. The example of Turkey's admission into NATO despite the unresolved "Kurdish issue" is entirely bogus: that decision was made in 1952 in the context of the Cold War, and under the conditions of Stalin's continuous attempts to pressure the Turks. In other words, it was an example of geopolitics. It would be much more useful and instructive for Russians to examine the sadder experience of Turkey-EU relations.

The prospects for resolving the Chechen issue remain hazy. A dead-end situation was reached in Chechnya after the year 2000. Despite incessant guerilla raids, acts of sabotage, and the growing number of war casualties, the Russian authorities are not about to withdraw their troops from the republic this time. There will be no new Khasavyurt Agreement. At the same time, foisting Moscow's version of a "settlement" onto the Chechens will prove equally fruitless. On the Kremlin's initiative, the republic's constitution may be ratified, elections may be held under the control of the army, and representative organs of government may be formed from loyal Chechens, but this in and of itself will not give the authorities legitimacy in the eyes of the population. The Chechen elites must instead be pushed toward a settlement and to finally agreeing, before their own society, to assume responsibility for the republic. Defining the character and form of future relations between the Federation and Chechnya is a matter for the next stage of development. The most important thing here from the perspective of Russia's interests, is guarantee-

ing national and regional security. Achieving this goal without the Chechens' cooperation will be impossible.

This presents Russia with at least two challenges. First, there is the challenge of multiculturalism. Second, there is the need to harmonize Muslim cultural autonomy with the European model of development of Russia as a whole.

Little Chechnya is in a sense becoming a microcosm for all, or nearly all of these problems. Russia cannot become a modern, prosperous, and democratic state so long as the Chechen knot remains tangled. Significantly, the opposite is also true: genuine reforms in Russia will have a positive effect on the prospects for untangling that knot.

О ФОНДЕ КАРНЕГИ

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. Эндрю Карнеги для проведения исследований в области международных отношений. Фонд не пользуется какой-либо финансовой поддержкой со стороны государства и не связан ни с одной из политических партий в США или за их пределами. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты, которые используют в своей практике богатый опыт в различных областях деятельности, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства и не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, поэтому спектр взглядов его сотрудников довольно широк.

Московский Центр Карнеги создан в 1993 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». В рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкую программу общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют циклы семинаров по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, внутренней и внешней политики России, по вопросам безопасности, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Avenue, NW

Washington, DC 20036, USA

Tel.: (202) 483-76-00

Fax: (202) 483-18-40

E-mail: info@ceip.org

<http://www.ceip.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва,

Тверская ул., 16/2

Тел.: (095) 935-89-04

Факс: (095) 935-89-06

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>